

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 31 (1–4),

№ 4

2023

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2023. Т. 31(1–4). № 4

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [С. М. Никитюк](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 19.12.2023. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписной индекс:

[Интернет-каталог «Пресса по подписке»](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,](#)

[на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никитюк Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, начальник академии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (главный редактор).

Асташова Надежда Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Афанасьев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Васюков Виталий Федорович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Воробьев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Горностаев Станислав Викторович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Епифанов Станислав Станиславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Еремкина Ольга Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Каплунов Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Кисляков Павел Александрович, доктор психологических наук, доцент, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pack.81@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Nikitjuk Sergej Mihajlovich, Candidate of Law, Head of the Academy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (editor-in-chief).

Astashova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Afanas'ev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Vasjukov Vitalij Fedorovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Vahnina Viktorija Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Vorob'ev Sergej Mihajlovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Galiev Farit Hatipovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Gornostaev Stanislav Viktorovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Epifanov Stanislav Stanislavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Operational Investigative Activities, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Eremkina Ol'ga Vasil'evna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Kaplunov Andrej Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Kisljakov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pack.81@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Николюк Вячеслав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nvv56@mail.ru.

Омелин Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Поникаров Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: minrs@yandex.ru.

Романов Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Серова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и международной деятельности, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Суворова Ольга Вениаминовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, руководитель центра, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lelia34@mail.ru.

Чепик Ольга Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор института по кафедре бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Чепик Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, анализа и учета, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Черемисова Ирина Валерьяновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Южанин Николай Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Komarov Sergej Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Mihajlova Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Nikoljuk Vjacheslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: nvv56@mail.ru.

Omelin Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Extreme Psychology for Research, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Ponikarov Vladimir Anatol'evich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru.

Romanov Aleksej Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Serova Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and International Affairs, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Suvorova Ol'ga Veniaminovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ul'janina Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Center, Federal Coordination Center for Providing Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: lelia34@mail.ru.

Chepik Ol'ga Viktorovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Institute at the Department of Accounting, Analysis, Finance and Taxation, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Chepik Sergej Georgievich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Analysis and Accounting, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Cheremisova Irina Valer'janovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Juzhanin Nikolaj Vjacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 518** *Сыч К. А.* Доминирующие парадигмы наказания и иных принудительных мер уголовного права в контексте их развития
- 530** *Пономарев С. Б.* Стратегия противодействия пенитенциарной субкультуре с позиции системного анализа
- 538** *Шурухнов Н. Г.* Противоправные деяния сотрудников уголовно-исполнительной системы: статистика, квалификация, вид наказания

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 546** *Артеменко Н. В., Саядян С. Г.* Проблемы применения уголовных наказаний, сопряженных с привлечением к труду, в отношении лиц, достигших пенсионного возраста

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 558** *Скорородова А. С.* К вопросу о понятии и системе мер уголовно-правового воздействия, применяемых к несовершеннолетним
- 571** *Фомин В. В., Лукьянова Е. А.* Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел на транспорте по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 579** *Соловкин О. Н., Жильников А. А.* Организация государственных закупок в соответствии с требованиями эффективного использования бюджетных средств

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 592** *Кротова Д. Н., Цветкова Н. А.* Самоактуализация осужденного как один из психологических критериев его исправления
- 610** *Енгалычев В. Ф., Королева Е. А., Александрова О. В.* Новые подходы к применению специальных психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними
- 619** *Гапонова С. А., Деветьярова И. Н.* Связь типа семейных отношений с развитием компетенции саморегуляции девиантных подростков
- 630** *Ильянкова Е. И., Морозов А. В.* Личностные особенности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления
- 647** *Писарев О. М.* Некоторые вопросы психологической работы с эмоциональной сферой осужденных, склонных к суициду
- 656** *Разумова Е. М.* Психологические защиты и особенности личности подозреваемых и обвиняемых мужчин, помещенных в следственный изолятор
- 668** *Гаврина Е. Е.* Проблемы и пути их решения при обеспечении выполнения плана по комплектованию образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний
- 679** *Серов В. И.* Психология потери. Социальная и социально-психологическая защита от социогенных потерь курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов при проведении академических учений
- 687** *Казанцев В. Н.* Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся в педагогическом наследии Константина Дмитриевича Ушинского

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья

УДК 343.241

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.518-529

ДОМИНИРУЮЩИЕ ПАРАДИГМЫ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ИХ РАЗВИТИЯ

Константин Антонович Сыч¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹ vladimir_1@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, которая рассматривается через призму метода доминирующей парадигмы. Особое внимание уделено современным парадигмам уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. При этом автор отмечает, что российская система наказания и иных мер уголовно-правового характера подошла к такому периоду своего развития, который можно именовать периодом смены парадигмы.

Ключевые слова: уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера, меры безопасности, опасное состояние личности, превентивное воздействие

Для цитирования

Сыч К. А. Доминирующие парадигмы наказания и иных принудительных мер уголовного права в контексте их развития // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 518–529. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.518-529.

SCIENCE FORUM

Original article

DOMINANT PARADIGMS OF PUNISHMENT AND OTHER COERCIVE MEASURES OF CRIMINAL LAW IN THE CONTEXT OF THEIR DEVELOPMENT

Konstantin Antonovich Sych¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹vladimir_1@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of criminal punishment and other measures of a criminal-legal nature, which is considered through the prism of the method of the dominant paradigm. Special attention is paid to modern paradigms of criminal punishment and other measures of a criminal-legal nature. At the same time, the author notes that the Russian system of punishment and other measures of a criminal-legal nature has come to a period of its development, which can be called the period of paradigm shift.

Keywords: criminal punishment, other measures of a criminal-legal nature, security measures, dangerous state of the individual, preventive impact

For citation

Sych, K. A. 2023, 'Dominant paradigms of punishment and other coercive measures of criminal law in the context of their development', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 518–529, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.518-529.

Развитие уголовного наказания, как известно, имеет богатую историю, которая неразрывно связана с духовно-нравственным состоянием общества, а также с парадигмами, определяющими законодательные концепции мер уголовно-правового реагирования на преступления или общественно опасные деяния. Вот почему исследование доминирующих парадигм наказания или иных принудительных мер уголовного закона является наиболее важным в современный период развития уголовного права. Нетрудно предположить, что парадигму, определяющую содержание, сущность и формы государственного реагирования на преступления или иные общественно опасные деяния, с полным основанием можно назвать доминирующей парадигмой той или иной эпохи. А метод исследования рассматриваемых явлений с ее использованием – методом доминирующей парадигмы.

Отмеченный метод довольно интенсивно используется, например, в философии для классификации научных познаний, где под парадигмой понимаются «...признаваемые научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному обществу модель постановки проблем или их решения» [1, с. 11]. Следовательно, парадигму можно представить как мировоззрение, религиозные, социальные нормы

либо научные концепции, лежащие в основании глобальной модели либо конструкции правовых явлений, значит, метод доминирующей парадигмы в науке уголовного права может быть использован для исследования исторических периодов развития наказания и других принудительных мер. В юридической литературе русского уголовного права, посвященной истории развития наказания, представлены следующие его этапы: а) частной (кровной) мести; б) материальных выкупов или композиций; в) публичных казней или устрашения; г) психического принуждения и исправления личности преступника [2, с. 15; 3, с. 4]. Такого рода классификация эпох развития наказания, несомненно, имеет право на существование. В зарубежной литературе начала XX в. представлена классификация, согласно которой этапы (фазы) развития института наказания имеют некоторые различия. Например, Э. Ферри предложил четыре фазы развития наказания: а) элементарная фаза (фаза оборонительной и мстительной реакции); б) фаза религиозного влияния или божественного воздаяния; в) фаза этического или средневекового искупления; г) фаза юридического исправления (основанная на принципах классической школы уголовного права); д) социальная фаза (характеризуется отказом от наказания, основанного на соразмерном воздаянии за нравственную вину, заменяя его мерами социальной защиты) [4, с. 363–364]. Э. Ферри включает в квалификационный ряд социальную фазу – это период, когда законодательные концепции наказания ряда европейских государств, основанных на принципах классической школы уголовного права, были заменены мерами социальной защиты. Классификации этапов (фаз) развития наказания имеют различные периоды, которые отчетливо характеризуют доминирующую парадигму эпохи.

Представляется, что отмеченные периоды в развитии уголовного наказания достаточно полно охватывают его историю, однако выводы, сделанные по результатам их исследования, нуждаются в уточнении в современный период. Ярким свидетельством тому может служить эпоха частной мести, или мстительной реакции. Известно, что в догосударственно-правовой период организации общественной жизни людей, когда нет органов публичной власти, нет органов, специально наделенных полномочиями по охране жизни, здоровья, имущества и других общественных или частных благ от вредоносного посягательства, защита названных благ может и должна осуществляться посредством частных методов воздействия. Из этого многими исследователями делается вывод, согласно которому частная месть является неограниченной реакцией потерпевшего или его родственников на причиненную обиду, неким произволом при защите социальных ценностей. С таким тезисом трудно согласиться, поскольку он не учитывает общественных интересов при организации публичной жизни людей. Частный интерес является составным интересом общины.

Из истории развития государства и права известно, что обычай частной (кровной) мести является публичной санкцией обычного права, которая делегирует полномочия по реализации кровной мести частным лицам в ситуации определенного типа. Частная месть является таковой лишь по форме ее исполнения, а ее сущность кроется в организации общинной жизни людей. Отсюда закономерен вопрос: в какой мере можно отождествлять частную (кровную) месть, рассматриваемую как категорию права, с наказанием? В юридической литературе на сей счет, нет однозначного ответа. И. Я. Фойницкий, профессор русского уголовного права, утверждал, что до появления государства и права наказание отсутствует, его заменяет частная месть [5, с. 9]. Уместно будет возразить известному профессору в том смысле, что если отсутствует наказание, то

частную месть следует признать частным произволом потерпевшего или его родственников. Это ставит под сомнение позитивное историческое значение данного древнего памятника права, выраженное в форме обычая, через который прошли многие народы мира. Наверное, прав в этом смысле Н. С. Таганцев, который, напротив, полагал, что с первыми зачатками организованного общежития появляется и наказание [6, с. 11].

Такое понимание частной (кровной) мести авторами, изучающими эту проблему, связано с разными методологическими подходами определения наказания и обычая частной мести. Обычай, как отмечал М. Дьяконов еще в 1912 г., есть юридическая норма, которая соблюдается в данной социальной среде всеми или определенным кругом в силу убеждения действующих лиц подчиняться этим нормам [7, с. 8]. Следует отметить, что в современной литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, отмечалось, что обычай частной мести по своей социальной природе является публичной обязанностью, неисполнение которой влекло за собой неблагоприятные последствия для лица, уклонившегося от нее [8, с. 31]. Существенное отличие обычая частной (кровной) мести от наказания как категории права состоит в субъекте права устанавливать, назначать и исполнять этот институт возмездной реакции на вредоносное посягательство злоумышленника (преступника): наказание, естественно, связано с государством, а частная месть – с публичной властью общины [9, с. 28]. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, отметим лишь то, что в догосударственно-правовой период частная (кровная) месть являлась частным способом защиты интересов потерпевшего от вредоносного посягательства. В таком обществе, в котором нет ни судей, ни законов, наказание всегда сохраняет форму мести [10, с. 151]. В связи этим обычай кровной (частной) мести по своей социальной природе является обязанностью потерпевшего или его родственников, неисполнение которой влекло за собой неблагоприятные последствия для них. Тезис, согласно которому частная месть является неограниченным произволом потерпевшего или его родственников, не соответствует действительности. При этом следует отметить, что кровная месть в России была не только санкцией обычного права, но и категорией позитивного права, поскольку была включена в содержание Русской Правды в первых ее редакциях.

В советском фундаментальном собрании российского законодательства X–XX вв., изданном в 70-х годах прошлого века, утверждается, что смертная казнь не известна Русской Правде. Это утверждение нуждается в существенном уточнении в силу того, что данный памятник русского права периода правления Ярослава предусматривал, наряду с кровной мстью, материальный выкуп, который давал возможность виновному освободиться от этих негативных последствий, путем заглаживания вреда потерпевшей стороне. В литературе утверждалось, что материальный выкуп не может признаваться наказанием, а является мерой гражданского законодательства, поскольку был связан с возмещением вреда потерпевшему. Так, О. Оппенгеймер отмечал, что ответственность перед потерпевшим позднее заменилась наказанием, но не превратилась в него [11, с. 79]. Этот тезис, видимо, следует понимать таким образом, что в рассматриваемый период истории развития наказания не существовало четкого разделения русского права на отрасли, а потому всякая мера, связанная с разрешением кровного конфликта, вполне может быть признана уголовно-правовой. Кроме того, Русская Правда предусматривала материальный выкуп за совершенное убийство в двух значениях: как штраф в пользу князя (вира) и как платеж в пользу родственников убитого в случае отказа от мести (головничество) [12, с. 79]. Материальный выкуп, по утверждению

М. Ф. Владимирского-Буданова, представляет собой слияние частного и общественно-го элемента в этом наказании: элемент уголовного значения – вира и головничество – частное вознаграждение потерпевшему [13, с. 328]. Этот исторический пример может и должен иметь значение при определении новой уголовно-правовой политики в сфере конструирования законодательных мер правового реагирования на преступления.

Важнейшим историческим периодом развития института наказания является период господства идей классической школы уголовного права (гуманизма, законности, виновности и др.), породивший парадигму юридического исправления и предупреждения преступлений. В русском уголовном праве эти идеи отчетливо получили законодательное закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Отмеченный Закон проводит классификацию видов наказаний, делит их на уголовные (ст. 17 Уложения), исправительные (ст. 30 Уложения) и наказания, назначаемые за преступления по службе (ст. 65 Уложения) [14, с. 5]. Так, Закон закреплял исчерпывающий перечень уголовных наказаний (ст. 17): 1) лишение всех прав состояния и смертная казнь; 2) лишение всех прав состояния и каторжные работы; 3) лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь; 4) лишение всех прав состояния и ссылка на поселение на Кавказ. При этом законодатель определял качественные и количественные признаки наказаний. Например, каторжные работы делились на семь степеней. В зависимости от тяжести совершенного преступления могли назначаться либо работы в рудниках без срока или на срок от 12 до 15 лет, либо работы в крепостях от 4 до 12 лет. Лишение всех прав состояния всегда сопровождалось последствиями в зависимости от социального положения осужденного: например, для дворян – потеря дворянства потомственного или личного и всех преимуществ, связанных с этим положением, а для других категорий – потеря доброго имени и личных гражданских и политических прав [14, с. 5]. Особенностью Уложения 1845 г. является то, что в тексте этого Закона прямо указывалось на недопустимость распространения негативных правовых последствий на близких родственников (ст. 24).

Исправительные виды наказания в рассматриваемом Законе (ст. 30 Уложения) преимущественно сводились к потере всех особых прав осужденных и ссылке в более или менее отдаленные места для проживания, временному заключению в крепость, заключению в смиренный дом или тюрьму от нескольких месяцев до нескольких лет, денежным взысканиям. Выделение исправительных наказаний в самостоятельную группу свидетельствует о дифференцированном подходе законодателя к конструированию санкций, предусматривающих уголовную ответственность, в зависимости от категории преступления. Можно сказать, что впервые в истории русского уголовного законодательства наказания представлены в форме правовой дифференциации, проведенной по признаку тяжести совершенного преступления. Более того, названный Закон, конструируя виды наказания, учитывал естественные блага осужденного, связанные с его человеческим достоинством.

Традиция, основанная на доминирующей парадигме юридического исправления и предупреждения преступлений, отчетливо прослеживается в Уголовном уложении 1903 г. В этом нормативно-правовом акте более обстоятельно закрепляется уголовный проступок наряду, безусловно, с институтом преступления. Применительно к рассматриваемой проблеме это обстоятельство сыграло важнейшую роль в процессе конструирования уголовно-правовых санкций. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), к сожалению, не имеет такого института, как проступок. Однако наличие уголовного про-

ступка в законодательстве ряда государств, например в Уголовном кодексе Франции, позволяет суду не назначать наказания в виде лишения свободы за преступления, именуемые в российской классификации преступлениями небольшой и средней тяжести.

Парадигма юридического исправления и предупреждения, которая имеет доминирующее значение и в настоящее время в российской законодательной практике, сводится к устрашающему воздействию на осужденного, пусть даже посредством и менее строгих видов наказания. Как свидетельствует опыт, накопленный в процессе исполнения наказаний, юридически исправить осужденного, полагаясь только на средства принудительно-карательного воздействия, можно лишь в значении устрашения, когда страх потерять свободу или иное социальное благо является более сильной мотивацией, по сравнению с криминальной мотивацией. Необходимо отметить, что в русле именно этой парадигмы родилась идея деления уголовных правонарушений на преступления и проступки. Например, деяния, за которые Уложение 1845 г. предусматривало наказания в виде заключения в исправительный дом, крепость или тюрьму, именуются преступлениями, а деяния, за которые определены наказания в виде ареста, денежной пени, именуются проступками [15, с. 275]. В современном российском уголовном праве проблема уголовного проступка как разновидности правонарушения только обсуждается, хотя следует признать, что она в определенной мере была решена в русском дореволюционном уголовном законодательстве. Представляется, что введение в действующий УК РФ института уголовного проступка, основанного на принципах применения наказаний, не связанных с лишением свободы за его совершение, имело бы, как свидетельствует зарубежный опыт, положительное значение для правоприменительной практики.

Определенный научный интерес представляет парадигма мер социальной защиты, получившая свое воплощение в уголовном законодательстве ряда европейских государств в середине сороковых годов XX в. Данная парадигма, как известно, стала результатом длительной научной дискуссии, которая велась между сторонниками классической и социологической школ уголовного права. Так, представители социологического направления в уголовно-правовой науке склонялись к идее о неэффективности применения мер наказания, основанных на принципах классической школы уголовного права, предлагая взамен концепцию мер социальной защиты. По мнению сторонников социологической школы уголовного права, наказание неспособно преодолеть преступность как социальное явление. Именно этот тезис сыграл основную роль в признании мер социальной защиты более предпочтительными мерами противостояния преступности.

Влияние идей о социальной защите на законодательную власть, как известно, было настолько велико, что ряд европейских государств включили в действующее уголовное законодательство меры социальной защиты (меры безопасности) в качестве альтернативы наказанию либо наряду с ним: УК Испании 1928 г.; УК Италии 1930 г.; УК Польши 1932 г.; УК Швейцарии 1937 г. [16, с. 91].

Тенденция, связанная с включения мер социальной защиты в уголовное законодательство, была характерна для советского уголовного права. Так, после принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1924 г. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. включил меры социальной защиты наряду с мерами наказания. Например, УК РСФСР 1926 г. закрепил в качестве мер уголовно-правового реагирования на преступление меры социальной защиты. Особенностью этих мер являлось то, что они применялись по принципу объективного вменения. На протяжении нескольких десятилетий советское уголовное законодательство находилось под влиянием концеп-

ции мер социальной защиты, лишь с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. оно вернулось в лоно классической школы уголовного права.

Основным тезисом концепции мер социальной защиты, как известно, является идея опасного состояния личности, которая заключается в том, что таким состоянием личности подменяется вина как основание субъективного вменения, а потому применение мер социальной защиты возможно даже при отсутствии совершенного преступления лица. Современное уголовное законодательство зарубежных государств, которое использует концепцию мер социальной защиты наряду с мерами наказания, образует таким образом двухколейную систему уголовно-правового воздействия. Принципиальное различие между мерами социальной защиты и наказанием заключается в том, что назначение этих мер определяется не виновностью лица или тяжестью совершенного им преступления, а степенью опасного состояния человека, его психическим состоянием, которое угрожает обществу. А. Е. Жалинский, проводя черту между наказанием и мерами безопасности в немецком уголовном праве, отмечал, что если наказание является правовым последствием совершенного виновного, наказуемого деяния, то меры безопасности связаны не с виной, а только с социальной опасностью субъекта деяния и могут назначаться при отсутствии вины [17, с. 292].

Принципиальное отличие наказания от мер безопасности – в следующем: а) если наказание носит репрессивный характер и лишь опосредованно превентивный, то меры безопасности – преимущественно превентивный характер; б) применение наказания связано с вменяемостью субъекта, меры безопасности могут применяться и в отношении невменяемых; в) цель применения мер безопасности связана с обеспечением социальной безопасности в конкретных случаях; г) основаниями применения мер безопасности могут являться не только совершение общественно опасного деяния, но и опасное состояние человека, которое создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам.

В современном зарубежном уголовном законодательстве отчетливо прослеживается парадигма, которая органически объединяет институт наказания и иные принудительные меры уголовного права (меры безопасности), создавая, таким образом, систему двухколейного воздействия на совершение преступлений, вытекающих из так называемого опасного состояния человека. Иные меры уголовно-правового характера как институт УК РФ отличаются от мер безопасности зарубежного уголовного права прежде всего тем, что они сконструированы не по системному принципу превентивного воздействия на ситуацию, связанную с опасным состоянием личности (человека). Например, трудно определить критерий отнесения к разд. 6 УК РФ: принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ); конфискацию имущества (гл. 15.1 УК РФ); судебный штраф (гл. 15.2 УК РФ). В зарубежном уголовном праве меры безопасности носят превентивный характер, направленный на устранение опасности охраняемым уголовным законом объектам. Так, ст. 96 УК Испании делит меры безопасности на две группы: 1) связанные с изоляцией от общества; 2) не связанные с изоляцией от общества (запрет на нахождение и проживание в определенной местности, лишение права на управление транспортным средством, лишение лицензии на оружие, профессиональная дисквалификация и пр.). Представляет интерес ст. 42 УК Швейцарии, которая закрепляет право суда применять интернирование, если у суда сложится убеждение, что осужденный, совершивший проступок, склонен к совершению преступлений. Как полагает А. Г. Ки-

бальник, такая мера является превентивной для лиц, склонных к совершению преступлений или проступков [18, с. 46]. Эта же парадигма прослеживается в УК ФРГ, который предусматривает более сложную меру, известную как превентивное заключение, которое назначается в случае осуждения лица за умышленное преступление к лишению свободы на срок не менее двух лет. Превентивное заключение применяется в отношении опасных рецидивистов с тяжкими личностными нарушениями, опасных сексуальных преступников, лиц с ограниченной вменяемостью и других категорий. Базовый принцип применения данной меры – принцип соответствия, закрепленный в § 62 УК ФРГ. Он заключается в соответствии применяемой судом меры ожидаемому деянию, а также зависит от степени опасности, которая исходит от этого лица. Следует признать, что учение об опасном состоянии личности социологической школы уголовного права не получило признания в России. Наверное, именно с этим обстоятельством связано нынешнее положение действующего УК РФ в сфере конструирования так называемых иных мер уголовно-правового характера.

В отличие от УК РФ, уголовное законодательство ряда государств бывшей восточной Европы, например УК Беларуси и УК Молдовы, предусматривают меры безопасности. Так, УК Беларуси закрепляет два вида мер безопасности: специальные меры уголовной ответственности (ст. 80–81); принудительные меры безопасности и лечения (ст. 100–107).

Специфическую систему мер безопасности содержит гл. 10 «Меры безопасности» УК Молдовы, где закрепляется, что цель мер безопасности состоит в устранении опасности и предупреждении деяний, предусмотренных уголовным законом. К числу мер безопасности названный Закон относит: 1) принудительные меры медицинского характера (ст. 99–103); 2) принудительные меры воспитательного характера (ст. 104); 3) изгнание (ст. 105); специальную конфискацию (ст. 106).

Следует признать, что иные меры уголовно-правового характера в действующем УК РФ основаны на совершенно иных принципах, мало отличающихся от наказания. Они могли и должны быть сконструированы по критерию социальной опасности человека, в основе которого лежит учение социологической школы уголовного права об опасном состоянии личности. Другое дело, что концепция опасного состояния личности не должна применяться при характеристике наказания, когда вместо признака виновности используется признак «опасное состояние личности». При этом концепция социологической школы уголовного права нуждается в современных условиях в более глубоком научном исследовании, поскольку она затрагивает фундаментальные конституционные права и свободы личности.

К числу доминирующих парадигм современного уголовного права с полным основанием можно отнести парадигму испытания или пробации, которая определяет специальные меры, позволяющие как можно реже прибегать к наказаниям, связанным с лишением свободы.

Рассматриваемые меры имеют ряд принципиальных признаков, отличающих их от наказания. Термин «пробация» имеет латинское происхождение, что буквально означает «испытание, проверка качеств, способностей». Впервые пробация появилась в уголовном законодательстве США и Великобритании как институт наказания в середине прошлого века. Современное уголовное законодательство ряда зарубежных государств (например, Болгарии, Латвии, Литвы, Чехии, Франции, ФРГ, Швеции) признает институт пробации, но не как наказание, а в качестве особой системы мер, позволяющей реально не применять уголовные наказания, связанные с лишением свободы осужденного.

Чаще всего такая система мер закрепляется в уголовном законодательстве как условное осуждение, отсрочка исполнения (отбывания) наказания, общественные работы. Так, УК ФРГ (гл. 4–5 разд. 3 Общей части) закрепляет такие виды условного осуждения, как аналог института probation: приостановка наказания с испытанием; условно-досрочное освобождение; предупреждение относительно применения наказания. А. Э. Жалинский, характеризуя современное уголовное законодательство Германии, отмечает, что «probation в законодательстве определена как особая правовая конструкция исполнения лишения свободы, как самостоятельная мера уголовно-правовой реакции» [19, с. 310]. По всей вероятности, такие меры в УК ФРГ (формы probation) объединяет предоставленная законом возможность как можно реже применять уголовное наказание в виде лишения свободы.

УК Швеции относит институт probation к наказанию наряду со штрафом, тюремным заключением, условным наказанием и специальным попечительством (ст. 3 гл. 1). Probation (гл. 28 УК Швеции) применяется за преступления, за которые санкция в виде штрафа является недостаточной и может быть дополнена штраф-днями (не более 200) либо бесплатными общественными работами (от 40 до 240 час.). Probation по УК Швеции может назначаться по совокупности с тюремным заключением на срок от 14 дней до 3 месяцев. Важным обстоятельством является то, что несовершеннолетние не могут быть осуждены к режиму probation. Закон об охране детства не признает эту санкцию достаточно гуманной. Видимо, законодатель исходит из предположения о том, что наказания в отношении несовершеннолетних должны быть хотя и гуманными, но все же реальными.

Приведенные примеры института probation ряда европейских государств, свидетельствуют о том, что его юридическая природа может быть разной. Но одно остается неизменным – это законодательная база мер, позволяющая суду как можно реже применять наказание в виде лишения свободы. В документах ООН probation определяется как условная отсрочка исполнения наказания с установлением на это время за преступником индивидуального надзора или проведения исправительного курса [20, с. 171]. Следовательно, базовыми признаками probation являются отсрочка применения наказания, а также осуществление административного контроля за поведением осужденного, с предоставлением ему правовой возможности доказать свое исправление без реального отбывания наказания.

В действующем уголовном законодательстве России этому определению probation соответствуют в полном объеме: а) условное осуждение (ст. 72 УК РФ); б) отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ); в) отсрочка больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ). Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» имеет положительное значение для судебной практики. Однако в названном Законе институт probation представлен в значении только мер исправительного воздействия или помощи. В ст. 5 этого Закона дается определение probation: «Это совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе социальная ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц». Несомненно, что помощь лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, имеет позитивное значение для их исправления. Однако следует признать и то, что та-

кая помощь – это лишь часть комплекса мер, которые должен включать в себя институт пробации. Остаются без уголовно-правового регулирования вопросы, связанные с осуществлением контроля за поведением указанных лиц. Кроме того, не совсем понятен замысел законодателя, который ограничивает действия института пробации лишь в отношении отдельных категорий освобожденных от наказания, а также проходящих социальную реабилитацию, социальную адаптацию и другие виды ресоциализации. Названные меры могут и должны распространяться и на условно осужденных (ст. 73 УК РФ), лиц, в отношении которых применена отсрочка отбывания наказания в порядке ст. 82 УК РФ или отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), условно досрочно освобожденных (ст. 79 УК РФ), освобожденных от наказания по другим основаниям, например в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ). Системными проблемами пробации, закрепленной в рассматриваемом Федеральном законе, являются вопросы правового статуса, властных полномочий, учреждений и органов, которые должны будут реализовывать меры, входящие в этот институт. Не вдаваясь в широкую научную дискуссию по поводу правовой природы института пробации, отметим лишь то, что он нуждается в более фундаментальном исследовании, с учетом современных требований. Однако факт законодательного закрепления пробации – явление положительное, которое, несомненно, получит свое развитие.

Исследование доминирующих парадигм, лежащих в основе мер уголовного наказания или иных принудительных мер уголовного закона, проведенное в русле их развития, позволяет сделать следующие выводы:

1) в зарубежном уголовном законодательстве (преимущественно европейских государств – УК ФРГ, УК Италии, УК Испании, УК Швейцарии и пр.) доминирующей парадигмой является парадигма двухколейного воздействия, которая, наряду с уголовным наказанием, основанным на принципах классической школы, предполагает и меры безопасности или предупреждения, имеющие в своем основании концепцию опасного состояния личности социологической школы уголовного права, естественно, в ее современной редакции;

2) в российском уголовном законодательстве, напротив, доминирующей парадигмой системы уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера, является парадигма исправления личности преступника посредством применения к нему принудительных мер уголовной юстиции. При этом иные меры уголовно-правового характера по своей юридической природе мало чем отличаются от мер уголовного наказания, а в ряде случаев они имеют сходство даже по наименованию (например, штраф как вид наказания и судебный штраф как иная мера);

3) парадигма исправления личности преступника в значительной мере охватывает своим влиянием и институт пробации, который еще не стал действующим;

4) развитие уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, по-видимому, подошло к периоду смены доминирующей парадигмы.

Список источников

1. Кун Т. Структура научных революций. М. : Прогресс, 1977. 240 с.
2. Колоколов П. Е. Уголовное право. Общая часть : лекции. М., 1900, 220 с.
3. Познышев С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания. М., 1908, 280 с.
4. Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. 390 с.
5. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1887. 280 с.

6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902, 520 с.
7. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. 180 с.
8. Магомедов А. А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 57 с.
9. Гальперин С. Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893. 340 с.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 380 с.
11. Оппенгеймер О. Историческое исследование о происхождении наказания // Новые идеи в правоведении. Эволюция преступлений и наказаний. СПб., 1914. С. 77–82.
12. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1984. Т.1 : Законодательство Древней Руси. 340 с.
13. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. 360 с.
14. Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1866. 340 с.
15. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1986. Т. 9. 440 с.
16. Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. 265 с.
17. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. 360 с.
18. Кибальник А. Г. Основные положения общей части уголовного права зарубежных стран. М. : Илекса, 2008. 220 с.
19. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. 410 с.
20. Крылов Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия). М., 1997. 320 с.

References

1. Kun, T. 1977, *Structure of scientific revolutions*, Progress, Moscow.
2. Kolokolov, P. E. 1900, *Criminal law. General part: lectures*, Moscow.
3. Poznyshhev, S. V. 1908, *The doctrine of punitive measures and the measure of punishment*, Moscow.
4. Ferri, Je. 2005, *Criminal sociology*, Moscow.
5. Fojnickij, I. Ja. 1887, *The doctrine of punishment in connection with prison studies*, St. Petersburg.
6. Tagancev, N. S. 1902, *Russian criminal law. The general part*, St. Petersburg.
7. D'jakonov, M. 1912, *Essays on the social and state system of Ancient Russia*, St. Petersburg.
8. Magomedov, A. A. 1998, *Criminal liability and exemption from it: the evolution of legal views and modernity: PhD thesis (Law)*, Moscow.
9. Gal'perin, S. D. 1893, *Essays on primitive law*, St. Petersburg.
10. Gegel', G. V. F. 1990, *Philosophy of Law*, Moscow.
11. Oppengejmer, O. 1914, 'Historical research on the origin of punishment', in *New ideas in law. The evolution of crimes and punishments*, pp. 77–82, St. Petersburg
12. *Russian legislation of the X–XX centuries* 1984, in 9 vols, vol. 1, *Legislation of Ancient Russia*, Moscow.
13. Vladimirskij-Budanov, M. F. 1915, *Overview of the history of Russian law*, Kiev.
14. *The code of criminal Laws. The first book. The Code of Criminal and Correctional Punishments* 1866, St. Petersburg.
15. *Russian legislation of the X–XX centuries* 1984, in 9 vols, vol.9, Moscow.
16. Ansel', M. 1970, *New social protection*, Moscow.

17. Zhalinskij, A. Je. 2004, *Modern German criminal law*, Moscow.
18. Kibal'nik, A. G. 2008, *The main provisions of the general part of the criminal law of foreign countries*, Ilex, Moscow.
19. Zhalinskij, A. Je. 2004, *Modern German criminal law*, Moscow.
20. Krylov, N. E. & Serebrennikova, A. V. 1997, *Criminal law of foreign countries (England, USA, France, Germany)*, Moscow.

Информация об авторе

К. А. Сыч – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

K. A. Sych – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 26.09.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 26.09.2023.

Научная статья

УДК 343.85

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.530-537

СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Сергей Борисович Пономарев¹

¹ Филиал (г. Ижевск) НИИ ФСИН России, г. Ижевск, Россия, docmedsb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9936-0107>

Аннотация. В статье проведен анализ тюремной субкультуры с позиции теории систем. Отмечено, что существование неформальных страт осужденных и устойчивое тюремное кастообразование можно обосновать законами синергетики – науки, объясняющей поведение диссипативных структур. Показано, что основные характеристики самоорганизующейся системы характерны для структурированного по стратификационному типу тюремного социума. С точки зрения теории систем рассмотрены возможные модели противодействия экспансии тюремной субкультуры: 1) деструкция системы; 2) внедрение элементов-инноваторов с образованием новых законов взаимодействия отдельных элементов системы; 3) лишение самоорганизующейся системы способности к ауторепликации. Наиболее приемлемым выбором в существующих условиях является последний вариант. Сделан вывод о перспективности проводимой в настоящее время пенитенциарной политики нашего государства.

Ключевые слова: самоорганизующаяся система, теория систем, синергетика, тюремная субкультура, пенитенциарная система, исполнение наказания, флуктуация

Для цитирования

Пономарев С. Б. Стратегия противодействия пенитенциарной субкультуре с позиции системного анализа // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 530–537. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.530-537.

Original article

THE STRATEGY OF COUNTERING THE PENITENTIARY SUBCULTURE FROM THE STANDPOINT OF SYSTEM ANALYSIS

Sergej Borisovich Ponomarev¹

¹ Branch (Izhevsk) Research Institute of the FPS of Russia, Izhevsk, Russia, docmedsb@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9936-0107>

Abstract. The article analyzes the prison subculture from the standpoint of systems theory. It is noted that the existence of informal strata of convicts and stable prison caste formation can be justified by the laws of synergetics, a science that explains the behavior of dissipative structures. It is shown that the main characteristics of a self-organizing system are characteristic of a prison society structured according to the stratification type. From the point of view of systems theory, possible models of countering the expansion of the prison subculture are considered: 1) destruction of the system; 2) the introduction of innovative elements with the formation of new laws of interaction of individual elements of the system; 3) depriving the self-organizing system of the ability to self-replication. The most acceptable choice in the existing conditions is the last option. The conclusion is made about the prospects of the current penitentiary policy of our state.

Keywords: self-organizing system, theory of systems, synergetics, prison subculture, penitentiary system, execution of punishment, fluctuation

For citation

Ponomarev, S. B. 2023, 'The strategy of countering the penitentiary subculture from the standpoint of system analysis', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1-4), iss. 4, pp. 530–537, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.530-537.

Одним из направлений науки является системный подход [1]. В его основе лежит использование положений теории систем, изучающей объективные явления природы, абстрагируясь от их конкретного наполнения, используя формальные методы структурирования взаимосвязи между элементами [2]. Известно, что тюремную субкультуру можно рассматривать как развивающуюся во времени сложную социальную самоорганизующуюся систему [3]. Тюремная субкультура обладает всеми свойствами, характерными для сложной системы: иерархичность, узкая специализация отдельных подсистем, эмерджентность, нестационарность, стохастичность, адаптивность к внешним факторам, способность к выработке вариантов поведения, целеполагание и др. [3].

Являясь уникальным культурным феноменом, российская тюремная субкультура выступает устойчивым криминогенным фактором. Представляя собой агрессивную контркультуру, тюремная субкультура обладает извращенным набором жизненных ценностей: в ранг добродетелей в ней возведены культ насилия, воровство, туеядство, наркомания и алкоголизм, половая распущенность, азартные игры и т. д. [3]. Тюремная субкультура обеспечивает постоянную ауторепликацию, осуществляя экспансию во внешнее социокультурное пространство. В результате происходит маргинализация со-

знания рядовых граждан, романтизация преступной жизни, распространение в социуме тюремной лексики и т. п.

Известно, что любая социальная система, в том числе «пропитанная» тюремной субкультурой среда осужденных, относится к разряду сложных систем [3, 4], изучением которых занимается наука синергетика [5]. Одним из основателей синергетики И. Р. Пригожиным было доказано существование диссипативных систем, способных совершать качественные скачки к усложнению структуры в результате воздействия флуктуаций [6]. С позиции синергетики возможно изучать тюремное кастообразование. А. И. Мокрецов и В. В. Новиков отмечают по этому поводу, что «...чем интенсивнее выражены условия изоляции... тем ригористичнее, жестче их влияние на личность осужденного... Чем глубже усвоены заключенными нормы и шаблоны поведения, тем фанатичнее будут они следовать им, а также выше вероятность образования солидарной оппозиции по отношению к программам исправления» [7, с. 91].

Неформальная организация заключенных, приверженных тюремной субкультуре, может быть рассмотрена как самоорганизующаяся система, обладающая эмерджентностью. В целом эмерджентность может быть определена как специфическое свойство сложной системы, которое заключается в том, что при определенных условиях у совокупности элементов, составляющих систему, появляются новые качества (отличные от свойств указанных элементов), обеспечивающие сохранение гомеостаза системы в неудовлетворительных условиях. Именно эмерджентностью можно объяснить удивительную живучесть тюремной субкультуры, которая подобна многоголовой гидре, у которой при отрубании одной головы вырастают две новые.

Как было отмечено, самоорганизующиеся системы обладают рядом свойств (нестационарность, стохастичность, целеполагание, адаптивность, способность системы к выбору вариантов поведения и др. [8]), которые определяют способность системы сохранять работоспособность, оперировать набором приспособительных реакций и эффективно оказывать сопротивление флуктуациям (негативным внешним воздействиям). Самоорганизующиеся системы – это биологические, экологические и сложные технические (нейронные сети) системы, а также социальные системы, к которым относится и подверженный пенитенциарной субкультуре тюремный социум.

Самоорганизующаяся система обладает рядом отличительных свойств. Например, способностью принимать решения при взаимодействии с внешней средой, распределять поручения между составляющими ее подсистемами (решающая система). Кроме того, самоорганизующаяся система собирает, перерабатывает и транслирует необходимую информацию (информационная система). Она обладает целеполаганием, способностью к принятию решений и менеджменту (управляющая система). Она способна к сохранению динамического равновесия за счет регулировки материальных, энергетических и информационных потоков (гомеостатическая система), к самосовершенствованию, усложнению структуры, извлечению полезного опыта, обучению (адаптивная система).

Любая биологическая система является самоорганизующейся. В качестве иллюстрации приведем цитату из монографии И. Р. Пригожина «Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой»: «Например, в одном из недавних проведенных исследований муравьи подразделялись на две категории: «тружеников» и неактивных муравьев, или «лентяев». Особенности, определяющие принадлежность муравьев к той или другой из двух категорий, можно было бы опрометчиво отнести за счет генетической предрасположенности. Однако, как показали исследования, если разрушить сложившиеся в по-

пуляции связи, разделив муравьев на две группы, состоящие соответственно только из «тружеников» и только из «лентяев», то в каждой из групп, в свою очередь, происходит расслоение на «лентяев» и «тружеников». Значительный процент «лентяев» внезапно превращается в прилежных «тружеников!» [9, с. 30].

В тюремном социуме (подчеркнем – социуме, подверженном влиянию тюремной субкультуры) наблюдается явление, схожее с тем, что наблюдается в биологической системе: оно как сложная самоорганизующаяся система оказывает противодействие флуктуациям: «как только из тюремного социума изымаются «петухи», их место занимают новые «опущенные», стоит убрать из «зоны» одного «смотрящего», на его место приходит другой» [3, с. 106]. Не это ли является причиной того, что многочисленные попытки создать систему противодействия распространения тюремной субкультуры не всегда приводят к успеху [3, 10].

Необходимо отметить, что теория систем обладает несколькими стратегиями борьбы с распространением самоорганизующейся системы. Эти стратегии можно использовать в организации системы противодействия распространению пенитенциарной субкультуры. Таких подходов три: деструкция системы; внедрение элементов-инноваторов с созданием новых правил функционирования системы; создание условий невозможности репродукции составных элементов системы. Рассмотрим подробнее эти варианты.

Деструкция системы. Так как сложная самоорганизующаяся система являет собой структурно-функциональное единство как элементов системы, так и связей между ними, деструктивное воздействие на систему может проводиться в двух основных направлениях. Первое заключается в максимальном ослаблении или прерывании связей внутри системы. Второе – это подавление активности или уничтожение отдельных элементов системы. Именно этот очевидный подход использовало человечество во все времена при реализации исполнения наказания. Это были пытки и казни преступников. Цель в данном случае – не только реализация возмездия за совершенное преступное деяние и получение признаний, но и нейтрализация активных элементов самоорганизующейся системы – членов криминального сообщества. В наше время пытки однозначно признаются преступлением против человечности, а смертная казнь отменена в большинстве стран мира.

Вторым вариантом описанной стратегии является прерывание связей между отдельными элементами системы. Такой подход применяется с древнейших времен. Узники всегда лишались качественного обмена информацией как между собой (одиночное заключение), так и с внешним миром (тюремная изоляция). Стоит упомянуть такой пример разрушения связей между элементами социальной системы, как Пенсильванский проект. В американском штате Пенсильвания в XIX в. функционировала тюрьма одиночного заключения, где всего 5 охранников контролировали 288 заключенных, что, с одной стороны, было малозатратно, а с другой – превращало содержание преступников в многолетнюю пытку одиночеством. Филадельфийская модель также предусматривает содержание заключенных в условиях одиночных камер. Оборнская модель более гуманна. Она разрешает совместное принятие пищи заключенным, находящимся в «одиночке» (но при условии полного молчания). Крайней жестокостью отличается пенитенциарная система Японии. В японских местах лишения свободы заключенным запрещено менять позу во время сна, смотреть на охранников, издавать звуки и т. п. Страх перед тюремным наказанием в Японии настолько велик, что в Стране восходящего солнца уровень преступности один из самых низких на Земле.

С точки зрения физиологии человека пребывание его в условиях длительной сенсорной депривации является одним из видов пытки. Указанное отмечено еще М. Гернетом, который описал в своих работах немало случаев, когда заключенные, содержащиеся в одиночных камерах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, теряли дар речи, деградировали, сходили с ума [11].

Внедрение в сложную систему небольшого числа элементов-инноваторов. Вторая системная стратегия противостояния тюремной субкультуре в теории систем – внедрение в сложную систему небольшого числа элементов-инноваторов. Это приводит к созданию качественно новой сети взаимодействий между элементами, составляющими систему. Самоорганизующаяся система перестраивается на новый для нее режим функционирования. Однако в том случае, если система устойчива, ее преобразования не наступает, а элементы-инноваторы поглощаются системой, встраиваясь в уже существующие цепочки взаимодействия.

На этой стратегии базировалась система борьбы с тюремной субкультурой в Советском Союзе. Начало было положено в 1957 г., когда руководством коммунистической партии был проведен масштабный эксперимент по перестройке системы исполнения наказаний. Коммунистическая идеологическая доктрина предусматривала переход к коммунизму в конце XX в. Партией была поставлена задача скорейшего (в течение 20–30 лет) перевоспитания преступников в добропорядочных граждан. Цель исполнения наказания виделась исходя из господствующих идеологических установок в превращении преступников в людей, способных жить в условиях светлого коммунистического будущего. В УК РСФСР 1960 г. ст. 20 гласила: «Наказание не только является карой за совершение преступления, но имеет целью перевоспитание и исправление осужденного в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам общежития...». Реформа политико-воспитательного аппарата уголовно-исполнительной системы предусматривала создание «актива» – осужденных, твердо вставших на путь исправления. Добровольные помощники администрации исправительных учреждений должны были пресекать нарушения общественного порядка, организовывать культурно-массовую и политико-просветительную работу, следить за соблюдением режима и т. п. Исходя из задач, поставленных партией, учеными-пенитенциаристами была проделана большая теоретическая и практическая работа. Ими разработана новая классификация осужденных [12], внедрена система критериев перевоспитания [13]. Нужно отметить, что преступный мир и тюремная субкультура понесли большие потери в результате предпринятого мер. Однако как гибкая самоорганизующаяся система организованная преступность (в полном соответствии с теорией систем) выработала новую стратегию поведения, которая заключалась в создании невиданной ранее жесткой кастовой тюремной системы, ужесточении положений «тюремного закона». Организованная преступность показала значительную устойчивость по отношению к новой флуктуации (внедрение элементов-инноваторов). При прохождении точки бифуркации режим функционирования системы перешел на новый уровень: неожиданно возникла жесткая иерархическая структура построения тюремного социума, «актив» деградировал, появились устойчивые тюремные касты («воры», «мужики», «черти», «петухи» и др.). В результате произошло не искоренение тюремной субкультуры, а ее усиление [3].

Лишение самоорганизующейся системы способности к ауторепликации. Третьим вариантом борьбы с функционированием сложной самоорганизующейся системы является генерация комплекса мер, направленных на обеспечение невозможности ре-

продукции ее элементов, а также реставрации нарушенных связей между элементами. Исходя из этой концепции борьба с тюремной субкультурой как с самоорганизующейся системой сводится к тому, чтобы лишить ее возможности саморепликации. В социально ориентированном государстве, где организованная преступность минимальна, теряют свою действенность устои криминальной (и ее разновидности – тюремной) субкультуры. Мировой опыт свидетельствует о том, что чем выше благосостояние граждан, чем меньше в обществе разница в их доходах, чем эффективнее реализуется социальная политика, тем слабее развита у граждан склонность к антиобщественному поведению и криминальному мировосприятию [3, 14–16]. В настоящее время пенитенциарная политика нашего государства осуществляется в соответствии с данной стратегией: наблюдается гуманизация условий отбывания наказания, разрабатываются и внедряются в практику альтернативные меры наказания, меняется законодательство в сторону декриминализации некоторых статей Уголовного кодекса Российской Федерации, сокращается численность осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, развивается система ресоциализации.

Как отмечает А. А. Иванова, для победы над криминальной субкультурой необходимы:

- 1) борьба с маргинализацией российского общества;
- 2) создание привлекательной «российской мечты»;
- 3) запрет на популяризацию криминальной субкультуры в средствах массовой информации [16].

Необходимо отметить что указанные три задачи успешно решаются сегодня в Китайской Народной Республике, где:

- государство и правящая партия успешно борются с социальными пороками (в частности, впервые в истории человечества полностью ликвидирована бедность);
- общество сплочено высокой идеей строительства коммунизма с китайской спецификой;
- средства массовой информации взяты под жесткий контроль государства.

Список источников

1. Нестеров А. В. Философия систем // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2002. № 4. С. 1–5.
2. Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы. М. : Мир, 1978. 254 с.
3. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем. Ижевск, 2017. 146 с.
4. Дольник В. Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманистич. // Природа. 1993. № 1. С. 72–85.
5. Хакен Г. Синергетика. М., 1980. 405 с.
6. Николис Г., Пригожин И. Р. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979. 512 с.
7. Мокрецов А. И., Новиков В. В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание. М., 2006. 220 с.
8. Саридис Д. Самоорганизующиеся стохастические системы управления. М., 1980. 397 с.
9. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986. 432 с.

10. Ханипов Р. А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России. 2008. № 3. С. 132–148.
11. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1956. 148 с.
12. Сундунов Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. 59 с.
13. Соколов С. А. Проблемы определения критериев и степени исправления осужденных к лишению свободы // История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 66–70.
14. Hooghe, M., Vanhoutte, B., Hardyns, W. & Bircan, T. 2011, 'Unemployment, inequality, poverty and crime: spatial distribution patterns of criminal acts in Belgium', *Br. J. Criminol*, iss. 1, pp. 1–20.
15. Rodger, J. J. 2010, 'Criminalising social policy: anti-social behaviour and welfare in a de-civilised society', *Br. J. Criminol*, iss. 1, pp. 145–147.
16. Иванова А. А. Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4. С. 671–681.

References

1. Nesterov, A. V. 2002, 'Philosophy of Systems', in *Scientific and Technical Information, Series 1, Organization and methodology of information work*, iss. 4, pp. 1–5.
2. Mesarovich, M. & Takahara, Ja. 1978, *General theory of systems: mathematical foundations*, Mir, Moscow.
3. Ponomarev, S. B. 2017, *Criminal subculture from the perspective of human ethology and systems theory*, Izhevsk.
4. Dol'nik, V. R. 1993, 'Ethological tours of the forbidden gardens of the humanities', *Nature*, iss. 1, pp. 72–85.
5. Haken, G. 1980, *Synergetics*, Moscow.
6. Nikolis, G. & Prigozhin, I. R. 1979, *Self-organization in nonequilibrium systems: from dissipative structures to orderliness through fluctuations*, Moscow.
7. Mokrecov, A. I. & Novikov, V. V. 2006, *Personality of the convicted person: social and psychological work with various categories of persons serving sentences*, Moscow.
8. Saridis, D. 1980, *Self-organizing stochastic control systems*, Moscow.
9. Prigozhin, I. R. & Stengers, I. 1986, *Order out of Chaos: a new dialogue between man and nature*, Moscow.
10. Hanipov, R. A. 2008, 'The rootedness of prison and criminal practices in the culture of Modern Russian society', *The World of Russia*, iss. 3, pp. 132–148.
11. Gernet, M. N. 1956, *The history of the Tsar's prison*, Moscow.
12. Sundurov, F. R. 1976, *Socio-psychological and legal aspects of correction and re-education of offenders*, Kazan'.
13. Sokolov, S. A. 2009, 'Problems of determining criteria and degree of correction of persons sentenced to imprisonment', in *History of development and current state of penitentiary science, medicine and practice of execution of punishments: materials of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 66–70, Moscow.
14. Hooghe, M., Vanhoutte, B., Hardyns, W. & Bircan, T. 2011, 'Unemployment, inequality, poverty and crime: spatial distribution patterns of criminal acts in Belgium', *Br. J. Criminol*, iss. 1, pp. 1–20.

15. Rodger, J. J. 2010, 'Criminalising social policy: anti-social behaviour and welfare in a de-civilised society', *Br. J. Criminol*, iss. 1, pp. 145–147.

16. Ivanova, A. A. 2017, 'Criminal culture as a determinant of crime', *All-Russian Criminological Journal*, iss. 4, pp. 671–681.

Информация об авторе

С. Б. Пономарев – доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about the author

S. B. Ponomarev – Doctor of Medical Sciences, Professor, chief Researcher.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 31.10.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 31.10.2023.

Научная статья

УДК 343.83

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.538-545

ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: СТАТИСТИКА, КВАЛИФИКАЦИЯ, ВИД НАКАЗАНИЯ

Николай Григорьевич Шурухнов^{1,2}

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань

² НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, matros49@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается исключить предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации наименование преступлений «против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» как отсутствующие в Уголовном кодексе Российской Федерации. Только последний важнейший правовой акт определяет, какие виды противоправных деяний являются преступными. Размышляя над спецификой административной ответственности служащих уголовно-исполнительной системы, заменой ее (в некоторых случаях) дисциплинарной ответственностью, автор в качестве дисциплинарных взысканий и административных наказаний предлагает ввести вычет из времени службы (из выслуги лет) за определенный период в зависимости от совершенного проступка (правонарушения).

Ключевые слова: преступления против установленного порядка несения службы, сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, административные правонарушения, дисциплинарные проступки, взыскания, выслуга лет, вычет определенного времени из выслуги (службы)

Для цитирования

Шурухнов Н. Г. Противоправные деяния сотрудников уголовно-исполнительной системы: статистика, квалификация, вид наказания // *Человек: преступление и наказание.* 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 538–545. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.538-545.

Original article

ILLEGAL ACTS OF EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM: STATISTICS, QUALIFICATIONS, TYPE OF PUNISHMENT

Nikolaj Grigor'evich Shuruhnov^{1,2}

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan

² Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, matros49@mail.ru

Abstract. The study proposes to exclude the designation of crimes provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "against the established order of service, committed by employees of institutions and bodies of the penal enforcement system" as absent in the Criminal Code of the Russian Federation. Only the last most important legal act determines which types of illegal acts are criminal. Reflecting on the specifics of administrative responsibility of employees criminally by replacing it (in some cases) with disciplinary responsibility, the author proposes to introduce a deduction from the time of service (from seniority) for a certain period, depending on the offense (offense) committed, as disciplinary penalties and administrative penalties.

Keywords: crimes against the established order of service, employees of institutions and bodies of the penal enforcement system, administrative offenses, disciplinary offenses, penalties, seniority, deduction of certain time from service (service)

For citation

Shuruhnov, N. G. 2023, 'Illegal acts of employees of the penal enforcement system: statistics, qualifications, type of punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1-4), iss. 4, pp. 538–545, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.538-545.

На протяжении длительного периода (более 20 лет) ученые и правоприменители задаются вопросом: как квалифицировать посягательства на установленный порядок несения службы, совершаемые сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС), закрепленные в п. 5 ч. 2 ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации? Проблема вопроса связана и с тем, что неотложные следственные действия по указанным преступлениям должны производить начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (и даже если бы не они). Естественно, в такой ситуации появляется еще один вопрос: какая статья Уголовного кодекса Российской Федерации будет указываться в постановлении о возбуждении уголовного дела, как будет квалифицироваться деяние? А кто будет принимать такое решение, мы не задаем вопрос, так как это еще одна головоломка от законодателя для правоприменителя.

Для того чтобы определить категорию противоправных деяний против установленного порядка несения службы, совершаемых сотрудниками УИС, мы обратились к статистике ФСИН России, дающей сведения о всех преступлениях сотрудников уголовно-исполни-

тельной системы¹. В соответствии с ней в 2021 г. по преступлениям, совершенным сотрудниками УИС, было вынесено 211 обвинительных заключений, из них: 4 деяния квалифицировались как преступления против жизни и здоровья [гл. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)]; 22 – против собственности (гл. 21 УК РФ); 19 – против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ); 9 – против безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ); 141 – против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ), то есть 66,8 %. По составам преступлений: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) – 8; превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) – 45; получение взятки (ст. 290 УК РФ) – 71; служебный подлог (ст. 292 УК РФ) – 3; халатность (ст. 293 УК РФ) – 14. В 2021 г. в 16 обвинительных заключениях противоправные деяния сотрудников УИС квалифицировались иными статьями и главами УК РФ.

В 2022 г. было вынесено 184 обвинительных заключения в отношении сотрудников учреждений и органов УИС: из них 12 преступлений квалифицировались как мошенничество (ст. 159 УК РФ); 6 – присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ); 7 – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); 44 – превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ); 43 – получение взятки (ст. 290 УК РФ); 2 – служебный подлог (ст. 292 УК РФ); 7 – халатность (ст. 293 УК РФ); 15 – незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ); 1 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); 1 – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); 7 – кража (ст. 158 УК РФ); 1 – хулиганство (ст. 213 УК РФ); 14 – нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); в 24 случаях квалификация осуществлялась по другим статьям и главам УК РФ².

Мы привели статистические данные с целью показать, что среди противоправных деяний сотрудников не оказалось (в том числе среди иных) тех, на которые указывает п. 5 ч. 2 ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Да их и не могло быть, несмотря на то что на это указывает Федеральный закон, которому законодатели присвоили не ту компетенцию, так как они не предусмотрены основным правовым актом – Уголовным кодексом Российской Федерации, который определяет, какое из деяний относится к преступному.

Для убедительности мы обратились и к действующей редакции УК РФ. В ней около 90 раз употребляется слово «служба», но при этом отсутствует фразеологическое выражение «служащий уголовно-исполнительной системы». Глава 23 УК РФ дает перечень преступлений (7 составов) против интересов службы в коммерческих и иных организациях [1, с. 577–589], гл. 30 – 17 составов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

¹ Ведет указанную статистику Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт информационных технологий (ФКУ НИИИТ ФСИН России). См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2021 г. : информ.-аналит. сб. Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2022.

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2022 г. : информ.-аналит. сб. Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2023.

[2, с. 837–868]. Перечень преступлений, в которых упоминается слово «служба», содержит и гл. 33 УК РФ, но они связаны непосредственно с процессом прохождения военной службы (22 состава) [3, с. 932–950].

Исходя из предмета исследования, мы сосредоточились на противоправных деяниях, названных в гл. 30 УК РФ, о посягательстве на государственную власть и интересы государственной службы (более половины посягательств совершены сотрудниками УИС). Они отличаются от иных преступных посягательств и именуются специалистами уголовного права как должностные. Применительно к уголовно-исполнительной системе рассматриваемые преступления посягают на общественные отношения, обеспечивающие нормальную и законную деятельность органов власти иных государственных органов. Исследователи указывают на то, что «непосредственным объектом данной группы преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование отдельных звеньев государственного аппарата... В некоторых составах дополнительным объектом могут выступать законные интересы граждан или организаций (ст. 285, 286 УК РФ); здоровье (ч. 3 ст. 286 УК РФ); жизнь (ч. 2 ст. 293 УК РФ); собственность (ст. 285, 286, 293 УК РФ)» [2, с. 838].

Специфика рассматриваемых преступлений обусловлена государственной службой – профессиональной деятельностью по обеспечению исполнения полномочий государственных органов (должностных обязанностей) уполномоченными лицами. Следует согласиться с Б. В. Волженкиным в том, что «составы преступлений, включенные в гл. 30 УК РФ, – это составы так называемых общих преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Они могут совершаться любыми должностными лицами (служащими) в любой сфере управленческой деятельности, любом государственном или муниципальном органе либо учреждении, равно как в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях РФ, и влечь разнообразные последствия. Помимо них, в других главах УК РФ есть немало специальных составов преступлений, совершенных конкретно определенными должностными лицами либо в определенной, указанной в законе сфере деятельности, либо посягающих на определенные социальные блага и интересы, кроме нормальной деятельности публичного аппарата управления» [4, с. 153]. Еще раз отметим, что в УК РФ не названы должностные лица уголовно-исполнительной системы.

Из-за возникшего несоответствия между Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами Российской Федерации и в целях соблюдения общих правовых принципов формирования уголовно-правовых норм в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ следует внести соответствующие изменения. Это будет отвечать требованиям, выработанным юридической техникой, и упростит практику поиска норм, устанавливающих квалификацию указанных противоправных деяний, посягающих на установленный порядок несения службы, совершенных сотрудниками УИС.

В продолжение затронутой темы обратимся к вопросам административной и дисциплинарной ответственности сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Эти два вида ответственности для лиц, имеющих специальные звания, проходящих службу в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, взаимосвязаны. В соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной службы (службы) указанными лицами, их правовой статус, они несут дисциплинарную ответственность [ч. 1 ст. 2.5 Кодекса Российской Федерации об административных пра-

вонарушениях (КоАП РФ)]. Исключения из этого правила составляют правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ¹.

Приведенные правовые положения содержатся и в Федеральном законе от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”», в ч. 2 ст. 15 которого говорится о том, что «за совершение административного правонарушения сотрудник несет дисциплинарную ответственность в соответствии с настоящим Федеральным законом, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях». Следует обратить внимание на то, что указанная категория служащих и за отдельные административные правонарушения, и за нарушение служебной дисциплины несут дисциплинарную ответственность (в виде дисциплинарных взысканий) (ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ).

Для выяснения количества правонарушений (проступков) мы обратились к статистике ФСИН России: по результатам прокурорского реагирования к трем видам ответственности привлечено 21 839 сотрудников УИС, в том числе к административной – 344, уголовной – 1, дисциплинарной – 21 491. Дисциплинарные взыскания налагались:

- за несвоевременное исполнение актов прокурорского реагирования – 27;
- вступление в запрещенные связи с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными – 4;
- обращение с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, унижающее человеческое достоинство, – 1;
- неправомерное лишение или предоставление прав подозреваемым, обвиняемым и осужденным – 36;
- неправомерное применение физической силы и специальных средств – 21;
- неправомерное водворение в ШИЗО, карцер, ДИЗО, перевод в ПКТ, ЕПКТ, одиночную камеру – 243;
- непринятие мер по обеспечению осужденных оплачиваемым трудом – 106;
- необоснованное проведение личного досмотра и обыска – 3;
- незаконное изменение условий содержания осужденных – 8;
- несвоевременное освобождение из мест лишения свободы – 34;
- непринятие мер по коммунально-бытовому обеспечению подозреваемых, обвиняемых и осужденных – 965;
- непринятие мер по обеспечению санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, в том числе норм санитарной площади на одного человека, – 807;

¹ Часть 2 ст. 2.5 КоАП РФ: «За административные правонарушения, предусмотренные статьями 5.1–5.26, 5.45–5.52, 5.56, 6.3, 7.29–7.32, 7.32.1, главой 8, статьей 11.16 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов), главой 12, статьей 14.9, частью 7 статьи 14.32, главами 15 и 16, статьями 17.3, 17.7–17.9, частями 1 и 3 статьи 17.14, статьями 17.15, 18.1–18.4, частями 2.1, 2.6 статьи 19.5, статьями 19.5.7, 19.7.2, частью 5 статьи 19.8, статьей 20.4 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов) и частью 1 статьи 20.25 настоящего Кодекса, лица, указанные в части 1 настоящей статьи, несут административную ответственность на общих основаниях».

- непринятие мер по медицинскому обеспечению подозреваемых, обвиняемых и осужденных – 699;
- несвоевременное направление и рассмотрение обращений – 191;
- непринятие мер по обеспечению норм питания – 55;
- непринятие мер по обеспечению норм вещевого довольствия – 121;
- несоблюдение охраны труда работников УИС – 16;
- несоблюдение охраны труда осужденных – 405;
- нарушение оплаты труда, реализации льгот и предоставления компенсаций работникам УИС – 42;
- нарушение оплаты труда, реализации льгот и предоставления компенсаций осужденным – 243;
- несоблюдение пожарной безопасности – 543;
- несоблюдение экологических требований – 46;
- иные правонарушения – 16 875¹.

Как видим, перечень дисциплинарных проступков обширен, 77 % нами не обозначено, в противном случае это заняло бы значительное место и время. Что касается дисциплинарных взысканий, то они не столь разнообразны. В соответствии со ст. 50 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ это: «...1) замечание; 2) выговор; 3) строгий выговор; 4) предупреждение о неполном служебном соответствии; 5) увольнение со службы в уголовно-исполнительной системе».

В системе ФСИН России имеются образовательные организации, в которых проходит службу значительное количество переменного состава, поэтому на курсантов, слушателей наряду с дисциплинарными взысканиями, предусмотренными ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «...могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания:

- 1) назначение вне очереди в наряд (за исключением назначения в наряд по обеспечению охраны образовательной организации);
- 2) отчисление из образовательной организации».

Служба в УИС засчитывается в выслугу лет, в том числе и по льготному исчислению (один месяц службы за два месяца; один месяц службы за полтора месяца), дающей право при наличии определенного стажа выйти на пенсию². Предлагаем наряду

¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2022 г.

² См.: О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации : постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 22 сент. 1993 № 941 // Собрание актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 40. Ст. 3753; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 52. Ч. 2. Ст. 7996; Об утверждении перечней должностей, предприятий, учреждений, организаций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, служба в которых засчитывается в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях: приказ Министерства юстиции Рос. Федерации от 3 апр. 2020 г. № 86 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2023).

с увольнением со службы, отчислением из образовательной организации предусмотреть такое дисциплинарное наказание, как вычет из времени службы (из выслуги лет) от шести месяцев до одного года (в том числе с минимизацией льготного исчисления). Такое дисциплинарное взыскание повысит ответственность служащих УИС, будет стимулировать их к добросовестному исполнению служебного долга и позволит сохранить кадровый состав.

Подобное наказание будет уместным и стимулирующим наряду с административными: предупреждением; административным штрафом; конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишением специального права, предоставленного физическому лицу; административным арестом; дисквалификацией; административным приостановлением деятельности; обязательными работами; административным запретом на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. Предлагаемое нами административное наказание в значительной мере перекликается с таким наказанием, как лишение специального права, предоставленного физическому лицу.

Подводя итог отметим, что требуется внести изменения в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, предусматривающие не существующие в Уголовном кодексе Российской Федерации виды преступлений, такие как посягательства на установленный порядок несения службы, совершаемые сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Это будет отвечать принципу законности, обеспечению прав, свобод человека и гражданина, системе построения УК РФ, освободит практических работников от траты времени для поиска наименования таких деяний.

Вычет из времени службы (из выслуги лет) от шести месяцев до одного года (можно и без указания минимального срока с поднятием верхнего предела) за административные правонарушения и дисциплинарные проступки, как нам представляется, будет приемлем и для уголовных наказаний. Он сочетает в себе морально-материальные компоненты и положительно отразится на ответственности за решения, принимаемые государственными служащими (на службе и в быту), и в то же время не повлечет за собой строгих правовых последствий.

Список источников

1. Феоктистов М. В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях // Уголовное право России. Общая и особенная части. М., 2015. С. 577–591.
2. Динека В. И., Кадников Н. Г. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления // Уголовное право России. Общая и особенная части. М., 2015. С. 837–868.
3. Мацкевич И. М. Преступления против военной службы // Уголовное право России. Общая и особенная части. М., 2015. С. 932–950.
4. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000. 368 с.

References

1. Feoktistov, M. V. 2015, 'Crimes against the interests of service in commercial and other organizations', in *Criminal Law of Russia, General and Special parts*, pp. 577–591, Moscow.
2. Dineka, V. I. & Kadnikov, N. G. 2015, 'Crimes against state power, interests of public service and service in local self-government bodies', *Criminal Law of Russia, General and Special parts*, pp. 837–868, Moscow.

3. Mackevich, I. M. 2015, 'Crimes against Military Service', *Russian Criminal Law, General and Special Parts*, pp. 932–950, Moscow.

4. Volzhenkin, B. V. 2000, *Official crimes*, Lawyer, Moscow.

Информация об авторе

Н. Г. Шурухнов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики; ведущий научный сотрудник.

Information about the author

N. G. Shuruhnov – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics; leading Researcher.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 18.10.2023; accepted for publication 26.10.2023.

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 343.8:343.241

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.546-557

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К ТРУДУ, В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ДОСТИГШИХ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Наталья Викторовна Артеменко¹, Сусанна Григорьевна Саядян²

^{1,2} Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹ artemenko73@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-2070>

² susanna-sayadyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4915-6279>

Аннотация. В статье анализируется потенциал уголовного закона в части применения наказаний, карательное содержание которых образует принудительный труд, к лицам пенсионного возраста, осужденным за совершение преступлений. Авторы определяют понятие «лицо, достигшее пенсионного возраста», анализируют действующее законодательство и практику его применения, а также статистику совершения преступлений и наказуемости лиц рассматриваемой категории. Сделан вывод о тенденции роста осужденных, достигших пенсионного возраста, а равно высокой доли применения к ним наказания в виде лишения свободы (как реально, так и условно), в том числе за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. С учетом гуманистической направленности карательной политики в отношении лиц пожилого возраста, законодательно ограниченных возможностей индивидуализации наказания этой категории субъектов ответственности, а также особенностей их психофизиологического статуса авторы формулируют ряд предложений по изменению уголовного закона в части применения обязательных, исправительных и принудительных работ в отношении лиц, достигших пенсионного возраста. Предлагается также достижение пенсионного возраста считать основанием, препятствующим назначению обязательных работ и существенно ограничивающим назначение исправительных и принудительных работ. Назначение последних возможно при наличии согласия осужденного, достигшего пенсионного возраста. По мнению авторов, такой подход позволит повысить эффективность карательной практики в отношении осужденных пенсионного возраста.

Ключевые слова: осужденный пенсионного возраста, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, назначение наказания, отсрочка отбывания наказания

Для цитирования

Артеменко Н. В., Саядян С. Г. Проблемы применения уголовных наказаний, сопряженных с привлечением к труду, в отношении лиц, достигших пенсионного возраста // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 546–557. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.546-557.

MANAGEMENT VECTOR

Original article

PROBLEMS OF THE APPLICATION OF CRIMINAL PENALTIES ASSOCIATED WITH EMPLOYMENT IN RELATION TO PERSONS WHO HAVE REACHED RETIREMENT AGE

Natal'ja Viktorovna Artemenko¹, Susanna Grigor'evna Sajadjan²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ artemenko73@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-2070>

² susanna-sayadyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4915-6279>

Abstract. The article analyzes the potential of the criminal law in terms of the application of punishments, the punitive content of which forms forced labor, to persons of retirement age convicted of crimes. The authors define the concept of “a person who has reached retirement age”, analyze the current legislation and practice of its application, as well as statistics on the commission of crimes and the punishability of persons in this category. The conclusion is made about the tendency of the growth of convicts who have reached retirement age, as well as a high proportion of the use of punishment in the form of imprisonment (both real and conditional), including for the commission of crimes of small and medium gravity. Taking into account the humanistic orientation of the punitive policy towards the elderly, the legislatively limited possibilities of individualizing the punishment of this category of subjects of responsibility, as well as the peculiarities of their psychophysiological status, the authors formulate a number of proposals to amend the criminal law regarding the application of compulsory, correctional and forced labor for persons who have reached retirement age. It is also proposed to consider the achievement of retirement age as a basis that prevents the appointment of compulsory work and significantly restricts the appointment of correctional and forced labor. The appointment of the latter is possible with the consent of the convicted person who has reached retirement age. According to the authors, such an approach will increase the effectiveness of punitive practices against convicts of retirement age.

Keywords: convicted person of retirement age, compulsory labor, correctional labor, forced labor, sentencing, postponement of serving a sentence

For citation

Artemenko, N. V. & Sajadjan, S. G. 2023, ‘Problems of the application of criminal penalties associated with employment in relation to persons who have reached retirement age’, *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 546–557, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.546-557.

Поводом к написанию статьи послужило постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ч. 7 ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в связи с жалобой гражданина В. Н. Егорова от 24 февраля 2022 г. Оспариваемая осужденным норма предусматривает запрет на применение принудительных работ к женщинам, достигшим 55-летнего возраста, и к мужчинам, достигшим 60-летнего возраста. Это положение уголовного закона имеет, по мнению заявителя, дискриминационный характер, поскольку лишает лиц, отбывших не менее половины назначенного судом срока наказания в виде лишения свободы за совершение особо тяжкого преступления и достигших указанного возраста, права на замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами (ст. 80 УК РФ). Конституционный Суд РФ встал на сторону осужденного, допустив «до установления соответствующего законодательного регулирования» такую возможность в отношении осужденных мужчин, достигших 60-летнего возраста, если лицо «отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям и отсутствует возможность применить в рамках действующего правового регулирования иные способы смягчения наказания, а состояние его здоровья, в том числе с учетом перспектив его динамики на срок возможного отбывания данного вида наказания, позволяет выполнять трудовую функцию при привлечении к принудительным работам»¹. При этом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что необходимость соблюдения дифференцированного подхода к определению видов наказаний, оснований и условий их отбывания, освобождению от уголовной ответственности и наказания, а также замене одного наказания другим, в том числе с учетом возрастных критериев, не выходит за пределы законодательно установленной дискреции, но вместе с тем «...не может приводить к различиям в правах осужденных, относящихся к одной категории...»² исключительно по такому критерию, как достижение определенного возраста.

Это решение в очередной раз поднимает вопрос о применении наказаний, которые предусматривают использование труда осужденных (кроме принудительных работ, это и обязательные работы, и исправительные работы, а также лишение свободы³, где труд выступает в качестве одного из средств исправления) в отношении лиц, достигших пенсионного возраста, поскольку именно с этого момента лицо не только приобретает право на страховую пенсию по старости, но и утрачивает обязанность трудиться в соответствии с трудовым и уголовно-исполнительным законодательством.

В рамках статьи авторы акцентируют свое внимание на потенциале уголовного закона в части наказуемости лиц пенсионного возраста, преступивших уголовно-правовой запрет, а именно на вопросах применения наказаний, карательное содержание которых образует принудительный труд. Напомним, что действующий УК РФ содержит нормы, устанавливающие особенности уголовной ответственности субъектов, достигших (не достигших) определенного возраста. Прежде всего речь идет о несовершеннолетних, когда законодатель, учитывая молодой возраст, особенности интеллектуально-волевого и эмоционального развития, уровня социализации подростков и прочие обстоятельства, характеризующие особенности их личности, предусматривает ограничения (либо

¹ См.: URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision587758.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).

² См.: Там же.

³ Вопрос о труде осужденных к лишению свободы авторы оставляют за пределами своего внимания. Предметом рассмотрения являются лишь те виды основных наказаний, в которых труд является сущностным элементом карательного воздействия.

запреты) при применении тех или иных видов наказаний. Что же касается лиц старшего возраста, то в этом направлении протекционизм со стороны законодателя менее заметен, хотя и имеет место. В частности, речь идет о запретах назначения принудительных работ в отношении женщин, достигших 55-летнего возраста, и мужчин, достигших 60-летнего возраста (ч. 7 ст. 53.1 УК РФ), пожизненного лишения свободы и смертной казни мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65-летнего возраста (ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ). Упоминание о лицах пожилого возраста встречается и в нормах Особенной части УК РФ, но уже как об особых потерпевших: 1) напрямую лишь в одном случае – ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» (речь идет о лице, которое находится в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишено возможности принять меры к самосохранению по старости); 2) при использовании такой категории, как «беспомощное состояние лица»¹ в качестве квалифицирующего признака ряда преступлений против личности; 3) криминализован необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение с работы лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста (ст. 144.1 УК РФ). Уголовно-исполнительное законодательство также устанавливает некоторые особенности отбывания наказания для лиц, достигших пенсионного возраста². Таким образом, в контексте содержания этих норм основанием дифференциации ответственности выступают либо юридическая нетрудоспособность субъектов (достижение установленного законом пенсионного возраста), либо сугубо гуманистические соображения.

Кого же следует относить к лицам пенсионного возраста для целей уголовного закона? Специальных разъяснений относительно понимания данного вида субъектов уголовной ответственности и их возрастных пределов УК РФ не содержит. Анализ действующего отраслевого нормативного регулирования позволяет однозначно определить, что к лицам, достигшим пенсионного возраста, относятся лица, которые имеют право на получение страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ³. Из этого следует, что категория «лицо пенсионного возраста» – межотраслевая и специфики уголовно-правового содержания не имеет. Этот термин даже не используется в уголовном законе но, повторимся, имеет значение при решении вопросов об ответственности лиц, достигших определенного, установленного законом возраста, который до некоторого времени соответствовал пенсионному. В связи с этим уместно напомнить, что до 2018 г. трудовая пенсия по старости назначалась мужчинам по достижении возраста 60 лет, женщинам – по достижении 55 лет⁴. Именно достижение данного возрастного по-

¹ См., напр.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

² Например, на лицевой счет осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, зачисляется независимо от всех удержаний не менее 25 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов, а на лицевой счет осужденных мужчин старше 60 лет, осужденных женщин старше 55 лет – не менее 50 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов (ч. 3 ст. 107 УИК РФ).

³ См.: О страховых пенсиях : федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 22.02.2023).

⁴ См.: О страховых пенсиях : федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ...

рога и обозначено в действующем УК РФ как основание, препятствующее назначению некоторых видов наказаний. Однако Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ¹ пенсионный возраст был повышен до 65 лет для мужчин и до 60 лет для женщин, причем повышение пенсионного возраста предполагается не одномоментно, а поэтапно: длительность переходного периода составит 10 лет – с 2019 по 2028 год.

Таким образом, становится очевидным, что положения УК РФ, ограничивающие возможности правоприменителя в части назначения наказаний, сопряженных с привлечением осужденного к труду, лицам пожилого возраста требуют корректировки. Определенные предложения в этом направлении уже сделаны. В частности, в августе 2021 г. группа депутатов внесла в Государственную Думу Российской Федерации законопроект «О внесении изменений и дополнений в статью 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», в котором предложено повысить границы возрастного ценза для назначения наказания в виде принудительных работ до установленных Федеральным законом «О страховых пенсиях», то есть до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин². По нашему мнению, изменения в этой части положений статьи 53.1 УК РФ, безусловно, необходимы. Однако считаем, что в УК РФ следует отказаться от точного установления пенсионного возраста как основания неприменения определенных видов наказаний, заменив во всех случаях соответствующие формулировки уголовного закона указанием на «лицо, достигшее установленного пенсионным законодательством возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости». Бланкетный характер данной нормы, по нашему мнению, обеспечит ее стабильность в условиях меняющегося отраслевого законодательства.

Важность и необходимость формирования особых подходов в рамках так называемой карательной политики государства в отношении лиц старшего поколения, совершающих уголовно наказуемые деяния, подтверждается и данными статистики. Они свидетельствуют о том, что доля лиц, достигших пенсионного возраста, в структуре населения страны достаточно высока и составляет в среднем 30 % (табл.).

Таблица

Число лиц пенсионного возраста в структуре населения страны*

Показатель	Год				
	2017	2018	2019	2020	2021
Все население	146 804	146 880	146 781	146 749	146 171
в том числе в возрасте, лет:					
55–59	11 155	11 049	10 811	10 443	9857
60–64	17 247	17 720	18 206	10 106	10 300
65–69	13 230	13 506	13 797	8339	8469
70 и более	11 155	11 049	10 811	14 361	14 686
% лиц пенсионного возраста от общей численности населения страны	28	36	36,5	30	30

* Источники: Федеральная служба государственной статистики. Численность и состав населения. Распределение населения по возрастным группам. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.07.2022).

¹ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43614> (дата обращения: 22.02.2023).

² См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1239188-7> (дата обращения: 22.02.2023).

Примечательно, что доля лиц старше 70 лет в демографической структуре населения в последнее время увеличивается и составляет 10 %, причем число лиц, достигших возраста 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, осуждаемых за совершение преступлений, в последние годы обнаруживает тенденцию к увеличению и, по данным судебной статистики, в 2021 г. эта цифра составила уже 3 % от общего количества осужденных¹.

Анализ видовой характеристики преступлений, совершаемых лицами, достигшими пенсионного возраста, показывает, что мужчины, достигшие к моменту вынесения судом приговора 60-летнего возраста, чаще всего осуждаются за совершение преступлений против жизни и здоровья (в 2021 г. их число составило 26 %), на втором месте – преступления против собственности (23 % за тот же период), на третьем – преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (в 2021 г. – 16 %). Что же касается женщин в возрасте 55 лет и старше, то наиболее распространенными преступлениями среди них являются преступления против собственности (39 %), далее идут преступления против жизни и здоровья (16 %) и преступления против порядка управления (15 %). Что касается иных преступлений, то случаи их совершения пенсионерами единичны или вовсе не встречаются².

Эти же данные, но в разрезе категорий совершаемых преступлений свидетельствуют о том, что и мужчинами (54,6 %), и женщинами (49,4 %) рассматриваемой возрастной категории чаще всего совершаются преступления небольшой тяжести. За совершение преступлений средней тяжести и тяжких преступлений мужчины осуждаются примерно одинаково: 20 % случаев – это осуждение за преступления средней тяжести и 19,3 % – за тяжкие. Количество осужденных женщин за совершение преступлений средней тяжести составляет примерно 13 %, в то время как доля тяжких преступлений значительно выше – 33 %. Количество особо тяжких преступлений, совершаемых лицами обоего пола, относительно стабильно и составляет примерно 6 % у мужчин и 4 % у женщин³. Получается, что примерно 80 % осужденных, достигших пенсионного возраста, осуждаются за преступления небольшой и средней тяжести. В связи с этим возникает вопрос о наказуемости данной категории субъектов уголовной ответственности. Можно предложить, следуя основным началам и принципам уголовного права, что в отношении их должны применяться преимущественно виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества. Статистика, к сожалению, этот тезис подтверждает лишь частично⁴. Анализ официально опубликованных данных показывает, что если видовая характеристика совершаемых пенсионерами обоего пола преступлений примерно одинакова, то наказания, назначаемые мужчинам и женщинам, признанным виновными в совершении преступлений, все же отличаются. В частности, у мужчин превалируют штраф, обязательные работы и лишение свободы (реальное), которые имеют практически одинаковую частотность назначения – по 19 %, далее идет ограничение сво-

¹ См.: Форма № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления». Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.02.2023).

² См.: Там же.

Отметим, что если общее количество осужденных в 2020 г. составило 530 998 чел., то в 2021 г. их численность несколько возросла и составила уже 565 317 чел. Немного возросло и число осужденных, достигших пенсионного возраста.

³ См.: Форма № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления». Данные судебной статистики.

⁴ См.: Там же.

боды – около 12 %. Крайне незначительно применение исправительных работ – в 2 % случаев (как реально, так и условно). Отдельно следует сказать про условное лишение свободы, которое составляет примерно 1/3, или 27 % (при этом заметна тенденция к ежегодному увеличению)¹.

Несколько иная ситуация складывается в отношении женщин: значительное их количество (примерно каждая третья-четвертая женщина) осуждается к штрафу – 37 %. Далее идут такие виды наказания, как лишение свободы (10 %), обязательные работы (8 %) и ограничение свободы (6 %). Исправительные работы (реально и условно) назначаются женщинам, равно как и мужчинам, нечасто. Число женщин, осуждаемых условно к лишению свободы также возросло в 2021 г. и составило примерно 30 %².

Что касается такого вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, то, как показывает статистика, случаи его назначения в качестве основного вида наказания вообще единичны.

Таким образом, складывается следующая ситуация: 1) практически 50 % лиц, признанных виновными в совершении преступлений и достигших пенсионного возраста, осуждаются к лишению свободы (реально или условно); 2) 80 % из числа осужденных пенсионеров наказываются за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. В связи с этим полагаем, что правоприменительная практика в части наказуемости лиц, достигших пенсионного возраста, нуждается в некоторой корректировке. Прежде всего речь идет об изменении соотношения в практике назначения лишения свободы и наказаний, не связанных с лишением свободы, альтернативных ему. Обратим внимание на то, что существенное место в системе наказаний законодатель отводит исправительно-трудовому воздействию: три из десяти наказаний, назначение которых в соответствии с действующим законодательством возможно в качестве основных, напрямую сопряжены с выполнением трудовых функций – обязательные работы, исправительные работы и принудительные работы.

Вместе с тем напомним, что возможности лиц пенсионного возраста по реализации своих трудовых функций могут быть ограничены как социально-экономическими (например, уровень безработицы в стране, стагнация производства), так и физическими и (или) физиологическими причинами (возраст, состояние здоровья и т. п.)³.

¹ См.: Там же.

² См.: Форма № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления». Данные судебной статистики.

³ В качестве примера можно сослаться на исследование, проведенное еще в 2018 г. крупнейшим в России рекрутинговой компанией Head Hunter в связи с принятием законопроекта о повышении возраста выхода на пенсию по старости и показавшее невысокую привлекательность лиц старшего поколения для работодателей: URL: https://hhcdn.ru/file/16676154.pdf?from=article_501501 (дата обращения: 22.02.2023).

Конституция Российской Федерации не только провозглашает право на труд¹, но и допускает применение принудительного труда в рамках исполнения уголовных наказаний. Очевидно, что при назначении всех обозначенных выше видов наказаний на осужденных распространяются нормы как уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, так и нормы законодательства РФ о труде: принципиальное различие состоит лишь в том, что трудовое законодательство позитивно, оно основывается на том, что лицо имеет право на труд, а в нормах иных отраслей права – обязанность трудиться, поскольку труд является частью карательного содержания того или иного вида наказания. Однако даже в этом случае, правда только в отношении пенсионеров, осужденных к лишению свободы, законодатель допускает исключение. Так, в ч. 2 ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) «Привлечение к труду осужденных к лишению свободы» четко определено, что «осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации... привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде ...». Это означает, что обязанность трудиться как средство исправительно-предупредительного воздействия на осужденного не является абсолютной, законодатель допускает в отношении определенной категории лиц ее трансформацию, хотя и весьма ограниченную, в право на труд: лицо имеет право изъявить желание работать или отказаться от этого, но, будучи привлеченным к труду, уже обязано соблюдать сопутствующие ему правила.

Исходя из системного анализа действующего законодательства и руководствуясь гуманитарными соображениями предлагаем:

1) исключить лиц, достигших пенсионного возраста, имеющих право на получение страховой пенсии по старости в соответствии с действующим законодательством РФ, из числа субъектов, которым может быть назначено наказание в виде обязательных работ, изложив ч. 4 ст. 49 УК РФ, в следующей редакции: «Обязательные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, лицам, достигшим пенсионного возраста и имеющим право на получение страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву». Дополнительным аргументом в пользу данного решения можно считать имеющийся опыт законодательного регулирования данного вида наказания в странах ближнего зару-

¹ Это право пенсионеры используют весьма активно. Так, доля работающих пенсионеров в среднем составляет 20 % от общего их числа: 9315 из 46 198 чел. в 2020 г. и 8891 из 45 637 чел. в 2021 г. Незначительное снижение работающих пенсионеров (на 1 % уменьшилась численность пенсионеров по старости от общего числа пенсионеров и на 0,7 % сократилась численность работающих пенсионеров от общего числа пенсионеров, состоящих на учете ПФ РФ), по нашему мнению, можно объяснить уже начавшейся реформой по увеличению пенсионного возраста, а также негативными последствиями пандемии COVID-19 (лица пожилого возраста относятся к числу наиболее уязвимых категорий населения, в отношении их действовало наибольшее количество ограничений).

бежя¹. Анализ уголовного законодательства этих стран показывает, что абсолютное большинство из них устанавливают запрет на назначение общественных работ (в нашем случае обязательных) лицам, достигшим пенсионного возраста: уголовные кодексы Азербайджана, Армении, Беларуси, Таджикистана, Грузии, Узбекистана, Украины, Киргизии, Латвии, Казахстана²;

2) дополнить ст. 50 УК РФ ч. 6: «Исправительные работы применяются к лицу, достигшему пенсионного возраста и имеющему право на получение страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ, имеющему на момент постановления приговора основное место работы. Лицу, достигшему пенсионного возраста и имеющему право на получение страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ, не имеющему на момент постановления приговора основного места работы, исправительные работы могут быть назначены по его желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде».

Закрепление права осужденных пенсионного возраста выбирать, трудиться или нет, на наш взгляд, – это не просто шаг в сторону гуманизации уголовного законодательства. Такое решение целесообразно и не нарушает карательную сущность наказания, поскольку способствует достижению его цели – исправлению осужденного. Дополнительным, но весьма существенным аргументом является и тот факт, что эта идея находит поддержку в правоприменительной практике. Интерес в этом плане представляет кассационное определение от 28 апреля 2022 г. № 77-1036/2022 Третьего кассационного суда общей юрисдикции, вынесенное по жалобе осужденного С. Г. – неработающего пенсионера по старости (61 год), который оспаривал законность и обоснованность его осуждения к исправительным работам сроком на 1 год 9 месяцев с удержанием из заработной платы 10 % в доход государства за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ. Кассационный суд указал на то, что, хотя осужденный и не имеет противопоказаний для отбывания данного вида наказания, установленных ч. 5 ст. 50 УК РФ, наказание в виде исправительных работ предполагает привлечение осужденного к труду, поэтому необходимо выяснить «трудоспособность лица, наличие или отсутствие у него основного места работы, места постоянного жительства и иные свидетельствующие о возможности исполнения этого вида наказания обстоятельства, в том числе указанные в ч. 5 ст. 50 УК РФ»³. Что касается назначения исправительных работ лицам пенсионного возраста, то свою позицию по существу вопроса суд сформулировал следующим образом: «Требования трудового законодательства Российской Федерации в системной связи с положениями уголовного закона не исключают возможность назначения лицам, достигшим пенсионного возраста, обязанности трудиться в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, однако при этом не может не учитываться то, что достижение определенного возраста по общему прави-

¹ Опыт именно этих стран нам интересен единой базой уголовно-правового регулирования в прошлом, поскольку речь идет о республиках бывшего СССР – в настоящее время самостоятельных государствах, построивших уголовное законодательство с учетом опыта как советского прошлого, так и собственных представлений, сформированных в том числе под влиянием европейского законодательства.

² Лишь по УК Молдовы не предусмотрено никаких ограничений для назначения данного вида наказания лицам пенсионного возраста. В уголовных же законах Эстонии и Туркменистана обязательные (общественные) работы не предусмотрены.

³ См.: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=58314#0Rca pDTvmVQwERg8> (дата обращения: 22.02.2023).

лу характеризует способность лица выполнять конкретную трудовую функцию, в том числе связанную со значительными физическими усилиями, притом что привлечение осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, является характерной чертой исправительных работ как вида наказания, а по сложившейся практике труд в рамках исправительных работ может предполагать несение лицом физической нагрузки, в том числе тяжелой. Предоставить же лицу, отбывающему данное наказание, более легкую работу в соответствии с его состоянием здоровья не всегда возможно. Это создает угрозу прекращения привлечения осужденного к труду и, по существу, ведет к обесмысливанию назначения ему исправительных работ»¹;

исключить из ч. 7 ст. 53.1 УК РФ указание на женщин, достигших пятидесятипятилетнего возраста, мужчин, достигших шестидесятилетнего возраста, как лиц, которым принудительные работы не назначаются. Учитывая, что принудительные работы являются альтернативой лишению свободы, а труд в рамках лишения свободы относится к числу обязательных средств исправления осужденных, полагаем возможным применение данного вида наказания и к лицам, достигшим пенсионного возраста, но по их желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Именно это правило «работает» при привлечении к труду осужденных к лишению свободы пенсионеров (ч. 2 ст. 103 УИК РФ);

3) дополнить ст. 53.1 УК РФ ч. 8 следующего содержания: «Лицу, достигшему пенсионного возраста и имеющему право на получение страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ, принудительные работы назначаются по его желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде». Уместно в связи с этим подчеркнуть, что практика назначения наказания, сопряженного с привлечением к труду, при наличии согласия осужденного известна и законодательству зарубежных стран. Например, УК Франции, Голландии, Швеции предусматривают возможность назначения общественных работ только если осужденный не возражает (выражает на то свое согласие): «Наказание в виде работы в общественных интересах не может быть назначено подсудимому, который от этого отказывается» (ст. 131-8 УК Франции)².

Предлагаемые законодательные изменения, позволят, на наш взгляд, повысить эффективность наказаний, сопряженных с привлечением к труду, в отношении лиц, достигших пенсионного возраста. Принимая во внимание, что возможности индивидуализации наказания лицам пенсионного возраста по сравнению с иными категориями взрослых осужденных ограничены, а также психофизиологические особенности данной категории субъектов, значимость сохранения для них привычной социальной среды, естественно, с учетом ее позитивного содержания, считаем возможным расширить сферу применения такого уголовно-правового института, как отсрочка отбывания наказания³

¹ См.: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=58314#0Rca pDTvmVQwERg8> (дата обращения: 22.02.2023).

² См.: Российский правовой портал. Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 22.02.2023).

³ Отсрочка лицам пожилого (пенсионного) возраста в максимальной степени может способствовать достижению предупредительной цели уголовной ответственности, реализации принципа гуманизма в отношении данной категории осужденных прежде всего за счет расширения возможностей индивидуализации их ответственности.

и дополнить Уголовный кодекс РФ ст. 82.2 «Отсрочка отбывания наказания лицам, достигшим пенсионного возраста», которую изложить в следующей редакции:

«1. Осужденному к исправительным работам, принудительным работам или лишению свободы, достигшему пенсионного возраста к моменту вынесения судом приговора за совершение преступлений небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, суд может отсрочить реальное отбывание наказания на срок, равный сроку назначенного наказания, отбывание которого было отсрочено.

2. По истечении срока, равного сроку наказания, отбывание которого было отсрочено, суд освобождает осужденного, указанного в части первой настоящей статьи, от отбывания наказания.

3. Если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 настоящего Кодекса».

Список источников

1. Вишневская Т. И. Особенности исправительного процесса пожилых осужденных // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 124–128.

2. Лапшин В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 55–67.

3. Саядян С. Г. О возможности предоставления отсрочки отбывания наказания осужденным пожилого возраста // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 2(2). С. 105–109.

References

1. Vishnevskaja, T. I. 2021, 'Features of the correctional process of elderly convicts', *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1, pp. 124–128.

2. Lapshin, V. F. 2021, 'Forced labor as a type of "non-systemic" criminal punishment', *Journal of Russian Law*, iss. 5, pp. 55–67.

3. Sajadjan, S. G. 2014, 'On the possibility of granting a delay in serving a sentence to elderly convicts', *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, iss. 2(2), pp. 105–109.

Информация об авторах

Н. В. Артеменко – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии;

С. Г. Саядян – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the authors

N. V. Artemenko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology;

S. G. Sajadjan – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 16.08.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 16.10.2023.

The article was submitted 16.08.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 16.10.2023.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

Научная статья

УДК 343.815

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.558-570

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Александра Сергеевна Скороходова¹

¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, г. Томск, Россия, ipkr.skorokhodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7537-2320>

Аннотация. В статье исследуется действующая в отечественном законодательстве система мер уголовно-правового воздействия, применяемых к несовершеннолетним гражданам, совершившим общественно опасные деяния. Ставится вопрос об определении понятия иных мер уголовно-правового характера и их систематизации. По результатам сравнительного анализа различных точек зрения на сущность и систему иных мер уголовно-правового характера автор выделяет три подхода, которые прослеживаются в позициях ученых по толкованию содержания иных мер уголовно-правового характера в научной литературе: узкое формальное толкование, широкое формальное толкование и толкование на основании определенной совокупности характерных признаков и свойств. Отмечено, что систематизация иных мер уголовно-правового характера на современном этапе существования отечественного законодательства крайне затруднена из-за недостаточной правовой регламентации данного института. Разграничивая понятия «наказание», «иная мера уголовно-правового характера», «мера уголовно-правового воздействия», автор предлагает собственную классификацию мер уголовно-правового воздействия. При категоризации данных мер в отношении несовершеннолетних учитываются такие критерии, как деликтоспособность, наличие или отсутствие уголовной ответственности, форма реализации мер уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: меры уголовно-правового воздействия, иные меры уголовно-правового характера, наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, несовершеннолетние

Для цитирования

Скороходова А. С. К вопросу о понятии и системе // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 558–570. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.558-570.

© Скороходова А. С., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Original article

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND SYSTEM OF MEASURES OF CRIMINAL LEGAL INFLUENCE APPLIED TO MINORS

Aleksandra Sergeevna Skorohodova¹

¹ Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, ipkr.skorokhodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7537-2320>

Abstract. The article examines the system of measures of criminal and legal influence applied to minors who have committed socially dangerous acts in the domestic legislation. The question is raised about the definition of the concept of other measures of a criminal legal nature and their systematization. Based on the results of a comparative analysis of various points of view on the essence and system of other criminal law measures, the author identifies three approaches that can be traced in the positions of scientists on the interpretation of the content of other criminal law measures in the scientific literature: narrow formal interpretation, broad formal interpretation and interpretation based on a certain set of characteristic features and properties. It is noted that the systematization of other measures of a criminal-legal nature at the present stage of the existence of domestic legislation is extremely difficult due to insufficient legal regulation of this institution. Differentiating the concepts of "punishment", "other measure of a criminal-legal nature", "measure of criminal-legal impact", the author offers his own classification of measures of criminal-legal impact. When categorizing these measures against minors, criteria such as delinquency, the presence or absence of criminal liability, the form of implementation of measures of criminal legal impact are taken into account.

Keywords: measures of criminal legal influence, other measures of a criminal legal nature, punishments, compulsory measures of educational influence, compulsory measures of a medical nature, minors

For citation

Skorohodova, A. S. 2023, 'On the question of the concept and system of measures of criminal legal influence applied to minors', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 558–570, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.558-570.

Статья 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) для осуществления охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечения мира и безопасности человечества, а также предупреждения преступлений устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Принципы справедливости и гуманизма уголовного законодательства (ст. 6 и 7 УК РФ) предполагают, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру

и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

В то время как понятие наказания закреплено в ст. 43 УК РФ, а перечень уголовных наказаний – в ст. 44 УК РФ, в настоящее время в отечественном уголовном законодательстве отсутствует легальное определение иных мер уголовно-правового характера, что неизменно вызывает у представителей уголовно-правовой доктрины дискуссии относительно содержания данных мер. В контексте рассматриваемой проблемы система мер уголовно-правового воздействия, включающая в себя наказания и иные меры уголовно-правового характера в отношении граждан, совершивших преступления и общественно опасные деяния в несовершеннолетнем возрасте, представляется наиболее сложной и разветвленной. Много споров вызывает современная редакция разд. IV УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», согласно которой к таким мерам относятся только принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф, поскольку в указанный раздел не включены многие виды уголовно-правового воздействия, регулируемые УК РФ и не связанные с наказаниями, в том числе принудительные меры воспитательного воздействия. Возникает вопрос о том, что же все-таки следует считать иными мерами уголовно-правового характера – меры, предусмотренные разд. IV УК РФ, все способы уголовно-правового воздействия, предусмотренные УК РФ, или некоторые из них, отличающиеся рядом системообразующих признаков?

Подходы ученых к толкованию понятия «иные меры уголовно-правового характера» и их классификации можно разделить на три основные группы:

- узкое формальное толкование – рассмотрение в качестве иных мер уголовно-правового характера только тех, которые содержатся в разд. IV УК РФ или в наименовании которых содержится слово «меры»;
- широкое формальное толкование – включение в число иных мер уголовно-правового характера всех или почти всех способов уголовно-правового воздействия, регулируемых УК РФ;
- толкование понятия и видов иных мер уголовно-правового характера исходя из определенной совокупности их характерных признаков и свойств.

Несмотря на легальное подкрепление, первый подход имеет наименьшее количество сторонников среди ученых, внимание которых сосредоточено на иных мерах уголовно-правового характера. Так, В. Н. Хачиян утверждает, что появление «нового по форме и обновленного по содержанию института уголовного права – иных мер уголовно-правового характера» связано с обновлением разд. IV УК РФ в 2006 г., когда Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ данный раздел был дополнен гл. 15.1 «Конфискация имущества» и переименован из «Принудительных мер медицинского характера» в «Иные меры уголовно-правового характера». Условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия, различные виды освобождения от уголовного наказания В. Н. Хачиян относит к мерам уголовно-правового воздействия, требующим отдельной правовой регламентации [1].

А. А. Павлова полагает, что к иным мерам уголовно-правового характера относятся меры, законодательно закрепленные в разд. IV УК РФ, а также принудительные меры воспитательного воздействия. Автор считает условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания производными от наказания, поскольку они не могут существовать отдельно от него, вследствие чего относятся к институту наказания, а не к иным мерам уголовно-правового характера [2].

С. А. Корнеев отмечает, что иные меры уголовно-правового характера по своей сути, социально-правовой природе, основанию и целям применения представляют собой совокупность мер государственного принуждения, назначаемых по решению суда, применяются к лицу, совершившему деяние, запрещенное УК РФ, и заключаются в принудительном ограничении прав и свобод этого лица, обусловленном его возрастом и психическим состоянием. Выделяя как системообразующий признак иных мер уголовно-правового характера их обособленность от уголовной ответственности, что связано с неспособностью лица осознавать свои действия и руководить ими в процессе совершения запрещенного уголовным законом деяния, С. А. Корнеев рассматривает в качестве таковых мер только принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия. Наказания, субсидиарные меры уголовно-правового характера, судимость автор относит к формам реализации уголовной ответственности и отграничивает эти правовые институты от иных мер уголовно-правового характера [3].

Ученые, придерживающиеся широкой формальной трактовки иных мер уголовно-правового характера, считают логичным и целесообразным использовать словосочетание «иные меры уголовно-правового характера» как собирательное понятие для всех мер уголовно-правового воздействия, регулируемых уголовным законом, но не относящихся к числу наказаний [4, с. 20]. Как отмечает И. Э. Звечаровский, «с формальной точки зрения, если ориентироваться только на название нормативного правового акта, в котором упоминается понятие мер уголовно-правового характера – «Уголовный кодекс», к их числу следует отнести все меры, предусмотренные этим актом за преступление» [5]. Систему этих мер автор представляет следующим образом:

1) подсистема видов освобождения от уголовной ответственности (добровольный отказ от преступления, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, амнистия, освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия);

2) подсистема видов наказаний (смягчение или усиление наказания при наличии смягчающих или отягчающих обстоятельств, назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение и отсрочка отбывания наказания);

3) подсистема видов освобождения от наказания (освобождение от отбывания наказания в связи с изменением обстановки, с наступлением психического расстройства в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ, с амнистией, с применением принудительных мер воспитательного воздействия);

4) подсистема видов освобождения от отбывания наказания (условно-досрочное освобождение, освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью, с достижением ребенком 14-летнего возраста в соответствии с ч. 3 ст. 82 УК РФ, истечением сроков давности обвинительного приговора суда, с амнистией и помилованием);

5) подсистема видов замены неотбытой части наказания более мягким (ст. 80, ч. 3 ст. 82, ч. 3 ст. 83, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85, ст. 93 УК РФ) или более строгим наказанием (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 53 УК РФ);

6) погашение или снятие судимости [5].

Тем не менее, по мнению И. Э. Звечаровского, мерами уголовно-правового характера можно назвать лишь те, применение которых влечет за собой изменение уголовно-правового статуса личности, что проявляется, во-первых, в появлении обязанности

соблюдать определенные запреты в результате вступления в силу уголовного закона, и во-вторых, в появлении обязанности нести ответственность за содеянное в связи с фактом совершения преступления. По данному параметру предлагается исключить из числа мер уголовно-правового характера принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия (именно применение этих мер, а не предшествующие их применению действия по освобождению от уголовной ответственности или наказания, входящие в представленную выше подсистему), а также конфискацию имущества, поскольку эти меры не меняют уголовно-правового положения лица по отношению к тому, в котором это лицо находилось до момента ее применения [5].

В. Ф. Ширяев также придерживается широкого толкования категории иных мер уголовно-правового характера, разделяя систему мер уголовно-правового воздействия на основную подсистему, то есть систему наказаний, и «вспомогательные элементы», в том числе условное осуждение; отсрочку отбывания наказания; амнистию; помилование; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; освобождение от отбывания наказания по иным основаниям; институт замены наказаний; освобождение от уголовной ответственности и иные досудебные меры уголовно-правового воздействия; принудительные меры воспитательного воздействия и медицинского характера; возмещение ущерба, причиненного преступлением [6, с. 49].

М. Ю. Дворецкий также относит к иным мерам уголовно-правового характера фактически все виды уголовно-правового воздействия, выделяя следующие категории:

1) пять общих видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.1, 78, 90 УК РФ) и специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ (например, ст. 122, 126, 178, 204 УК РФ);

2) все виды освобождения от наказания, как условные (условное осуждение, условно-досрочное освобождение, два вида отсрочки отбывания наказания), так и безусловные (замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, болезнью, истечением сроков давности обвинительного приговора, амнистия, помилование, освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних);

3) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним лицам;

4) иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные разд. IV УК РФ [7].

М. Ю. Дворецкий также разделяет иные меры уголовно-правового характера на являющиеся формой реализации уголовной ответственности (большинство мер) и не являющиеся таковой (применение принудительных мер медицинского характера к невменяемому лицу, а также применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 90 УК РФ) [7].

Тем не менее большинство авторов относят к иным мерам уголовно-правового характера не все средства, регулируемые УК РФ, а только те способы уголовно-правового воздействия, которые имеют определенные характеристики. Так, А. И. Чучаев, анализируя сущность иных мер уголовно-правового характера, отмечает: «Основывать научную теорию на внешнем формальном критерии и, более того, относить его к сущностным признакам правового феномена не представляется обоснованным» [8, с. 2].

Некоторые ученые в качестве основного отличительного признака иных мер уголовно-правового характера выделяют их принудительный характер. Так, по мнению У. Я. Крастиньша, общим для уголовно-правовых мер воздействия является то, что они «реализу-

ются в принудительном порядке: их назначают и исполняют соответствующие уполномоченные на то государственные институции» [18]; В. В. Колосовский считает, что «признаком, который объединяет меры уголовно-правового характера, является принудительный характер этих мер либо угроза реального применения государственного насилия» [19].

В качестве системного признака иных мер уголовно-правового характера часто рассматривается наличие или отсутствие в них карательного элемента, причем точки зрения исследователей диаметрально противоположны: одни считают, что эти меры «лишены карательного потенциала и тем самым отличаются от наказания» [11, 20, 22], другие полагают, что «все меры уголовно-правового характера являются карательными, в той или иной мере ограничивая лицо в его правах, свободах и интересах» [23, с. 27].

Э. Л. Бектимеров предлагает классифицировать иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные действующим законодательством, исходя из их целей:

1) меры уголовно-правового характера, связанные с освобождением от отбывания наказания (условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, болезнью, истечением сроков давности обвинительного приговора суда);

2) принудительные меры воспитательного воздействия;

3) уголовно-правовые меры безопасности (иные меры уголовно-правового кодекса, предусмотренные разд. VI УК РФ) [24].

Наиболее распространенным и, на наш взгляд, объективным критерием отнесения того или иного способа уголовно-правового воздействия к разряду иных мер уголовно-правового характера является его назначение за совершение преступления. Иные меры уголовно-правового характера рассматриваются рядом ученых в качестве формы реализации уголовной ответственности [9–12].

В. А. Уткин, анализируя нормы УК РФ, подчеркивает, что иные меры уголовно-правового характера назначаются за совершение преступлений (ст. 2), они должны быть справедливыми (ст. 6), не могут иметь своей целью причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства (ст. 7). На основании ст. 2 УК РФ автор исключает из числа иных мер уголовно-правового характера принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости либо невменяемым на момент применения этих мер (пп. «а», «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ). В позиции В. А. Уткина также прослеживается тенденция к рассмотрению иных мер уголовно-правового характера с позиции их «исполняемости» в рамках действующего законодательства: так, из всех способов уголовно-правового воздействия, представленных в УК РФ, к иным мерам уголовно-правового характера автор относит только условное осуждение (ст. 73 УК РФ), испытательный срок при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), два вида отсрочки отбывания наказания (ст. 82 и 821 УК РФ) и судебный штраф (ст. 104.4, 104.5 УК РФ), поскольку исполнение указанных мер регулируется уголовно-исполнительным законодательством и законодательством об исполнительном производстве [13, с. 82–85].

Р. М. Акутаев, напротив, считает очевидным, что иные меры уголовно-правового характера могут быть применены не только к лицам, совершившим преступления, но и к лицам, совершившим иные другие общественно опасные деяния (невменяемым и несовершеннолетним), в связи с чем указывает на значительное упущение в диспозиции

нормы ч. 2 ст. 2 УК РФ, которую, по мнению автора, следует дополнить словами «общественно опасных деяний» в скобках после слова «преступлений» [14].

Критикуя мнение о том, что иные меры уголовно-правового характера могут назначаться только за совершение преступлений, Л. В. Иногамова-Хегай отмечает, что «из сопоставительного анализа положений, закрепленных ч. 2 ст. 2 и п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ, следует возможность назначения некоторых из иных мер уголовно-правового характера как за преступные, так и за непроступные деяния, так как в ст. 2 УК РФ закреплено применение иных мер уголовно-правового характера за преступление и не предусмотрена невозможность их назначения за непроступные деяния» [15].

С. И. Курганов, определяя иные меры уголовно-правового характера как меры, предусмотренные законом и применяемые к лицам, совершившим преступления, тем не менее выделяет в качестве особого случая назначение принудительных мер медицинского характера лицам, не подлежащим уголовной ответственности. По признаку применения мер уголовно-правового характера автор делит их на две группы: 1) меры, применяемые за совершение преступлений, то есть являющиеся формой реализации уголовной ответственности; 2) меры, не связанные с уголовной ответственностью и применяемые по иным основаниям. При этом принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия являются многофункциональными, то есть могут применяться по обоим указанным основаниям [16].

Похожей точки зрения придерживается Ю. А. Головастова, которая разделяет иные меры уголовно-правового характера на являющиеся формой уголовной ответственности (исполняемые после вступления приговора суда в законную силу либо выступающие в качестве замены наказания – условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, условно-досрочное освобождение) и не являющиеся таковой (принудительные меры воспитательного воздействия и медицинского характера) [17].

Рассмотрев взгляды ученых на правовую природу иных мер уголовно-правового характера и их классификацию, можно с уверенностью сделать лишь один вывод: на современном этапе существования уголовного законодательства однозначное понимание их системы крайне затруднительно, если вообще возможно. Как справедливо отмечает А. Н. Батанов, «иные меры уголовно-правового характера крайне неоднородны и различаются по основаниям назначения, содержанию, целям применения, процессуальному порядку применения и правовым последствиям» [25].

На наш взгляд, единственный бесспорный признак, характеризующий иные меры уголовно-правового характера, вытекает из их наименования: «иные», то есть отличные от наказания, а значит, им не являющиеся. Однако дальнейшая систематизация этих не являющихся наказанием мер уже становится крайне затруднительной из-за отсутствия четкого законодательного закрепления данного правового института. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера», но он явно не включает в себя все применяемые способы уголовно-правового воздействия. В ст. 2 УК РФ указано, что за совершение преступлений применяются иные меры уголовно-правового характера, а в упомянутом разд. VI УК РФ предусмотрены принудительные меры медицинского характера, применяемые к не деликтоспособному лицу, совершившему не преступление, а общественно опасное деяние. В соответствии со ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) общие положения и принципы применения иных мер уголовно-правового характера устанавливаются уголовно-исполнительным законодательством, но УИК РФ регулирует исполнение только

условного осуждения и отсрочки отбывания наказания, которые не включены в разд. VI УК РФ. Нельзя даже с уверенностью сказать, что иные меры уголовно-правового характера предусмотрены только УК РФ: например, ч. 3 ст. 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) предусматривает отсрочку исполнения наказания при наличии тяжких последствий или угрозе их наступления для осужденного или его близких родственников, что можно отнести хотя бы по аналогии со ст. 82, 82.1 УК РФ к иным мерам уголовно-правового характера, хотя в УК РФ данный вид отсрочки вообще не упоминается. Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что окончание научной дискуссии о правовой природе иных мер уголовно-правового характера в ближайшее время маловероятно, по крайней мере, до момента систематизации данного правового института в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законах.

Для того чтобы составить объективное представление о содержании понятия иных мер уголовно-правового характера, необходимо прежде всего обратиться к соотношению категорий «мера уголовно-правового воздействия», «наказание» и «иная мера уголовно-правового характера». Согласимся с учеными-пенитенциаристами Ф. К. Набиуллиным, Ю. А. Головастовой, которые рассматривают наказания и иные меры уголовно-правового характера в качестве отдельных подсистем в общей системе мер уголовно-правового воздействия. Так, «наказания и иные меры уголовно-правового характера – это всегда меры уголовно-правового воздействия, в то время как меры уголовно-правового воздействия не ограничиваются лишь наказаниями и иными мерами уголовно-правового характера» [11, 17].

Ф. К. Набиуллин определяет уголовно-правовое воздействие как реализацию уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступление, путем исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также применения некарательных мер уголовно-правового воздействия за пределами рамок уголовной ответственности к несовершеннолетним, освобожденным от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, и невменяемым, совершившим общественно опасные деяния, запрещенные УК РФ [26, с. 5].

Ю. А. Головастова также под мерами уголовно-правового характера понимает более широкую категорию, чем категории «наказание» и «иная мера уголовно-правового характера», так как «в ее содержание включается 9 форм государственного воздействия, часть из которых реализуются только в уголовно-правовых отношениях» [27].

Таким образом, основным критерием, отличающим наказания и меры уголовно-правового характера от иных форм уголовно-правового воздействия, является наличие в них такого признака, как реализация уголовной ответственности. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности, а также применение принудительных мер медицинского характера в отношении невменяемых лиц, совершивших общественно опасные деяния, будем рассматривать как меры уголовно-правового воздействия, но не как иные меры уголовно-правового характера. Тем не менее эти меры по своему содержанию очень схожи с иными мерами уголовно-правового характера, поскольку содержат элемент государственного принуждения – они исполняются специально уполномоченными государственными органами и связаны с рядом правоограничений для лиц, в отношении которых применяются.

Изложенные доводы позволяют утверждать, что уголовно-правовое воздействие на несовершеннолетних не ограничивается только наказаниями и иными мерами уголовно-

правового характера, включая и иные меры уголовно-правового воздействия. В обобщенном виде формы осуществления уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних, совершивших преступления и общественно опасные деяния, представлены в таблице.

Таблица

Формы реализации уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних, совершивших преступления и общественно опасные деяния

1. Меры уголовно-правового воздействия, связанные с освобождением от уголовной ответственности и наказания:
освобождение от уголовной ответственности (ст. 75–78 УК РФ)
освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ)
освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ)
освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ)
амнистия (ст. 84 УК РФ)
помилование (ст. 85 УК РФ)
судимость (ст. 86, 95 УК РФ)
2. Меры уголовно-правового воздействия, содержащие элемент государственного принуждения:
применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90, 96 УК РФ)
помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ)
принудительные меры медицинского характера (пп. «а», «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ)
3. Иные меры уголовно-правового характера:
возложение на осужденного обязанности пройти лечение от наркомании и (или) социальную реабилитацию (ст. 721 УК РФ)
условное осуждение (ст. 73 УК РФ)
условно-досрочное освобождение (ст. 79, 93 УК РФ)
отсрочка отбывания наказания (ст. 82, 82.1 УК РФ)
принудительные меры медицинского характера (п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ)
конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ)
судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ)
отсрочка отбывания наказания в связи с болезнью осужденного, препятствующей отбыванию наказания (п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК РФ)
отсрочка отбывания наказания в связи с тяжкими последствиями или угрозой их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванными пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами (п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ)
4. Наказания:
штраф (ст. 46 УК РФ)
лишение права заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ)
обязательные работы (ст. 49 УК РФ)
исправительные работы (ст. 50 УК РФ)
ограничение свободы (ст. 53 УК РФ)
лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ)

Безусловно, закрепление в УК РФ понятия и системы иных мер уголовно-правового характера (по аналогии со ст. 43, 44 УК РФ, посвященными наказанию) необходимо для однозначного или, по крайней мере, более узкого понимания правовой природы этих мер и сферы их применения. А на современном этапе развития отечественного уголовного законодательства можно классифицировать различные меры уголовно-правового воздействия по определенным критериям, важным в каком-либо аспекте: в зависимости от целей, способов применения этих мер, правового положения, возраста или деликто-способности лиц, в отношении которых применяются эти меры, наличия или отсутствия карательных элементов, механизмов государственного принуждения и других факторов.

При категоризации данных мер в отношении несовершеннолетних граждан необходимо в комплексе учитывать следующие критерии: деликтопособность, связанная как с возрастом, так и с вменяемостью (причем с вменяемостью на момент как совершения преступления или общественно опасного деяния, так и применения уголовно-правовых мер); наличие или отсутствие уголовной ответственности несовершеннолетнего при применении той или иной меры; собственно содержание мер – являются ли они формой государственного принуждения либо, наоборот, формой освобождения от последствий совершенного деяния.

Список источников

1. Хачиян В. Н. Иные меры уголовно-правового характера // Российский судья. 2009. № 9. С. 31–34.
2. Павлова А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
3. Корнеев С. А. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 25 с.
4. Безбородов Д. А., Зарубин А. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 80 с.
5. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
6. Ширяев В. Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. 223 с.
7. Дворецкий М. Ю. Иные меры уголовно-правового характера как форма реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Сер. Политические науки и право. 2015. № 3(3). С. 52–56.
8. Уголовно-правовое воздействие : монография / под ред. А. И. Рагога. М. : Проспект, 2012. 288 с.
9. Уткин В. А. Пределы уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4(45). С. 97–100.
10. Черных О. В. Иные меры уголовно-правового характера: вопросы правовой регламентации // Власть. 2010. № 10. С. 96–98.
11. Набиуллин Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 6. С. 221–225.
12. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. № 1. С. 114–121.

13. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Томский государственный университет, 2018. 240 с.

14. Акутаев Р. М. Понятие и система мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 44–48.

15. Иногамова-Хегай Л. В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера // Общество и право. 2016. № 2(56). С. 98–103.

16. Курганов С. И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.

17. Головастова Ю. А. Иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся формой реализации уголовной ответственности // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова. Рязань, 2022. С. 27–31.

18. Крастиньш У. Я. Системность в уголовном праве и меры принудительного воздействия // Системность в уголовном праве : материалы II Рос. конгресса уголовного права. М., 2007. С. 215–217.

19. Колосовский В. В. Понятие и виды мер уголовно-правового характера // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 29. С. 44–49.

20. Келина С. Г. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. 25–26 января 2007 г. М., 2007. С. 285–286.

21. Сундуоров Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань : Казанский государственный университет, 2005. 298 с.

22. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундуорова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 864 с.

23. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.

24. Бектимеров Э. Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.

25. Батанов А. Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5(37). С. 151–154.

26. Набиуллин Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система социально-правовое назначение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 23 с.

27. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: современный взгляд : монография / науч. ред. В. И. Селиверстов. М., 2017. 212 с.

References

1. Natchijan, V. N. 2009, 'Other measures of a criminal-legal nature', *Russian judge*, iss. 9, pp. 31–34.

2. Pavlova, A. A. 2011, *Other measures of a criminal-legal nature as an institution of criminal law: PhD thesis (Law)*, Moscow.

3. Korneev, S. A. 2021, *Criminal liability and other measures of a criminal-legal nature in the structure of criminal-legal impact: PhD thesis (Law)*, Рязань.

4. Bezborodov, D. A. & Zarubin, A. V. 2015, *Other measures of a criminal-legal nature: concept, signs and types: textbook*, St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, St. Petersburg.
5. Zvecharovskij, I. Je. 2007, 'The concept of criminal law measures', *Legality*, iss. 1, pp. 19–21.
6. Shirjaev, V. F. 2001, *Punishment in the system of measures of criminal legal impact: content, problems of improvement: PhD thesis (Law)*, Ярославль.
7. Dvoreckij, M. Ju. 2015, 'Other measures of a criminal-legal nature as a form of realization of criminal responsibility', *Bulletin of Tambov University, Series of Political Sciences and Law*, iss. 3(3), pp. 52–56.
8. Rarog, A. I. (ed.) 2012, *Criminal legal impact: monograph*, Prospectus, Moscow.
9. Utkin, V. A. 2020, 'The limits of penal enforcement legislation', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(45), pp. 97–100.
10. Chernyh, O. V. 2010, 'Other measures of a criminal-legal nature: issues of legal regulation', *The Authorities*, iss. 10, pp. 96–98.
11. Nabiullin, F. K. 2007, 'Non-punitive measures of a criminal nature', *Scientific Notes of Kazan University, Humanities Series*, iss. 6, pp. 221–225.
12. Nepomnjashhaja, T. V. 2017, 'Other measures of a criminal-legal nature: concept, legal nature, system', *Law enforcement*, iss. 1, pp. 114–121.
13. Utkin, V. A. 2018, *Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures*, Tomsk State University, Tomsk.
14. Akutaev, R. M. 2014, 'The concept and system of criminal law measures, their difference from punishment', *Russian Justice*, iss. 4, pp. 44–48.
15. Inogamova-Hegaj, L. V. 2016, 'Differentiation and individualization of criminal responsibility and other measures of a criminal nature', *Society and Law*, iss. 2(56), pp. 98–103.
16. Kurganov, S. I. 2007, 'Criminal law measures', *Criminal law*, iss. 2, pp. 59–63.
17. Golovastova, Ju. A. 2022, 'Other measures of a criminal-legal nature that are not a form of realization of criminal responsibility', in *Problems of criminal responsibility and punishment: a collection of materials of the International scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov*, pp. 27–31, Rjazan.
18. Krastin'sh, U. Ja. 2007, 'Consistency in criminal law and coercive Measures', in *Consistency in Criminal Law: Proceedings of the II Russian Congress of Criminal Law*, pp. 215–217, Moscow.
19. Kolosovskij, V. V. 2012, 'The concept and types of criminal law measures', *Bulletin of the South Ural State University*, iss. 29, pp. 44–49.
20. Kelina, S. G. 2007, 'Other measures of a criminal-legal nature as an institution of criminal law', in *Criminal Law: Development Strategy in the XXI century: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference on January 25–26, 2007*, pp. 285–286, Moscow.
21. Sundurov, F. R. 2005, *Punishment and Alternative measures in Criminal Law*, Kazan State University, Kazan'.
22. Sundurov, F. R. & Tarhanov, I. A. (eds) 2016, *Criminal Law of Russia, General part: Textbook*, 2nd edn, Statute, Moscow.
23. Dujunov, V. K. 2001, *The mechanism of criminal legal impact: theoretical foundations and practice of implementation: PhD thesis (Law)*, Tolyatti.
24. Bektimerov, Je. L. 2009, *Other measures of a criminal-legal nature and their role in the implementation of the tasks of the criminal law of Russia: PhD thesis (Law)*, Saratov.
25. Batanov, A. N. 2011, 'Other measures of a criminal-legal nature – an independent institution of Russian criminal legislation?', *Society and Law*, iss. 5(37), pp. 151–154.

26. Nabiullin, F. K. 2008, *Non-punitive measures of a criminal nature: nature, system, social and legal purpose: PhD thesis (Law)*, Kazan.

27. Golovastova, Ju. A. 2017, *Penal enforcement law as a branch of Russian Law: a Modern View: monograph*, V. I. Seliverstov (ed.), Moscow.

Информация об авторе

А. С. Скороходова – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы.

Information about the author

A. S. Skorohodova – lecturer of the Department of Execution of Non-Custodial Sentences and legal support for the Activities of the penal enforcement system.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 17.03.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 17.10.2023.

The article was submitted 17.03.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 17.10.2023.

Научная статья

УДК 351.74: 343.232

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.571-578

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Василий Васильевич Фомин¹, Елена Александровна Лукьянова²

^{1, 2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹ editor62@yandex.ru

² helen5608.90@mail.ru

Аннотация. Современные информационно-телекоммуникационные технологии все чаще находят свое применение не только в профессиональной и повседневной деятельности людей, но и в криминальной среде в преступных целях. Популярность таких технологий обусловлена возможностью осуществлять преступные действия удаленно, не находясь в прямом контакте с потерпевшим или третьими лицами. Тем самым для преступников снижаются риски быть обнаруженными. В статье рассмотрены некоторые аспекты, касающиеся деятельности сотрудников органов внутренних дел на транспорте по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Сформулированы предложения, направленные на повышение эффективности предупреждения и раскрытия данного вида преступлений.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, органы внутренних дел на транспорте, незаконная банковская деятельность, незаконный оборот наркотических средств

Для цитирования

Фомин В. В., Лукьянова Е. А. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел на транспорте по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 571–578. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.571-578.

Original article

SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN TRANSPORT TO COUNTERACT CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Vasilij Vasil'evich Fomin¹, Elena Aleksandrovna Luk'janova²

^{1,2} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia,

¹ editor62@yandex.ru

² helen5608.90@mail.ru

Abstract. Modern information and telecommunication technologies are increasingly finding their application not only in the professional and daily activities of people, but also in the criminal environment for criminal purposes. The popularity of such technologies is due to the ability to carry out criminal actions remotely, without being in direct contact with the victim or third parties. This reduces the risk of detection for criminals. The article discusses some aspects concerning the activities of employees of the internal affairs bodies in transport to counteract crimes committed using information technology at railway, water and air transport facilities. The proposals aimed at improving the effectiveness of the prevention and disclosure of this type of crime are formulated.

Keywords: information and telecommunication technologies, internal affairs bodies in transport, illegal banking, illicit drug trafficking

For citation

Fomin, V. V. & Luk'janova, E. A. 2023, 'Some aspects of the activities of the internal affairs bodies in transport to counteract crimes committed using information and telecommunication technologies', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 571–578, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.571-578.

Новые информационно-телекоммуникационные технологии позволяют сделать жизнь человека значительно комфортнее. Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, технологии беспроводного доступа в сеть Интернет, мобильная связь примерно с середины 2000-х годов постепенно становились частью повседневной жизни граждан России. Создана система по оказанию государственных и муниципальных услуг в электронной форме, что позволяет гражданам направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Вместе с внедрением информационных технологий в жизнь граждан и государства широкое и повсеместное развитие получают преступления, которые совершаются с использованием этих технологий. Чем больше становится открытой информации, тем выше риски посягательства на собственность, а также на безопасность личности, общества и государства в целом. Проблема противодействия преступлениям, совершаемым в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий продолжает оставаться одной из наиболее злободневных.

В настоящее время наблюдается активный процесс цифровизации практически всех сторон жизнедеятельности человека посредством внедрения технологий искусственного интеллекта, способных работать с большими объемами данных. Огромное количество персональной информации пользователи помещают в информационные системы: с помощью электронной почты пересылаются копии документов, удостоверяющих личность, на сервисы платежных систем направляются реквизиты банковских карт, в социальных сетях размещается информация о личной жизни. Кроме того, интеллектуальные системы поисковых сервисов на основе анализа запросов пользователя достаточно точно формируют его социальный портрет, включая род занятий, уровень доходов, социальные связи и пр.

Эффективное развитие информационно-телекоммуникационных технологий (ИТ), охватив все сферы деятельности человека и государства, безусловно, позволяет улучшить качество жизни, решить многие проблемы, стоящие перед обществом. Однако оно влечет за собой и негативные последствия. ИТ-технологии становятся орудием в руках преступников, позволяющим вовлекать в криминальную деятельность уязвимые категории граждан, расширять территориальные границы противоправной деятельности, причинять значительный имущественный ущерб, совершать «обыденные» преступления в «нетрадиционной» форме, (например, мошенничество с использованием средств сотовой связи и сети Интернет, сбыт наркотических средств бесконтактным способом, кибертерроризм и экстремизм в соцсетях, организация финансовых пирамид и картельных сговоров, управление с помощью интернет-ресурсов протестными акциями). На важность противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий 3 марта 2021 г. на расширенном заседании коллегии МВД России указал Президент Российской Федерации В. В. Путин, отметив, что «задача министерства – эффективно ответить на криминальный вызов, защитить граждан и добросовестный бизнес, который активно осваивает цифровое пространство».

Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, продолжает оставаться приоритетным направлением в деятельности органов внутренних дел. Подразделения транспортной полиции в соответствии со своей компетенцией также учувствуют в противодействии данному виду преступлений. В 2021 г. на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта увеличилось общее количество зарегистрированных преступлений в сфере ИТ и достигло 5492 преступлений, из которых было раскрыто 3492. Принятые органами внутренних дел на транспорте меры позволили достигнуть 65,4 % раскрываемости ИТ-преступлений.

Преступники усматривают в новых ИТ-технологиях возможность получения сверхприбыли при высокой латентности совершаемых с их помощью преступлений и относительной безопасности за счет технологий анонимизации, что приводит к существенному росту имущественных преступлений. Так, в 2021 г. увеличилось количество случаев мошенничества на 10,1 % – 391 преступление, а также краж (+39,4 % – 375 преступлений). Особенностью совершения данных преступлений является то, что их участники могут находиться в различных регионах. Хищения совершаются без непосредственного контакта потерпевшего с преступником.

Эффективность раскрытия имущественных ИТ-преступлений во многом зависит от организации работы с момента поступления заявления (сообщения) о совершении кражи (мошенничества), полной и всесторонней проверки и своевременного принятия

процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Необходимо обеспечить проведение комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, способствующих сбору исчерпывающих доказательств, избличающих лиц, причастных к совершению преступлений с использованием ИТ. Примером может служить расследование уголовного дела, возбужденного по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159.6 и ч. 2 ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), в процессе которого сотрудниками Управления на транспорте МВД России по УРФО в 2021 г. в совершении десяти тяжких преступлений была избличена организованная преступная группа, которая, используя компьютерные программы, оформляла проездные документы на железнодорожный и авиатранспорт, при этом несанкционированно списала денежные средства туристических организаций на сумму более 8 млн руб.

В настоящее время с использованием ИТ-технологий совершаются преступления, связанные не только с компьютерной информацией, но и с неправомерным оборотом средств платежей, незаконной банковской деятельностью. Так, следователи СУ УТ МВД России по ЦФО расследовали уголовное дело, возбужденное по факту осуществления банковской деятельности без специального разрешения (случай, когда такая лицензия обязательна), сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, то есть по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ. В ходе расследования установлено, что к совершению указанной незаконной банковской деятельности могут быть причастны работники группы компаний, оказывающих туристические услуги. В январе 2022 г. следователями совместно с оперативными сотрудниками и при силовой поддержке сотрудников Росгвардии проведены обыски в местах проживания возможных фигурантов уголовного дела, а также в офисных помещениях, где могла осуществляться противоправная деятельность. В результате изъяты документы и электронные носители информации, свидетельствующие об осуществлении незаконной банковской деятельности. По версии следствия, работники туристической компании, используя находящиеся в обороте наличные денежные средства, полученные от продажи туристических путевок, оказывали услуги представителям различных коммерческих организаций по обналичиванию находящихся на расчетных счетах их компаний безналичных денежных средств.

Представители коммерческих организаций, заинтересованные в данного рода незаконной услуге, по надуманным основаниям, например, покупки туристической путевки, железнодорожных или авиабилетов, осуществляли перевод безналичных денежных средств со счетов своей компании на счета подконтрольных преступной группе коммерческих организаций, фактически не осуществляющих реальной финансово-хозяйственной деятельности. Далее указанные денежные средства с расчетных счетов подконтрольных организаций перечислялись на счета группы компаний, представляющих туристические услуги по агентским договорам, как за вымышленные, так и за реально представленные туристические услуги физическим лицам. В соответствии с проведенной бухгалтерской судебной экспертизой незаконный доход участников преступной группы составил более 26 млн руб.

Возможности ИТ-технологий активно используются и для совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В настоящее время наиболее распространен бесконтактный сбыт наркотиков. Установление контакта потребителя со сбытчиком происходит посредством переписки через социальные сети. Затем производится оплата через различные платежные системы. После оплаты сбытчики сообщают места

закладок с наркотическим средством. Так, следственным отделением Линейного отдела МВД России на станции Орел было возбуждено уголовное дело в отношении ранее судимого 26-летнего местного жителя, обвиняемого в покушении на сбыт наркотических средств в особо крупном размере. В ходе расследования было установлено, что обвиняемый бесконтактным способом чрез сайт приобрел партию N-метилэфедрона и мефедрона с целью дальнейшего распространения. Получив координаты тайника, он отправился по адресу и забрал закладку с наркотическими средствами. По пути домой на железнодорожном вокзале он был задержан сотрудниками Линейного отдела МВД России на станции Орел. При личном досмотре в его рюкзаке было обнаружено два свертка с веществами белого цвета.

Преступления, совершаемые с использованием IT-технологий, нередко имеют дистанционный характер совершения. Высокая латентность этих преступлений существенно затрудняет их выявление и документирование. В настоящее время организация работы по проведению процессуальных проверок по сообщениям о преступлениях в сфере современных IT-технологий не отвечает предъявляемым требованиям, имеют место факты вынесения незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и направления сообщений о преступлениях по подследственности, что приводит к укрытию преступлений от учета. По большому количеству находящихся в производстве уголовных дел расследование приостанавливается в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого. Порой не принимаются необходимые меры к возмещению ущерба, причиненного преступлениями. Данные обстоятельства вызваны низким качеством работы органов внутренних дел, предварительного следствия, невыполнением требований законодательства, влекущими за собой несоблюдение срока уголовного судопроизводства.

Для успешного раскрытия рассматриваемых преступлений необходимы специальные познания в области информационных технологий, в связи с этим целесообразно, чтобы следователь, который занимается данными преступлениями, имел не только юридическое образование, но и владел соответствующими специальными познаниями, или ввести должность специалиста в области IT-технологий в штат следственных органов.

Безусловно, необходимо разрабатывать новые способы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, в том числе совершенствовать криминалистические тактику и методику их расследования, уделив особое внимание сбору, проверке и оценке доказательств по уголовным делам. Важным вопросом в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий, является международное сотрудничество, особенно в сфере уголовного процесса, поскольку преступники действуют в одном государстве, а их жертвы находятся в другом.

Как было отмечено, органы внутренних дел на транспорте в соответствии со своей компетенцией участвуют в противодействии преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий, однако данное противодействие бывает затруднительным и порой малоэффективным без тесного взаимодействия с территориальными органами внутренних дел и другими правоохранительными органами.

Динамика преступности с использованием IT-технологий свидетельствует о необходимости совершенствования системы противодействия указанным преступлениям со стороны как законодательных, так и правоохранительных органов, поскольку появление новых способов совершения таких преступлений требует не только оперативного реагирования правоохранительных органов, но и своевременного правового обеспе-

чения противодействия данному виду преступлений. Для пресечения роста указанных преступлений необходима комплексная работа, направленная на совершенствование уголовного, уголовно-процессуального законодательства, ведомственных нормативных актов, на организацию системы взаимодействия органов внутренних дел с банками, участниками рынка информационно-телекоммуникационных услуг.

Вопрос обеспечения безопасности информационной сферы, включающей в себя информационные технологии и информационную безопасность РФ, становится все более актуальным, а совершенствование направлений противодействия преступлениям в данной сфере и защита прав пользователей и субъектов персональных данных являются крайне необходимыми. Тенденции развития информационной сферы позволяют сделать вывод о том, что в будущем преступления в сфере IT-технологий будут только распространяться и усложняться, поэтому крайне важно уже на данном этапе решительно принимать необходимые меры противодействия таким преступлениям.

В системе МВД России по вопросам противодействия преступлениям в сфере IT-технологий создаются дополнительные силы и средства, повышается квалификация действующих сотрудников, однако необходимо обратить внимание на существующие проблемы. Актуальным вопросом является создание специализированных следственных отделов и подразделений, штат которых будет состоять из профессионалов, имеющих не только юридическое образование, но и знания технической и информационной направленности, поскольку невозможно расследование уголовных дел без специалистов, обладающих знаниями в сфере информационных технологий, вычислительной техники и связи. Необходимо пополнять методическую базу, обновлять методические рекомендации, которые будут эффективно использованы при раскрытии дистанционных преступлений в сфере IT-технологий, количественный рост которых имеет место в настоящее время. Существует потребность внедрения новых, более совершенных методик расследования преступлений в области IT-технологий.

Список источников

1. Гончар В. В. Отдельные вопросы совершенствования подготовки кадров, специализирующихся на расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // *Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения)* : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 73–78.
2. Дерюган Б. А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы // *Вестник Уральского юридического института МВД России.* 2019. № 2. С. 46–49.
3. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учеб. пособие : в 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. 208 с.
4. Панин Д. А., Милютин Д. В. О некоторых проблемах противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // *Научный портал МВД России.* 2020. № 4(52). С. 103–108.
5. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования : монография / под науч. ред. Е. В. Смахина, Р. Д. Шарапова, В. И. Морозова. Тюмень : Тюменский государственный университет, 2021. 376 с.

6. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Борисов С. В., Спасенников Б. А. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 13–21.

7. Урбан В. В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1. С. 55–63.

References

1. Gonchar, V. V. 2018, 'Selected issues of improving the training of personnel specializing in the investigation of crimes committed using information technology', in *Criminalistics in the context of the development of the information Society (59th annual Forensic Readings): collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 73–78, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.

2. Derjagan, B. A. 2019, 'Cybercrime in Russia: Current state and current problems', *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2, pp. 46–49.

3. *Activities of the internal affairs bodies to combat crimes committed with the use of information, communication and high technologies: textbook* 2019, in 2 vols, vol. 1, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.

4. Panin, D. A. & Miljutin, D. V. 2020, 'About some problems of countering crimes committed using information and communication technologies', *The Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(52), pp. 103–108.

5. Smahtin, E. V., Sharapov, R. D. & Morozov, V. I. 2021, *Crimes committed using information technologies: problems of qualification and features of investigation: monograph*, Tyumen State University, Tyumen.

6. Suhodolov, A. P., Ivancov, S. V., Borisov, S. V. & Spasennikov, B. A. 2017, 'Actual problems of prevention of crimes in the sphere of economy committed using information and telecommunication networks', *All-Russian Journal of Criminology*, vol. 11, iss. 1, pp. 13–21.

7. Urban, V. V. 2019, 'Crimes committed using information and telecommunication networks: general characteristics and criminal procedural measures to counteract them', *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1, pp. 55–63.

Информация об авторах

В. В. Фомин – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела;

Е. А. Лукьянова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров.

Information about the authors

V. V. Fomin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, leading researcher of the Research Department;

E. A. Luk'janova – adjunct of the Faculty of training of scientific and pedagogical personnel.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 04.07.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 19.10.2023.

The article was submitted 04.07.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 19.10.2023.

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Научная статья

УДК 351.712:343.82

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.579-591

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Олег Николаевич Соловкин¹, Артем Александрович Жильников²

^{1, 2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

¹ oleg.solovkin@mail.ru

² ark9876@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена организация закупок для государственных нужд как важнейший инструмент в структуре современной экономики на основании требований эффективного использования бюджетных средств. Для лучшего всестороннего понимания современной практики государственных закупок в работе использован опыт соответствующего вида деятельности за период с 2014 по 2021 год Академии ФСИН России – ведущей образовательной организации, подведомственной ФСИН России. Изучена поэтапная работа в данной сфере в Академии ФСИН России в части создания контрактной службы и единой комиссии по осуществлению закупок в соответствии с требованием законодательства о контрактной системе. В целях установления влияния качества работы по организации государственных закупок на эффективность использования бюджетных средств проанализирована закупочная деятельность образовательной организации. Важность получения и использования финансовой экономии для нужд Академии ФСИН России показана на примере закупок подрядных работ по капитальному ремонту объектов образовательной организации.

Ключевые слова: государственные закупки, эффективное использование бюджетных средств, экономика, исполнение контрактов, уголовно-исполнительная система, Академия ФСИН России

Для цитирования

Соловкин О. Н., Жильников А. А. Организация государственных закупок в соответствии с требованиями эффективного использования бюджетных средств // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 4. С. 579–591. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.579-591.

© Соловкин О. Н., Жильников А. А., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Original article

ORGANIZATION OF PUBLIC PROCUREMENT IN ACCORDANCE WITH THE REQUIREMENTS OF EFFECTIVE USE OF BUDGETARY FUNDS

Oleg Nikolaevich Solovkin¹, Artem Aleksandrovich Zhil'nikov²

^{1,2} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹ oleg.solovkin@mail.ru

² ark9876@mail.ru

Abstract. The article considers the organization of procurement for public needs as the most important tool in the structure of the modern economy based on the requirements of effective use of budgetary funds. For a better comprehensive understanding of the modern practice of public procurement, the work uses the experience of the relevant type of activity for the period from 2014 to 2021 of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia – the leading educational organization subordinate to the Federal Penitentiary Service of Russia. Step-by-step work in this area at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia has been studied in terms of creating a contract service and a unified procurement commission in accordance with the requirements of the legislation on the contract system. In order to establish the impact of the quality of work on the organization of public procurement on the efficiency of the use of budgetary funds, the procurement activities of an educational organization are analyzed. The importance of obtaining and using financial savings for the needs of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia is shown by the example of procurement of contract works for the overhaul of educational organization facilities.

Keywords: public procurement, effective use of budget funds, economics, contract execution, penal enforcement system, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

For citation

Solovkin, O. N. & Zhil'nikov, A. A. 2023, 'Organization of public procurement in accordance with the requirements of effective use of budgetary funds', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 579–591, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.579-591.

Одной из значимых составляющих современной экономико-правовой системы России являются государственные закупки, которые в настоящее время представляют собой важный и действенный инструмент для удовлетворения потребностей государства, регулирования отраслевой и региональной структур экономики и социальной сферы [1, 2]. В современной юридической и экономической литературе не утихают споры о пользе и вреде реализации государственных и муниципальных закупок в соответствии с законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для

обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – закупки). Основным регламентирующим документом в данной сфере деятельности является Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ).

В работе предлагается рассматривать государственные закупки как одну из важнейших функций государственного управления. Поскольку управленческие решения вырабатываются для достижения конкретных результатов, то применительно к государственным закупкам обеспечение заказчиков необходимыми ресурсами, конечными итогами выполненных работ или оказанных услуг в условиях рыночной экономики является основной целью. Ее достижение осуществляется исходя из необходимости соблюдения ряда требований, таких как:

- эффективное использование бюджетных средств при государственных закупках;
- соблюдение требований экономической безопасности государства в целом и государственного заказчика в частности при реализации закупочной деятельности;
- недопущение коррупционных преступлений и действий коррупционной направленности при закупках для государственных нужд, в том числе путем ограничения конкуренции и др.

В статье предложено рассмотреть организацию закупок для государственных нужд исходя из требований эффективного использования бюджетных средств. Для лучшего понимания сильных и слабых сторон современной практики государственных закупок использован опыт соответствующего вида деятельности федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – академия) за период с 2014 по 2021 год.

Прежде чем приступить к аналитической части работы, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. В соответствии с требованиями ст. 6 Федерального закона № 44-ФЗ контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, стимулирования инноваций, единства контрактной системы в сфере закупок, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок. Указанный перечень является объемным, однако он не содержит принципа эффективности использования бюджетных средств. В данном случае возникновение противоречия не просматривается, учитывая то обстоятельство, что государственные закупки не могут быть реализованы без расходования бюджетных средств, поскольку их реализация регулируется бюджетным законодательством Российской Федерации. Вместе с тем в соответствии со ст. 28 Бюджетного кодекса Российской Федерации бюджетная система основана на принципе эффективности использования бюджетных средств. При этом на практике данный принцип превалирует над принципами, прописанными в Федеральном законе № 44-ФЗ.

Академия представляет собой ведущую и самую крупную образовательную организацию, подведомственную ФСИН России, и функционирует в правовом статусе федерального казенного учреждения [3]. Закупочная деятельность академии осуществляется на основании Федерального закона № 44-ФЗ и является одним из способов реализации управленческих функций в сфере материального обеспечения организации. В организа-

ционной структуре управления академии существуют два структурных подразделения сферы материального обеспечения:

- отдел тылового обеспечения (далее – ОТО);
- отдел капитального строительства (далее – ОКС).

С учетом того факта, что успешное решение задач отделами невозможно без грамотной организации закупочной деятельности, для осуществления государственных закупок в академии было создано соответствующее структурное подразделение, которое до июня 2021 г. называлось отделением по размещению заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд. Его штат состоял из старшего инспектора, юрисконсульта, делопроизводителя и руководителя, подчиняющегося заместителю начальника академии по тылу. С июня 2021 г. данное подразделение входит в состав ОТО, подчиняясь его начальнику, и становится отделением государственного оборонного заказа и государственных закупок.

В соответствии с требованием законодательства о контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд с 2014 г. в академии осуществлялась поэтапная работа в части создания контрактной службы и единой комиссии по осуществлению закупок. В соответствии с Положением о контрактной службе Академии ФСИН России (утверждено приказом академии от 1 марта 2019 г. № 171) контрактная служба создана из числа сотрудников постоянного состава, выполняющих функции контрактной службы без образования отдельного структурного подразделения для осуществления государственным заказчиком (академией) закупочной деятельности в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ. В контрактную службу были включены наиболее подготовленные сотрудники, которые в своей работе максимально открыто и рационально осуществляли планирование закупок, выбор поставщика (подрядчика, исполнителя), заключение контрактов на поставку товаров (выполнение работ, оказание услуг), обеспечивая их исполнение. Руководителем контрактной службы являлся заместитель начальника академии по тылу.

Контрактная служба подразделялась на следующие группы:

- инициаторы закупок;
- обеспечение сопровождения закупок;
- финансовое сопровождение закупок;
- правовое сопровождение закупок.

Так как профессиональная пригодность является обязательным требованием для сотрудников контрактной службы, каждый из них проходил обучение на базе академии по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации «Управление государственными закупками в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Основной и самой многочисленной группой контрактной службы являлись инициаторы закупок, в которую входили должностные лица академии, непосредственно отвечающие за материальное обеспечение по направлениям деятельности. В нее включались сотрудники всех структурных подразделений, в том числе тыловых (ОТО, ОКС), учебных (представители факультетов и учебного отдела), научных (в первую очередь редакционно-издательского отдела), инженерно-технического отдела, секретариата, дежурной службы и др. Их основная функция сводилась к документальному инициированию и сопровождению государственных закупок (подготовка рапортов, проектов закупочной документации и т. п.), обоснованию начальной (максимальной) цены контрак-

та, своевременной организации претензионной работы с нарушителями обязательств. Впоследствии сотрудники контрактной службы группы инициаторов закупок формировали предложения в план-график закупок в государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет»¹.

Группа финансового сопровождения закупок представлена сотрудниками финансово-экономического отдела, которые принимали участие в согласовании плана-графика закупок и подготовке документации (извещений) об осуществлении закупок, а также проектов контрактов (в части своей компетенции). Вместе с тем ими направлялась информация о принимаемых бюджетных обязательствах по извещениям об осуществлении закупок в УФК по Рязанской области. Кроме того, на указанную группу возлагалась организация оплаты поставленного товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги и отдельных этапов исполнения контракта.

Группа правового сопровождения закупок участвовала в проведении претензионной работы, в том числе правовой экспертизы требований об уплате неустоек (штрафов, пеней). Юристы группы принимали участие в согласовании документации (извещений) о закупках (в части проектов контрактов), изменений к контрактам и соглашений об их расторжении.

Группа обеспечения сопровождения закупок состояла из сотрудников отделения по размещению заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд академии. В их обязанности входила разработка (внесение изменений) плана-графика закупок, выбор (с учетом предложений инициаторов) способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя), а также работа в единой информационной системе в сфере государственных закупок, в том числе по формированию извещений об осуществлении закупок, размещению документации, проектов контрактов. При этом рабочий процесс данной группы включал в себя функции по обеспечению заключения контрактов, хранению документов и контролю по организации закупочной деятельности. Кроме того, ее сотрудники готовили протоколы заседаний на основании решений, принятых членами единой комиссии по осуществлению закупок академии (далее – единая комиссия).

Единая комиссия формировалась приказом академии и являлась коллегиальным органом, действующим на постоянной основе в соответствии с Положением о единой комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг Академии ФСИН России (утверждено приказом академии от 16 мая 2019 г. № 374). В ее состав входило не менее пяти человек, которые преимущественно прошли обучение на базе академии по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации «Управление государственными закупками в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Единая комиссия проверяла участников закупок на соответствие предъявляемым к ним требованиям, принимала решения об отклонении (допуске) заявок участников конкурентных закупок. В обязанности комиссии входило принятие решений об одностороннем отказе от исполнения контрактов. Заседания единой комиссии проводились председателем (в его отсутствие заместителем председателя) и оформлялись протоколами с фиксированием результатов голосования всех ее членов по каждому рассматриваемому участнику закупок (вопросу).

¹ См.: О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет»: постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 658 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 28. Ст. 4228.

Законодательство о контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд регламентирует в том числе вопросы исполнения контрактов. При этом академия неоднократно сталкивалась с нарушениями контрактных обязательств со стороны контрагентов. Так, между академией и коммерческой организацией по результатам конкурентного способа выбора поставщика был заключен контракт на оказание услуг подписки на периодические издания. Если после предусмотренного авансирования контрагент свои обязательства не выполнил, то была организована работа по взысканию финансовых средств с исполнителя через суд.

Между академией и коммерческой организацией в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ был заключен контракт на поставку шести наименований технологического оборудования продовольственной службы (данные изменены). Поставка и приемка была осуществлена в конце текущего финансового года. Однако при выполнении данного контракта было поставлено только четыре наименования, стоимость которых составляла 70 % от общей суммы, после чего контрагент обратился с просьбой внести сразу все денежные средства, обещая допоставить остальное оборудование в начале следующего финансового года. Результатом доверия поставщику стала оплата по контракту, произведенная за фактически отсутствующее оборудование в нарушение его условий. В следующем финансовом году контрагент свои обещания не выполнил и допоставку в полном объеме не осуществил. В итоге работа по взысканию финансовых средств с поставщика продолжается в судебном порядке по настоящее время.

Коммерческая организация по результатам конкурентной закупки должна была поставить для питания курсантов академии сок вишневый натуральный. После его поставки в приемке было отказано из-за несоответствия продукта требованиям контракта, который по соглашению сторон был изменен с последующей поставкой сока иного ассортиментного наименования повышенного качества по сравнению с заявленным. При этом контролирующими органами признано, что изменение условий контракта было сделано с нарушением действующего законодательства.

Случаи ненадлежащего исполнения своих обязательств контрагентами, которые не ограничиваются только перечисленными примерами, побудили руководство и должностных лиц контрактной службы академии разработать ряд мероприятий по управлению исполнением контрактов, в том числе:

- по регламентации вопросов общей организации и планирования исполнения контрактов;
- регламентации приемки результатов исполнения контрактов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг;
- составлению рекомендаций в части организации претензионной и исковой работы в случае нарушения контрагентами контрактных обязательств;
- осуществлению разностороннего контроля исполнения контрактных обязательств контрагентами, а также за действиями ответственных должностных лиц академии при возникновении спорных ситуаций и др.

Общие вопросы организации и планирования исполнения контрактов регламентированы в Положении о контрактной службе Академии ФСИН России. В этом документе определены меры контроля со стороны должностных лиц академии, в первую очередь входящих в группу инициаторов закупок, за исполнением контрактов участниками договорных отношений. Предусмотрено, что при установлении фактов ненадлежащего

исполнения контрагентами контрактных обязательств инициаторы обязаны организовать претензионную работу с привлечением сотрудников юридической службы образовательной организации. Организация претензионной и исковой работы в академии при возникновении хозяйственных споров осуществляется с соблюдением требований приказа ФСИН России от 18 августа 2005 г. № 718 «О правовом обеспечении деятельности ФСИН России».

В 2015 г. приказом академии было утверждено Положение о порядке приемки поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг (далее – приемка), результатов отдельного этапа исполнения контракта, а также порядок проведения экспертизы при осуществлении закупок для обеспечения государственных нужд, заказчиком по которым выступает академия. В данном документе впервые была предпринята попытка регламентации сложного этапа закупочной процедуры – приемки в соответствии с требованиями контрактов. В нем предусматривалось, что в образовательной организации создается приемочная комиссия, которая утверждается приказом академии и является коллегиальным органом, включающим в себя не менее пяти человек. Данную группу лиц возглавлял председатель, отвечавший за организацию их работы, а в его отсутствие функции руководителя, применительно к конкретной приемке, исполнял один из заместителей. По итогам проведенных работ приемочная комиссия принимала решение о принятии (или непринятии) поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг. При выявлении их несоответствия (недостатков) выносилось заключение о непримемке до момента надлежащего устранения в сроки, согласованные с заказчиком, или неполной приемке – лишь о в той части, которая соответствует требованиям контракта и может быть принята отдельно. Кроме того, были регламентированы организационные вопросы приемки конкретных предметов и упорядочена процедура экспертизы результатов исполнения контрактов, а также утверждены формы акта приемки товаров (выполненных работ, оказанных услуг) и заключения экспертизы. В результате документ сыграл существенную роль в повышении качества приемки как одной из составляющих управления исполнением контрактов в академии.

Отдельно следует остановиться на таком механизме контроля, в том числе исполнения контрактов, как внутренняя проверочная комиссия. Изначально Положением о внутренней проверочной комиссии Академии ФСИН России (утверждено приказом академии от 6 марта 2013 г. № 124) устанавливался порядок проведения внутренних проверок финансово-хозяйственной деятельности образовательной организации, которые выполняли следующие задачи:

- проверка законности и целесообразности совершения финансово-хозяйственных операций;
- выявление и предупреждение недостач, растрат, хищений и незаконного расходования денежных средств и материальных ценностей.

Во главе внутренней проверочной комиссии заместитель начальника академии по тылу, а ее персональный состав утверждался приказом академии. После или во время приемки результатов исполнения контрактов внутренняя проверочная комиссия посещала объекты, где находились поступившие товарно-материальные ценности, а также оценивала результаты выполнения конкретных работ, оказания услуг в соответствии с контрактами. Кроме того, производились инвентаризационные и иные мероприятия для определения в том числе правильности приемки (отказа в приемке) поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги. О результатах проведенной работы

незамедлительно докладывалось начальнику академии, а при необходимости информировались сотрудники ОСБ УФСИН России по Рязанской области, курирующие работу образовательной организации.

Кроме контроля заказчиком, закупочная деятельность академии подвергалась проверочным мероприятиям со стороны уполномоченных контролирующих органов (подразделений), в том числе ГКРИ УД ФСИН России, ФАС России, УФК по Рязанской области, Прокуратуры Рязанской области. По результатам мероприятий начальником академии назначались служебные проверки для выяснения причин выявленных нарушений, по итогам которых в обязательном порядке разрабатывались рекомендации профилактической направленности. Для недопущения нарушений в дальнейшем вносились изменения (дополнения) в локальные нормативные акты образовательной организации, регламентирующие закупки для государственных нужд. При нецелесообразности корректировок локальной нормативной базы начальником академии утверждались приказы или распоряжения о совершенствовании отдельных направлений.

Таким образом, на основании требований регламентирующих документов работа в сфере государственных закупок в академии организована на должном уровне. Указанный факт косвенно подтверждает то обстоятельство, что в академии за период с 2017 по 2021 год уполномоченными контролируемыми органами проведено более десяти проверок соответствующего вида деятельности, в результате которых выявленные нарушения были незначительными и имели единичный характер. По итогам проверочных мероприятий общая сумма штрафов, наложенных на должностных лиц, не превышала 30 тыс. руб.

В целях установления влияния качества работы по организации государственных закупок на эффективность использования бюджетных средств проанализируем данный вид деятельности академии за период с 2017 по 2020 год. Аналитические данные являются итогами работы образовательного учреждения по соответствующим направлениям деятельности за анализируемый период.

На рисунке 1 представлены данные по объему финансирования государственных закупок. Структуру закупочных процедур предлагается рассмотреть по итогам работы за 2017–2018 гг. (рис. 2). Так, в 2018 г. было заключено государственных контрактов

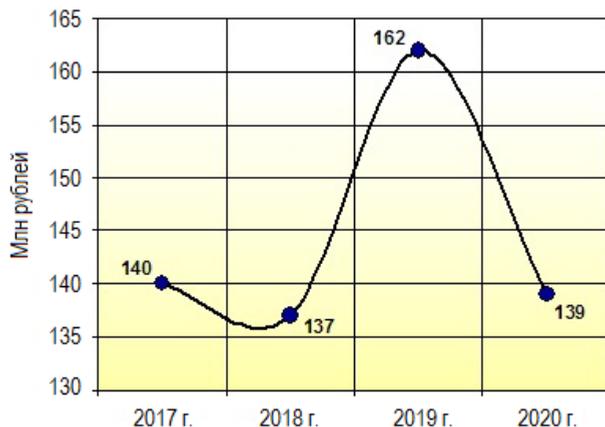

Рис. 1. Данные по объему финансирования государственных закупок в академии в период с 2017 по 2020 год

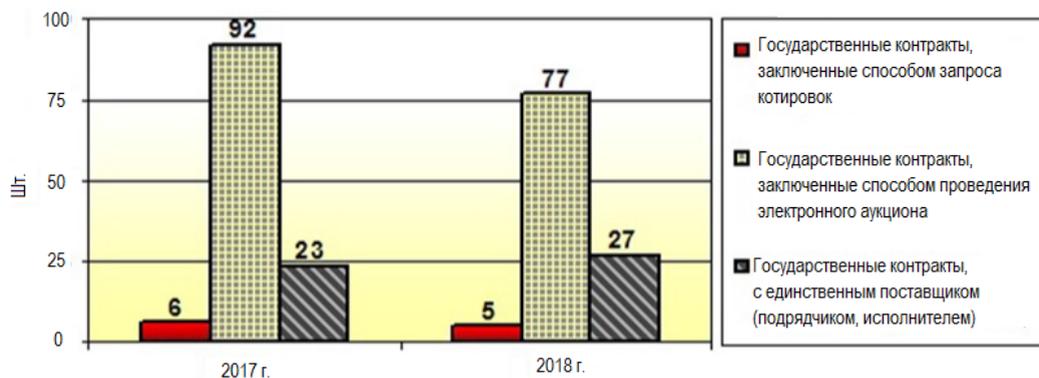

Рис. 2. Данные закупочных процедур по итогам работы в академии за 2017–2018 гг.

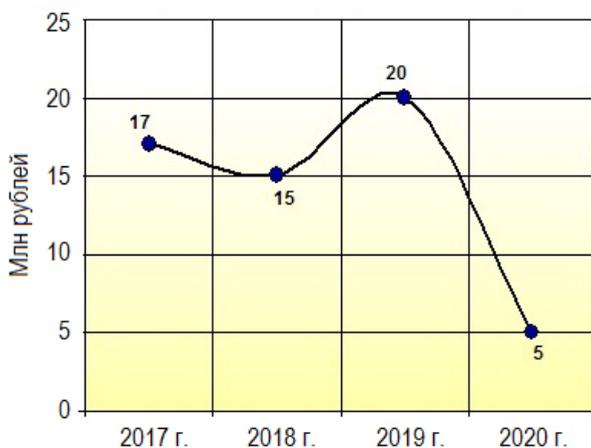

Рис. 3. Данные экономии от проведения государственных закупок в академии в период с 2017 по 2020 год

Рис. 4. Затраты на работы по капитальному ремонту в академии в период с 2017 по 2020 год

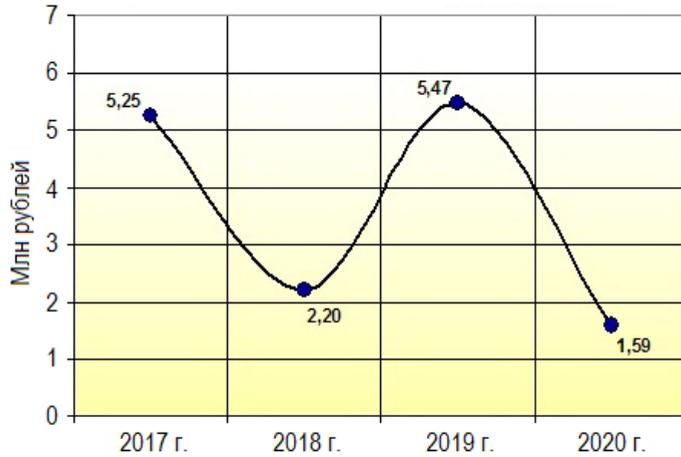

Рис. 5. Данные по разнице между фактической суммарной сметной стоимостью заключенных контрактов и первоначальной сметной стоимостью работ в академии в период с 2017 по 2020 год

Рис. 6. Информация по затратам на работы по капитальному ремонту в академии в период с 2012 по 2014 год

способом запроса котировок – 5 (АППГ – 6), способом проведения электронного аукциона – 77 (АППГ – 92). В 2018 г. заключено 27 (АППГ – 23) государственных контрактов с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) на сумму более 41 млн руб. (АППГ – более 46 млн руб.; субъекты естественных монополий, учреждения УИС) и осуществлены закупки малого объема на сумму более 23 млн руб. (АППГ – более 17 млн руб.).

Проведенный экономический анализ структуры закупочной деятельности академии однозначно показывает, что конкурентные способы выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) оказались приоритетными. При этом наиболее распространенным из них стал электронный аукцион. Закупки малого объема (в соответствии с пп. 4, 5 ч. 1 ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ) не превышали 16 %, причем разрешение на них выдавалось начальником академии в исключительных случаях после детального обо-

снования со стороны руководителя контрактной службы. Основное назначение применения закупок малого объема – освоение дополнительного финансирования или эконо­ мии в четвертом квартале финансового года.

На рисунке 3 представлены данные экономии от проведения государственных закупок. Об эффективном использовании бюджетных средств за анализируемый период свидетельствует наличие экономии в сумме 57 млн руб., которая направлялась на решение основной проблемы в сфере материально-технического обеспечения академии, заключающейся в недофинансировании на приобретение вещевого имущества, мебели, пожарно-технического оборудования, реализации мероприятий по содержанию имущества и др. При распределении полученной экономии обязательно учитывались коды бюджетной классификации по статьям расходов.

Важность получения и использования финансовой экономии для нужд академии показана на примере закупок подрядных работ по капитальному ремонту объектов образовательной организации. На рисунке 4 отражены затраты на капитальный ремонт за период с 2017 по 2020 год. На рисунке 5 приведены данные по разнице между фактической суммарной сметной стоимостью заключенных контрактов и первоначальной сметной стоимостью работ. Показанное снижение стало возможным из-за преимущественного применения конкурентных способов выбора подрядчика.

Наличие финансовой экономии от применения конкурентных способов выбора подрядчика при выполнении ремонтных работ в течение анализируемого периода в сумме более 14,5 млн руб. позволило выполнить капитальный ремонт целого ряда объектов в дополнение к первоначально утвержденной программе (плану) капитального и текущего ремонта объектов академии. В итоге были заменены в том числе более ста деревянных оконных блоков, отремонтированы санитарные узлы в зданиях главного учебного корпуса и института академии, входная группа и лестничный марш главного учебного корпуса, пять аудиторий психологического факультета, кровля и часть фасада клуба, зал профессоров и др. Проведенная в академии в январе 2020 г. проверка ревизионным подразделением УФК России по Рязанской области по соблюдению бюджетного законодательства при выполнении капитального ремонта (КР) объектов за период с 2017 по 2020 год не выявила серьезных финансовых нарушений, в том числе при приемке результатов исполнения контрактов.

При рассмотрении важности приведения объектов академии в нормативное состояние необходимо отметить, что по состоянию на 2011 г. их износ превышал более 60 %, причем капитальный ремонт на некоторых объектах не проводился длительное время. Физический и моральный износ зданий и помещений затруднял реализацию учебного процесса, проведение научных и воспитательных мероприятий на современном уровне. В соответствии с Концепцией развития академии на 2012–2015 годы, утвержденной приказом ФСИН России от 17 апреля 2012 г. № 214 (далее – Концепция), руководством ФСИН России выделялись существенные финансовые средства, в том числе на модернизацию материальной базы образовательной организации.

На рисунке 6 приведена информация по затратам на капитальный ремонт за период с 2012 по 2014 год. Были капитально отремонтированы объекты, требующие оперативной модернизации, включая помещения административного здания, спортивного корпуса № 1, экономического факультета, музея и общежития, а также лестничные марши и кровля главного учебного корпуса и др. При проведении ремонтных работ подрядчиками выступали ФГУП ФСИН России строительного профиля (ФГУП СМУ-13 ФСИН России,

ФГУП СМУ ЦФО ФСИН России и др.). Предприятия реализовывали весь спектр работ, начиная с составления проектно-сметной документации, заканчивая вводом в эксплуатацию отремонтированных объектов, причем осуществлялось заключение контрактов с единственными поставщиками (подрядчиками, исполнителями), подведомственными ФСИН России (с 2014 г. в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ).

Приоритет закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) перед конкурентными способами выбора контрагента объясняется следующим. На момент реализации Концепции в академии отсутствовали специалисты, имеющие профессиональный опыт в составлении обоснования начальной (максимальной) цены контракта проектно-сметным методом и разработке технического задания в аукционной документации при размещении заказов на выполнение работ по капитальному ремонту в соответствии с требованиями действующего законодательства в сфере государственных закупок.

Следует отметить, что в 2012–2013 гг. действовал Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд», который не регулировал вопросы исполнения контрактов при государственных закупках, и отсутствовала эффективная практика защиты заказчика от недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), а также уровень профессиональной компетентности сотрудников ОКС не позволял обеспечить требуемый технический надзор за большим объемом ремонтно-строительных работ. Таким образом, риски ненадлежащего выполнения контрагентами своих обязательств и финансовых потерь при исполнении контрактов были высоки.

В ходе подведения итогов реализации Концепции было отмечено, что в сфере капитального ремонта объектов академии из-за недостаточного финансирования не отремонтирован ряд зданий и помещений, а именно: не выполнен ремонт фасада и ряда этажей главного учебного корпуса, помещений психологического факультета и др. Учитывая среднюю финансовую экономию затрат на выполнение работ по капитальному ремонту объектов академии (30 %), в последующий период – с 2017 по 2020 год наличие благоприятных внешних условий, надлежащая компетентность сотрудников ОКС, а также выбор подрядчиков с применением конкурентных способов позволили бы повысить степень исполнения Концепции применительно к КР объектов образовательной организации. В этом случае использование бюджетных средств на реализацию Концепции было бы более эффективным.

Таким образом, в статье рассмотрена организация закупок для государственных нужд как важнейшего инструмента в структуре современной экономики с учетом требований эффективного использования бюджетных средств. Для лучшего всестороннего понимания современной практики государственных закупок в работе использован опыт соответствующего вида деятельности за период с 2014 по 2021 год Академии ФСИН России – ведущей образовательной организацией, подведомственной ФСИН России. Изучена поэтапная работа данной сферы Академии ФСИН России в части создания контрактной службы и единой комиссии по осуществлению закупок в соответствии с требованием законодательства о контрактной системе. В целях установления влияния качества работы по организации государственных закупок на эффективность использования бюджетных средств проанализирована рассмотренная закупочная деятельность образовательной организации. Важность получения и использования финансовой эко-

номии для нужд Академии ФСИН России показана на примере закупок подрядных работ по капитальному ремонту объектов образовательной организации.

Список источников

1. Попова О. А. Государственные закупки как эффективный инструмент регулирования развития экономики региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 6. С. 61–63.
2. Королева М. А., Кондюкова Е. С., Дайнеко Л. В., Власова М. Ф. Контрактная система в сфере закупок : учеб. пособие / под ред. В. А. Ларионовой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2020. 164 с.
3. Пискунов А. И. Особенности правового регулирования хозяйственной деятельности предприятий и учреждений УИС // Вестник Пермского института ФСИН России. 2017. № 1(24). С. 46–52.

References

1. Popova, O. A. 2014, 'Public procurement as an effective tool for regulating the development of the economy of the region', *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*, iss. 6, pp. 61–63.
2. Koroleva, M. A., Kondjukova, E. S., Dajneko, L. V. & Vlasova, M. F. 2020, *Contract system in the field of procurement: textbook*, V. A. Larionova (ed.), Ural University. Ekaterinburg.
3. Piskunov, A. I. 2017, 'Features of legal regulation of economic activity of enterprises and institutions of the UIS', *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, iss. 1(24), pp. 46–52.

Информация об авторах

О. Н. Соловкин – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы;

А. А. Жильников – кандидат технических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа, финансов, налогообложения.

Information about the authors

O. N. Solovkin – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Logistics of the Penal System;

A. A. Zhil'nikov – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis, Finance, Taxation.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 13.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 13.08.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 02.11.2023.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Научная статья

УДК 343.8:159.9

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.592-609

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННОГО КАК ОДИН ИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ЕГО ИСПРАВЛЕНИЯ

Дарья Николаевна Кротова¹, Надежда Александровна Цветкова²

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия

¹ dnkrotova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6197-6363>

² tsvetkovana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>

Аннотация. В статье рассмотрена возможность использования показателей самоактуализации в качестве маркеров становления осужденного на путь исправления. Она содержит результаты эмпирического исследования особенностей самоактуализации мужчин 25–29 лет, распределенных по трем группам: ранее судимые, вновь оказавшиеся в следственном изоляторе в статусе подозреваемых и обвиняемых; впервые привлеченные к уголовной ответственности, заключенные под стражу в следственный изолятор; мужчины с проблемой поиска нового места работы. Установлено, что показатели самоактуализации достоверно выше в группе мужчин, впервые оказавшихся в следственном изоляторе, причем они специфичны для каждой из трех групп. Сделан вывод о том, что показатели самоактуализации могут выступать маркерами исправления осужденного (свидетельствовать либо о его становлении на путь исправления, либо об углублении криминализации). Показаны направления дальнейших исследований проблемы самоактуализации подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

Ключевые слова: проблема исправления преступников, самоактуализация, сравнительный анализ, критерии исправления

Для цитирования

Кротова Д. Н., Цветкова Н. А. Самоактуализация осужденного как один из психологических критериев его исправления // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 4. С. 592–609. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.592-609.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Original article

THE CONVICT'S SELF-ACTUALIZATION AS ONE OF THE PSYCHOLOGICAL CRITERIA FOR HIS CORRECTION

Dar'ja Nikolaevna Krotova¹, Nadezhda Aleksandrovna Cvetkova²

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia

¹ dnkrotova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6197-6363>

² tsvetkovana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0967-205X>

Abstract. The article considers the possibility of using self-actualization indicators as markers of the convict's formation on the path of correction. It contains the results of an empirical study of the features of self-actualization of men aged 25-29, divided into three groups: previously convicted persons who were again in a pre-trial detention center in the status of suspects and accused; first brought to criminal responsibility, detained in a pre-trial detention center; men with the problem of finding a new job. It was found that the indicators of self-actualization were significantly higher in the group of men who found themselves in a pre-trial detention center for the first time, and they are specific for each of the three groups. It is concluded that the indicators of self-actualization can act as markers of correction of the convicted person (to indicate either his becoming on the path of correction, or the deepening of criminalization). The directions of further research on the problem of self-actualization of suspects, accused, convicted are shown.

Keywords: the problem of correcting criminals, self-actualization, comparative analysis, correction criteria

For citation

Krotova, D. N. & Cvetkova, N. A. 2023, 'The convict's self-actualization as one of the psychological criteria for his correction', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 592–609, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.592-609.

Введение

О потребности выделить надежные психологические критерии исправления осужденных заговорили относительно давно. Однако всякий раз в ходе очередной научной инициативы довести начатое дело до конца обнаруживалось, что это отнюдь не просто сделать, а то и вовсе невозможно. В силу этого в настоящее время идея установления показателей, достигнув которые осужденные могут считаться исправившимися и безопасными для общества, по-прежнему остается нереализованной, но все еще представляется перспективной.

Напомним, что согласно уголовно-исполнительному законодательству Российской Федерации психологическое воздействие не относится к средствам исправления осу-

жденных, поэтому разработать именно психологические критерии исправления преступников затруднительно. Однако законодательство постоянно совершенствуется, и в лице уголовно-исполнительной системы (УИС) ищет новые подходы к оценке степени исправления лиц, совершивших преступления. Одним из таких подходов может стать разработка перспективных психологических критериев их исправления, которые могут быть внедрены в практическую деятельность исправительных учреждений после внесения изменений в законодательную и нормативно-правовую базу.

Рассматриваемая нами проблема не менее актуальна и для зарубежной криминальной и пенитенциарной психологии. Она также является предметом постоянного внимания зарубежных практиков [1]. В современной России ее актуализацию стимулирует Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, в которой усилен акцент на исправлении осужденных и их ресоциализации. До этого в 2009 г. Межрегиональной психологической лабораторией УФСИН России по Самарской области была выполнена научно-исследовательская работа, снабженная методическими рекомендациями для психологов [2]. Осуществляя ее, разработчики обнаружили «подводные камни», свидетельствующие о зависимости психологических показателей исправления, достигаемых осужденными, от многочисленных факторов – медицинских, педагогических, социально-психологических, организационных, в совокупности обуславливающих степень исправления или криминализации осужденных. Психологи оказались перед угрозой надления максимальной ответственностью за конечный результат исполнения наказания в отношении каждого из осужденных. Чтобы этого не произошло (и психологи УИС не оказались в роли «козла отпущения»), требуется серьезная аналитическая и проектная работа ученых. В связи с этим в 2023 г. на базе НИИ ФСИН России при участии ученых Академии ФСИН России под руководством начальника НИЦ-2 НИИ ФСИН России кандидата психологических наук полковника А. Н. Баламута начата разработка проекта перспективных психологических критериев исправления осужденных с методическими рекомендациями по их использованию. Головной исполнитель научно-исследовательской работы – отдел разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными НИЦ-2 НИИ ФСИН России; консультанты и представители заказчика – управление воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России (А. М. Лафуткин).

В 2011 г. Н. Е. Колесникова предположила, что «ресоциализация осужденных-мужчин в условиях исправительного учреждения будет более эффективной, если ее целью станет развитие у заключенных социально-психологической состоятельности (минимума личности), определяемой по совокупности таких личностных характеристик, как стиль саморегуляции поведения, антиципационная состоятельность, социальные установки, самооценка, психологический статус» [3]. Ее опыт был поддержан, но не нашел широкого распространения.

С нашей точки зрения, одним из психологических критериев исправления осужденных может стать их самоактуализация – интегративная личностная характеристика (далее – САТ). Исследования возможности и целесообразности использования ее показателей ведутся нами с 2017 г. [4–8]. Самоактуализация как проблема личности, вступившей в конфликт с законом (делинквентной; находящейся в статусе подозреваемого, обвиняемого, а также осужденного, отбывшего наказание за совершенное преступление, или рецидивиста), в юридической психологии разработана слабо. Ей посвящены единич-

ные публикации. Психологи УИС, хотя и знакомы с экзистенциально-гуманистическими концепциями, на практике используют методы этого подхода эпизодически. Остается надеяться, что набирающий силу процесс становления в России службы пробации ускорит разработку программ и методов психологической деятельности с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, основанных на теории самоактуализации. Психологам УИС (служб пробации особенно) необходимо владеть ими для мотивации подозреваемых, обвиняемых и осужденных на сущностную самоактуализацию и таким образом осуществлять превенцию криминальной самоактуализации [9].

Исследования клинических аспектов пенитенциарного стресса показывают, что привлечение человека к ответственности за совершенное им преступление, следственные действия и судебное разбирательство, а также первый опыт заключения под стражу в следственный изолятор (СИЗО) являются объективными признаками кризиса его индивидуального социального развития, который сопряжен с мощнейшими негативными субъективными переживаниями. Оказавшись в таком положении, человек начинает демонстрировать широкий диапазон неадаптивных и адаптивных поведенческих реакций: от полной дезорганизации и саморазрушения до максимальной самомобилизации для возрождения (или перерождения). Лишение свободы является максимально стрессогенным фактором для большинства впервые подозреваемых и обвиняемых (их психологические защиты «рассыпаются», благодаря чему открывается возможность выбора нового вектора личностного развития и перестройки поведения, приведшего к конфликту с законом) [10].

Известно, что каждый кризис в жизни человека содержит шанс измениться и изменить свое положение к лучшему. В случае выбора правонарушителем стратегии самоактуализации от него потребуется мобилизация собственных ресурсов и развитие способности к самоподдержке. Однако маловероятно, что он сможет запустить процесс самоактуализации самостоятельно, без помощи специально обученного сотрудника УИС (психолога). Но если этого не происходит, то проблема самоактуализации делинквентной личности превращается в проблему ее криминальной самоактуализации. Криминальная самоактуализация также мало исследована и в отечественной, и в зарубежной криминологии. В то же время известно, что лица с признаками такого типа САТ трудно ресоциализируются, а то и вовсе не ставят такой задачи.

О значимости САТ для взрослого человека пишут представители различных научных областей. Резюме их исследований является выдержка из публикации К. В. Ковалевой: «В связи с активным развитием личностно-ориентированного подхода в психиатрии и отсутствием большого количества исследований самоактуализации в структуре личности людей, не имеющих психических расстройств, представляет интерес разработка данного направления, а также возможность дальнейшего практического применения полученных данных в психокоррекционных и реабилитационных целях» [11]. Такие данные нужны и сотрудникам УИС, понимающим ключевую роль САТ в процессе ресоциализации лиц, совершивших преступление.

Само понятие «самоактуализация» введено в научный оборот в 1939 г. неврологом и психиатром К. Гольдштейном для определения «способности перестройки организма под воздействием травмы» [12]. Он утверждал, что САТ «является основным и единственным мотивом организма, служащим предпосылкой для самореализации всего организма, основой развития, самосовершенствования, творческой тенденции личности» [12, с. 13], которая не избавляет человека от всех его проблем, но яв-

ляется настолько сильной потребностью, что человек может на какое-то время даже забывать о еде.

Затем проблемой самоактуализации увлеклись психологи экзистенциально-гуманистического направления. Как пишет Ш. Бюллер, «понятие самореализации берет начало у Ф. Ницше и К. Г. Юнга, выступает в различных вариантах у К. Хорни, Э. Фромма, К. Гольдштейна, Ф. Фромм-Райхмана, А. Маслоу и других авторов, пытающихся создать всеохватывающие теории конечных жизненных целей» [13, с. 561]. Благодаря их трудам стало ясно, что самоактуализация может быть: глубокая (сущностная) и поверхностная; активная и пассивная; гармоничная и проблемная; энергичная и осторожная. Сущностная самоактуализация возможна при условии, что человек пришел к выводу о необходимости изменить собственную личность. Для этого он включается в процесс самопознания и целеполагания, определяет свои подлинные потребности, планомерно и целенаправленно ищет способы их удовлетворения.

Убеденный сторонник энергичной самоактуализации А. Маслоу полагал, что человек должен непрестанно открывать в себе новые способности, осваивать новые способы и методы практического приложения своих сил, двигаться только вперед, чтобы стать тем, кем он может быть, и выполнить свою миссию. Для этого ему необходимо следовать определенным принципам. В то же время важно понимать, что САТ – «не самая острая потребность человека; она набирает силу после утоления голода, жажды, потребностей в безопасности, любви и уважении («пирамида Маслоу») и каждым удовлетворяется уникально» [14]. При этом он признавал, что «дело самоактуализации может быть сделано лучше всего через увлеченность значимой работой». Процессу самоактуализации препятствуют регрессивные тенденции в личности – выученная беспомощность, привычка к праздному времяпрепровождению, страхи, враждебность, отсутствие мотивации, социальное давление и др.

К. Роджерс следовал осторожной самоактуализации и убеждению, что «людям свойственно развиваться в позитивном направлении. Глубочайший контакт с клиентами в процессе терапии, даже с теми, проблемы которых были наиболее разрушительны, поведение наиболее асоциально, чувства почти аномальны, показал мне, что это так» [15]. Он полагал, что блокировка самоактуализации – следствие конфликта между внутренней потребностью в самореализации и зависимостью личности от внешних оценок, в результате чего выразить себя естественно человеку трудно (например, трудно быть собой в ситуации нахождения под стражей в учреждениях УИС, где используется жаргон, применяются издевательства, унижаются слабые, совершаются хулиганские действия и есть другие факторы, вынуждающие и без того «заблудшего» человека еще дальше уходить от подлинного себя).

Мысль психологов экзистенциально-гуманистического направления, объясняющих отклоняющееся поведение, такова: когда развитие личности встречает на своем пути препятствие и блокируется, ее САТ приобретает извращенные, патологические формы. Три неадекватных механизма приспособления индивида к миру, составляющих основу формирования девиантных форм поведения и преступных действий, были описаны Э. Фроммом: 1) авторитаризм и стремление к господству, крайнее выражение которого – садомазохистский комплекс; авторитарный характер проявляется в стремлении осужденных к власти, подавлению и унижению других; 2) автоматизирующий конформизм, утрата индивидуальности; в местах лишения свободы он определяется по бездумному копированию осужденными образцов криминального поведения, подражанию агрессив-

ным и жестоким моделям поведения, аморальному приспособленчеству; 3) деструктивность личности, разрушающая окружающий ее мир; она проявляется в стремлении осужденных разрушать все вокруг в бессильной злобе по причине глубокой фрустрации и невыносимого одиночества [16].

Создатель экзистенциального анализа психиатр и психолог В. Франкл на собственном опыте пришел к убеждению о том, что человеку необходимо искать и найти смысл своей жизни, иначе он впадает в состояние экзистенциального вакуума и уже не рассматривает себя как ответственного за самоопределение, не воспринимает как творца событий собственной жизни, позволяет различным причинам определять свой жизненный путь [17]. Проблемы делинквентной личности обусловлены отсутствием в ее жизни смысла, бездуховностью и безответственным отношением к своей судьбе. Помочь такому человеку, как полагает последователь В. Франкла психолог и психотерапевт А. Лэнгле, – значит, помочь ему осознать свое духовное «Я», принять ответственность за свою судьбу, найти смысл жизни. В. Франкл также дал ответ на вопрос о том, как найти смысл собственной жизни: а) занять новую позицию в ситуации или по отношению к жизни, если ничего нельзя исправить (переоценка ценностей); б) что-то делать своими силами, давать людям (ценности творчества); в) что-то брать от жизни (ценности переживания). По его мнению, самое удачное определение самоактуализации дал философ Карл Ясперс: «Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим» [17, с. 59].

В плане сочетания теории и практики САТ ценность представляют разработки Э. Шострома, который показал, что понятие самоактуализации является интегративным, включающим в себя ряд структурных компонентов. Его методика изучения данного феномена, известная психологам как тест «САТ», позволяет дифференцировать индивидов на четыре категории: индивиды без признаков самоактуализации, но их показатели возможно считать психической и статистической нормой; индивиды с подлинной самоактуализацией (предположительно, доля таких людей в обществе составляет 68 %); лица с псевдосамоактуализацией (индивиды, имеющие крайне высокие показатели САТ); лица с самоактуализацией, обусловленной болезненными изменениями психики, – больные неврозами, имеющие различного рода зависимости и пр. Этот автор дополнил теорию самоактуализации тем, что обратил внимание на альтернативный вариант самореализации – человека-манипулятора [18].

Таким образом, теоретики самоактуализации вполне убедительно показали ее роль в достижении цели ресоциализации делинквентной личности, хотя сами такой задачи перед собой не ставили. Стоит обратиться к публикации Д. А. Леонтьева, который дал историко-критический анализ теории самоактуализации как движущей силы личностного развития, отметив уязвимые места в ней (противоречия и идеализации), но подчеркнул ее научное значение, а также показал перспективы дальнейшей разработки [12].

Путем теоретического анализа проблемы самоактуализации нам также удалось установить наиболее часто отмечаемые исследователями ее связи с другими личностными характеристиками – пятью базовыми чертами «нормальной личности» (тест «Большая пятёрка»), что вполне закономерно, а также с чувством вины, рефлексивностью, копинг-стратегиями, осмысленностью жизни и смысложизненными ориентациями и др. [6]. Следовательно, САТ имеет широкий радиус внутриличностного влияния, а значит, есть смысл выявлять ее особенности у каждого из подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Подводя итог теоретическому экскурсу в проблему самоактуализации, обратим внимание на мысль психологов-экзистенциалистов о том, что САТ показана тем, кто промахнулся мимо своего предназначения, свернул со своего пути, сбился с дороги и понимает, что для того чтобы чего-то достичь в жизни, ему придется все начать сначала. Тем, у кого все идет своим чередом, и кого их жизнь вполне устраивает, достаточно самореализации. Ситуация заключения под стражу в СИЗО способствует размышлению на эту тему [13, 17].

Пытаясь внести свой вклад в решение проблемы определения психологических критериев исправления осужденного, мы провели эмпирическое исследование, цель которого заключалась в выявлении особенностей самоактуализации молодых мужчин, впервые и повторно оказавшихся заключенными под стражу в следственном изоляторе в качестве подозреваемых и обвиняемых, а также в установлении межгрупповых различий, связанных с опытом судимости. В процессе ее достижения решались две исследовательские задачи:

1) изучение особенностей САТ у молодых мужчин: а) ранее судимых, вновь оказавшихся в СИЗО в статусе подозреваемых и обвиняемых; б) впервые привлеченных к уголовной ответственности, заключенных под стражу в СИЗО; в) с проблемой поиска нового места работы;

2) выделение тех особенностей САТ ранее судимых мужчин и мужчин, впервые оказавшихся в СИЗО, которые являются специфичными для каждой из двух групп.

Эмпирическая база исследования

Совокупная выборка исследования состояла из 190 мужчин в возрасте от 25 до 29 лет (среднее значение возраста составило 26,7). Структурно она включала в себя три мужских группы: I группа (50 чел.) – ранее судимые, оказавшиеся под стражей в СИЗО в статусе подозреваемых и обвиняемых за вновь совершенное преступление [данные собраны на базе СИЗО г. Москвы]; II группа (70 чел.) – мужчины, впервые получившие статус подозреваемых и обвиняемых, содержащиеся под стражей в СИЗО (данные собраны на базе СИЗО г. Москвы); III группа (70 чел.) – законопослушные граждане мужского пола, столкнувшихся с проблемой поиска нового места работы данные собраны на основе Google Forms в первой половине 2022 г.; на момент выполнения теста самоактуализации более полугода искали новое место работы в связи с угрозой увольнения 29 чел. (41,4 %), подходящее место для трудоустройства после увольнения – 41 чел. (58,6 %)].

Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), по которым было предъявлено обвинение мужчинам I группы: 161 – 19 чел. (38,0 %); 158 – 8 чел. (16,0 %); 228 – 7 чел. (14,0 %); 111 – 5 чел. (10,0 %); 159 – 4 чел. (8,0 %); 162 – 4 чел. (8,0 %); 291 – 3 чел. (6,0 %).

Статьи УК РФ, по которым предъявлялось обвинение мужчинам II группы: 228 – 32 чел. (45,7 %); 159 – 15 чел. (21,4 %); 162 – 13 чел. (18,5 %); 161 – 4 чел. (5,6 %); 158 – 2 чел. (2,8 %); 264 – 2 чел. (2,8 %); 226 – 2 чел. (2,8 %).

Отметим, что нам не удалось нивелировать первую и две другие исследуемые группы по уровню образования, роду занятий и семейному положению: в I группе высшее образование имел лишь 1 испытуемый, при этом число имевших неполное среднее образование составляло 11 чел. (22 %); в ней не оказалось ни служащих, ни руководителей; более 70 % были разведенными, 4,0 % составляла доля женатых и сожителей. Очевидно, что оказавшиеся в этой группе молодые мужчины шли по пути маргинализации и криминализации.

Методы и методики

Теоретико-методологическую основу исследования составили ключевые положения экзистенциально-гуманистического подхода в психологии, в частности, теории самоактуализации, а также личностно-ориентированного подхода. Использовались теоретические методы научного исследования в юридической психологии: анализ литературы по изучаемой проблеме, систематизация и обобщение теоретического материала, анализ документов. Эмпирический материал собран с помощью теста САТ Э. Шострома в варианте, адаптированном на кафедре социальной психологии МГУ в 1984 г., состоящем из 126 вопросов и 14 шкал, две из которых являются базовыми, – «ориентация во времени» и «самоподдержка». Математико-статистическая обработка данных выполнена на основе пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Достоверность межгрупповых различий в показателях определялась по H-критерию Крускала – Уоллиса и U-критерию Манна – Уитни.

Гипотеза исследования: если сравнить показатели самоактуализации молодых мужчин трех категорий: 1) группы мужчин, уже имеющих опыт судимости и вновь оказавшихся под стражей в СИЗО в статусе подозреваемых и обвиняемых; 2) группы мужчин, впервые привлеченных к уголовной ответственности, содержащихся под стражей в СИЗО; 3) группы законопослушных молодых мужчин, столкнувшихся с проблемой поиска нового места работы, – то обнаружится, что они выше в группе мужчин, впервые оказавшихся в СИЗО, и что они специфичны для каждой из трех групп.

Результаты

1. Результаты решения первой исследовательской задачи – изучения самоактуализации в трех мужских группах.

На начальном этапе обработки эмпирических данных были получены средние значения показателей самоактуализации в трех обследованных мужских группах. Они представлены в таблице 1.

Данные, приведенные в таблице 1, позволяют заключить следующее:

– группа мужчин, уже имеющих опыт судимости и вновь оказавшихся под стражей в СИЗО в статусе подозреваемых и обвиняемых, имеет самый высокий групповой показатель по I основной шкале САТ «Ориентация во времени» по сравнению с двумя другими группами, однако его уровень соответствует психической и статистической норме, так же как и показатель ее II основной шкалы «Самоподдержка», и показатель общего уровня САТ, то есть все три основных показателя не свидетельствуют о самоактуализации. Лицам с такими результатами мало свойственно соотносить собственное настоящее с прошлым и будущим; они ориентируются на какое-то одно время жизни – чаще на прошлое или будущее, поэтому их цели мало связаны с действиями «здесь и сейчас», опыт прошлого не учитывается ими в выборе стратегии поведения. Такие люди, совершая какие-либо поступки, не стремятся сначала осознать их смысл и представить себе их последствия, особенно если действуют под давлением внешних обстоятельств. Признаки самоактуализации в этой группе явно выражены по шкалам «принятие собственной агрессии» и «креативность», а также в небольшой степени «синергичность». Вероятно, что обследованные воспринимают агрессивность и гнев в качестве проявлений, свойственных природе человека, и позволяют себе выражать эти сильные чувства в межличностных контактах; при этом они активно используют возможности для проявления своего творческого потенциала и могут осмысленно связывать противоречивые жизненные явления.

Таблица 1

Показатели самоактуализации в трех обследованных мужских группах

Исследуемые компоненты самоактуализации	I. Ранее судимые с опытом пребывания в СИЗО	II. Ранее не судимые, впервые в СИЗО	III. Законопослушные граждане с проблемой поиска работы
	Средние значения (в стенах): > 4 стенов – психические нарушения (депрессия, невроз, аддикция и др.); 4,0–5,4 – психическая и статистическая норма; 5,5–7,0 – самоактуализация; больше 7,0 стенов – псевдосамоактуализация		
I основная шкала «Ориентация во времени»	5,0	4,8	3,9
II основная шкала «Самоподдержка»	4,7	4,5	4,9
1. Принятие собственной агрессии	6,2	5,4	4,7
2. Креативность	6,0	5,7	5,0
3. Синергичность	5,6	6,1	4,5
4. Сенситивность к себе	5,5	4,8	4,1
5. Познавательные потребности	5,0	6,0	4,9
6. Ценность самоактуализации	4,8	5,7	4,5
7. Спонтанность	4,7	4,8	5,1
8. Контактность	4,6	5,8	6,2
9. Симпатия к людям	4,6	4,6	4,8
10. Самоуважение	4,2	5,5	4,3
11. Гибкость в поведении	4,2	4,6	4,9
12. Самопринятие	4,8	4,4	4,9
Общий уровень самоактуализации	5,0	5,2	4,8

Эти признаки САТ сочетаются с признаками психических нарушений по таким компонентам самоактуализации, как «самоуважение» и «гибкость в поведении»;

– группа мужчин, впервые оказавшихся под стражей в СИЗО, выделяется относительно низким групповым показателем по II основной шкале САТ «Самоподдержка», но при этом более высоким общим уровнем САТ в сравнении с двумя другими группами. Оба показателя соответствуют уровню психической и статистической нормы. В данной группе значительно больше признаков самоактуализации. Они ярко выражены по двум шкалам («синергичность» и «познавательные потребности») и наблюдаются еще по трем («контактность», «креативность», «ценность самоактуализации»). Нет показателей САТ, явно репрезентирующих наличие психических нарушений (самый низкий показатель зарегистрирован по шкале «самопринятие», но он равен 4,4 стенов и его можно отнести к области психической и статистической нормы);

– группа законопослушных мужчин, решающих проблему трудоустройства, отличается от двух других групп низким показателем по I основной шкале САТ «Ориентация во времени», который относится к области психических нарушений и, вероятно, свидетельствует о наличии среди обследованных значительной доли таких лиц, которые находятся в состоянии депрессии, невроза или других дезадаптивных состояниях. Большинство из обследованных неправильно ориентируется во времени: одна часть из них живет прошлым – раскаивается за неправильные действия, испытывает угрызения совести, вспоминает обидчиков и нанесенные ими обиды; другая живет будущим: чтобы ослабить страх за свою жизнь, такие люди строят планы и ставят цели, которые никогда не сбудутся из-за их нереальности. Нереальные планы и цели возникают у тех, кто отказывается принять себя подлинного. Это задерживает естественное развитие личности и способствует возникновению чувства неполноценности. В этой группе наблюдается единственный ярко выраженный признак САТ – «контактность». Очевидно, обследованные мужчины полагали, что в решении проблемы поиска нового места работы главное – установить как можно больше тесных и глубоких контактов, не прислушиваясь к своим чувствам [их сенситивность к себе равна 4,1 стана – низкий показатель, находящийся на границе нормы (патологии)]. Когда эта стратегия не сработала, у некоторых из них возникло состояние социально-психологической дезадаптации, они стали обращаться к психологу.

На следующем этапе анализа эмпирических данных, полученных по тесту «САТ», выявлялись особенности трех групп в зависимости от распределения составляющих их мужчин по категориям общего уровня самоактуализации. Полученные результаты приведены в таблице 2.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что:

– в группе ранее судимых с опытом пребывания в СИЗО большую часть составляют мужчины, по общему уровню САТ относящиеся к категории психически и статистически нормальных людей (52,0 %); доля самоактуализирующихся равна 26,0 %; доля лиц с психическими нарушениями – 16,0 %, с псевдосамоактуализацией – 6,0 %;

– в группе ранее не судимых, впервые оказавшихся в СИЗО, также есть небольшая доля мужчин с псевдосамоактуализацией (7,1 %); в ней около 40 % тех, у кого САТ отсутствует, – это норма; доля мужчин, пытающихся самоактуализироваться, составляет почти половину (45,7 %); 8,6 % лиц имеют психические нарушения (по этой характеристике группа является самой благополучной);

Таблица 2

Особенности трех групп в зависимости от распределения оставляющих их мужчин по категориям общего уровня самоактуализации

Исследуемые группы	Общий уровень самоактуализации, %			
	Псевдо САТ	САТ	САТ отсутствует	Психические нарушения
I. Ранее судимые с опытом пребывания в СИЗО	6,0	26,0	52,0	16,0
II. Ранее не судимые, впервые оказавшиеся в СИЗО	7,1	45,7	38,6	8,6
III. Законопослушные мужчины с проблемой поиска работы	1,4	20,0	61,5	17,1

– в группе законопослушных мужчин с проблемой поиска нового места работы наблюдается самый низкий процент самоактуализирующихся мужчин (20,0 %); самый высокий процент тех, у кого САТ отсутствует (вероятно, до появления проблемы трудоустройства она им была не нужна – хватало самореализации); довольно высокий процент лиц (17,1 %) с признаками психических нарушений (по большей части это невротические тенденции, сформировавшиеся в затянувшийся период поиска профессионально-трудовой занятости). Таким образом, самой несамоактуализирующейся группой оказалась именно эта, состоящая из законопослушных молодых людей мужского пола.

Из двух других групп более открытой для САТ выглядит группа мужчин, впервые привлеченных к уголовной ответственности, содержащихся в СИЗО в статусе подозреваемых и обвиняемых. Почти каждый второй из них готов проявить активность, чтобы что-то изменить с ситуации и внутри себя.

В процессе проверки достоверности межгрупповых различий по H-критерию Крускала – Уоллиса самые значимые различия были выявлены в показателях шести структурных компонентов САТ: «компетентность во времени» ($H = 9,250$ при $p = 0,010$), «сенситивность, или реактивная чувствительность» ($H = 8,598$ при $p = 0,014$), «синергичность» ($H = 24,608$ при $p = 0,000$), «принятие собственной агрессии» ($H = 8,900$ при $p = 0,012$), «контактность» ($H = 13,939$ при $p = 0,001$) и «познавательные потребности» ($H = 11,060$ при $p = 0,004$). При этом наибольшие различия были установлены по шкале «синергичность», которая отражает способность личности к целостному восприятию мира, а также людей и себя в нем; видеть и понимать закономерности и связи во всех явлениях жизни; осмысленно связывать противоречивые жизненные явления, – она выступила в качестве самого чувствительного из шести выше названных показателей САТ. Этот результат подтвердил наше предположение о том, что САТ может выступать маркером становления осужденного на путь исправления.

Данные, подтверждающие наши предположения, также были получены методом парных сравнений (использовался U-критерий Манна – Уитни). Так, в ходе сравнения данных I и II группы были обнаружены значимые различия в показателях контактности ($U = 532,0$ при $p = 0,03$), то есть мужчины, впервые оказавшиеся в СИЗО, в большей степени стремятся решать свои проблемы, связанные с пребыванием в СИЗО, путем установления контактов (этим же способом действуют и мужчины III группы, решающие проблему поиска работы). В результате сравнения данных II и III группы обнаружены значимые различия также по шести шкалам: «ценность самоактуализации» ($U = 1605,0$ при $p = 0,000$), «самоуважение» ($U = 1744,5$ при $p = 0,003$), «синергичность» ($U = 1335,0$ при $p = 0,000$), «познавательные потребности» ($U = 1709,5$ при $p = 0,002$) и общий уровень САТ ($U = 1832,0$ при $p = 0,01$). Несколько менее выраженными оказались различия по компетентности во времени ($U = 1871,0$ при $p = 0,014$). При этом впервые заключенные под стражу в СИЗО молодые мужчины имеют достоверно более высокие численные показатели САТ по указанным шкалам.

В итоге есть основания утверждать, что САТ более характерна для мужчин, впервые привлеченных к уголовной ответственности, содержащихся под стражей в СИЗО, чем для мужчин с судимостью, в очередной раз оказавшихся в изоляторе в статусе подозреваемых и обвиняемых, а также для законопослушных граждан, решающих проблему трудоустройства.

2. Результаты решения второй исследовательской задачи – выделения специфических особенностей САТ ранее судимых мужчин и мужчин, впервые оказавшихся в СИЗО.

В ходе ее решения определялись особенности частных компонентов САТ путем сравнения данных, полученных у мужчин, повторно (I группа) и впервые оказавшихся в следственном изоляторе (II группа). Результаты представлены в таблице 3.

Данные, содержащиеся в таблице 3, показывают, что:

– в I группе самый высокий процент мужчин с псевдосоактуализацией наблюдается по сенситивности, то есть реактивной чувствительности (30 %), креативности (28 %) и принятию собственной агрессии (24 %); в ней самая высокая доля мужчин с САТ приходится на тех, кто актуализируется по принятию собственной агрессии (50 %), синергичности (50 %) и активизации познавательных потребностей (42 %); большая часть в ней не актуализируется по контактности (82 %); половина группы – по самопринятию (54 %), самоуважению (50 %) и ценности САТ (50 %); большая доля лиц с психическими нарушениями отмечается по таким компонентам САТ, как «гибкость поведения» (38 %), «спонтанность» (34 %), «сенситивность, или реактивная чувствительность» (34 %), «симпатия к людям» (32 %), «самоподдержка» (32 %) и «познавательные потребности» (30 %). И это означает, что предсказать поведение более чем 30 % обследованных данной группы с большой долей вероятности возможно лишь в негативном ключе – в любой момент «они могут сделать что угодно»;

Таблица 3

Особенности частных компонентов САТ молодых мужчин, повторно (I группа) и впервые оказавшихся в следственном изоляторе (II группа)

Исследуемые компоненты самоактуализации	Уровни самоактуализации, %							
	Псевдо САТ		САТ		САТ отсутствует		Психические нарушения	
	Сравниваемые группы							
	I	II	I	II	I	II	I	II
1. Сенситивность	30	9	24	29	12	39	34	23
2. Креативность	28	7	22	64	40	25	10	4
3. Принятие своей агрессии	24	20	50	30	18	31	8	19
4. Гибкость поведения	18	7	6	21	38	48	38	24
5. Ценность самоактуализации	8	20	28	20	50	46	14	14
6. Контактность	10	27	0	24	82	28	8	21
7. Самоуважение	10	20	12	36	50	20	28	24
8. Спонтанность	10	7	30	44	26	33	34	16
9. Симпатия к людям	8	6	22	31	38	30	32	33
10. Синергичность	8	24	50	36	34	34	8	6
11. Познавательные потребности	10	37	42	20	18	32	30	11
12. Самопринятие	6	7	16	27	54	27	24	39
I основная шкала «Ориентация во времени»	8	13	34	23	30	30	28	34
II основная шкала «Самоподдержка»	14	7	24	14	30	42	32	37

– во II группе (впервые привлеченные к уголовной ответственности, оказавшиеся в СИЗО) самый высокий процент мужчин с псевдосоакуализацией наблюдается по компоненту «познавательные потребности» (37 %); в ней самая высокая доля мужчин, вышедших на уровень САТ по креативности (64 %); большая часть в ней не актуализирована по гибкости поведения (48 %), ценности САТ (46 %) и самоподдержке (42 %); /большая доля лиц с психическими нарушениями отмечается по таким компонентам САТ, как «самопринятие» (39 %), «самоподдержка» (37 %), «ориентация во времени» (34 %), «симпатия к людям» (33 %). Опираясь на эти данные, возможно предположить, что эта группа не менее чем на 40 % состоит из растерявшихся лиц, лихорадочно пытающихся понять происходящее, ненавидящих себя и других, неспособных искать и находить ресурсы в самих себе, неадекватно оценивающих свое прошлое и настоящее, смутно представляющих свое будущее.

Информативными в плане получения представлений о межгрупповых различиях являются показатели психических нарушений. Они наблюдаются по двум базовым шкалам САТ – «ориентация во времени» (I группа – 28 %; II группа – 34 %) и «самоподдержка» (I группа – 32 %; II группа – 37 %), то есть явно (закономерно и объяснимо) выше в группе лиц, впервые оказавшихся в СИЗО; и психические нарушения в этой группе по своему характеру отличаются от тех, носителями которых являются лица I группы (табл. 3). Если среди мужчин I группы больше доля лиц с психическими нарушениями САТ по спонтанности, гибкости поведения, креативности, познавательным потребностям, сенситивности (реактивной чувствительности), самоуважению, то среди мужчин II группы больше тех, кто имеет психические нарушения САТ по контактности, принятию собственной агрессии, самопринятию.

Этот результат подтверждает известное положение о том, что первый опыт нахождения в СИЗО вынуждает человека решать экзистенциальную дилемму: криминальная или сущностная самоактуализация? Или «покончить с этим раз и навсегда» (убить себя). Для молодых мужчин, впервые оказавшихся в столь жестких внешних обстоятельствах жизни, время пребывания в изоляторе – реальная «точка бифуркации» (термин синергетической концепции в науке), когда каждый из них, как витязь на распутье, должен куда-то двигаться дальше. Но куда?

Обсуждение

На обсуждение вынесены следующие положения, сформулированные нами по итогам анализа результатов изучения особенностей самоактуализации в трех группах молодых мужчин:

1) самоактуализация более характерна для молодых мужчин, впервые привлеченных к уголовной ответственности, содержащихся под стражей в СИЗО, чем для молодых мужчин с судимостью, в очередной раз оказавшихся в изоляторе в статусе подозреваемых и обвиняемых, и чем для молодых законопослушных граждан мужского пола, которым трудно дается решение проблемы трудоустройства;

2) мужчины, впервые оказавшиеся в СИЗО в статусе подозреваемых и обвиняемых, более открыты для самоактуализации. Почти каждый второй из них готов перестраивать свое поведение (доля мужчин, пытающихся самоактуализироваться, составляет почти половину этой группы – 45,7 %), тогда как в группе ранее судимых этот показатель равен 26,0 %, а в группе законопослушных мужчин с проблемой поиска работы – 20,0 %;

3) самоактуализация мужчин с опытом судимости, вновь оказавшихся в СИЗО, и мужчин, впервые оказавшихся в СИЗО в статусе подозреваемых и обвиняемых, достоверно

различается структурно. Если мужчины I группы (с опытом судимости) самоактуализируются преимущественно тремя путями – путем синергии, принятия своей агрессии, активизации познавательных потребностей, то мужчины II группы – путем реализации творческого потенциала (креативности);

4) групповое сходство в самоактуализации не установлено ни по одному из ее структурных компонентов. Однако оно выявлено в психических нарушениях САТ по шкале «симпатия к людям» (принятие природы человека), которая оказалась нарушенной более чем у 30 % испытуемых обеих групп, состоящих из находящихся в СИЗО мужчин;

5) мужчины II группы (в отличие от «бывалых» из I), хотя и оказались активно стремящимися к самоактуализации, в то же время и более уязвимы, так как хуже ориентируются во времени, чаще предпочитают делать упор на установление контактов, а не на развитие способности к самоподдержке, что делает их зависимыми от сокамерников.

Эти результаты полностью подтвердили выдвинутую нами в начале исследования гипотезу: уровень САТ оказался достоверно выше в группе мужчин, впервые заключенных под стражу в СИЗО, по сравнению с ее уровнями в двух других сравниваемых группах, а характерные признаки САТ у мужчин этой группы не являются характерными для группы мужчин с судимостью, имеющих опыт пребывания в СИЗО. Следовательно, САТ и ее частные показатели возможно использовать в качестве маркеров, определяющих, стал ли осужденный на путь исправления, или его криминализация углубляется.

Если сравнивать полученные нами данные с данными других исследователей, то более близким трудом является публикация Д. В. Жмурова и А. Г. Завьялова [9], которые, применив тест САТ Э. Шострома, раскрыли проблему криминальной самоактуализации на сходной с нашей выборке. Они обследовали три группы: группу испытуемых, не имевших судимости, и две другие группы осужденных: впервые отбывавших наказание и рецидивистов. Наиболее ценным в их исследовании нам показалось то, что эти авторы отметили возможные «причины предпочтения криминальной самоактуализации (преступник-рецидивист ощущает, что «нашел свое место в жизни» именно в этой роли; включенность в криминальную субкультуру и соответствующие асоциальные группы; знание языка и средств метакоммуникации в преступной среде (жесты, татуировки, ритуалы); высокий уровень криминальной компетентности и стремление ее повышать; неформальный авторитет и при этом стремление сохранить высокий статус в криминальной иерархии и доступ к распределению благ)» [9].

Мы согласны с упомянутыми исследователями в том, что САТ ранее судимых мужчин более противоречива, чем САТ мужчин, не имеющих опыта судимости. Результаты эмпирических исследований, полученные Д. В. Жмуровым и А. Г. Завьяловым [9], и наши данные позволяют предполагать усложнение этого процесса в зависимости от очередной стадии правовых отношений личности: I – самоактуализация делинквентной личности; II – самоактуализация подозреваемого; III – самоактуализация обвиняемого; IV – самоактуализация осужденного, отбывающего наказание; V – самоактуализация личности человека, отбывшего наказание; VI – самоактуализация рецидивиста. Очевидно, что для выявления особенностей самоактуализации личности на каждой из шести стадий, а также стимулирующих и затрудняющих ее личностных и социальных факторов нужны новые научные исследования.

Еще одним исследованием, имеющим отношение к теме данной статьи, является публикация М. А. Желудкова и В. Е. Ковалевского [19], которые задались вопросом: в силу каких причин люди с высоким уровнем САТ совершают корыстные преступления? Такой

причиной оказалось отсутствие возможностей для удовлетворения появившихся у них на очередном этапе жизни индивидуальных потребностей, «...поэтому самоактуализацию нельзя считать финалом развития личности. Она не цель, а способ возвращения человека к самому себе, своему предназначению для продолжения самореализации (самоосуществления). Очевидно, что на новом этапе жизни в ситуации судьбоносного выбора человек вновь может пойти на преступление» [19].

Мы считаем, что опыт сущностной самоактуализации, полученный личностью в статусе подозреваемого, обвиняемого, осужденного, может служить для нее тем фактором, который усилит ее стремление к ресоциализации. Некоторым доказательством состоятельности данной гипотезы могут служить результаты наших уже опубликованных исследований.

Выводы и практические рекомендации

Результаты проведенного нами исследования позволяют заключить, что самоактуализация подозреваемых, обвиняемых и осужденных может служить одним из психологических критериев их исправления (и, как следствие, ресоциализации, поскольку эти процессы взаимосвязаны). По этой причине целесообразно включить показатели САТ в алгоритм работы психолога по определению степени исправления осужденного [20].

Показатели самоактуализации могут найти применение в качестве маркеров процесса ресоциализации на каждой из 6 названных выше стадий правовых отношений личности. Однако сразу обеспечить их широкое применение в качестве таковых вряд ли получится. Сначала потребуется адаптировать существующую методику диагностики САТ для лучшего ее использования в пенитенциарных целях, затем изучить особенности самоактуализации осужденных, связанные с полом, возрастом, типом и тяжестью преступлений, числом судимостей, сроком наказания, а также выявить стимулирующие и затрудняющие их сущностную самоактуализацию личностные и социальные факторы и условия исходя из базового теоретического положения о том, что для самоактуализации нужна «увлеченность значимой работой». После этого останется лишь осуществить разработку процедуры отслеживания процесса самоактуализации лиц, привлеченных к уголовной ответственности, апробировать и внедрить ее в деятельность сотрудников УИС (не только психологов). Хотя объем предстоящих работ может показаться слишком большим и сложным, тем не менее этот труд представляется нам плодотворным. И чем раньше начнется такая деятельность, тем быстрее появятся результаты приложенных усилий (доля рецидивной преступности начнет снижаться).

Список источников

1. Система оценки правонарушителя. М. : PRI, 2005. 256 с.
2. Система оценки осужденных, освобождающихся условно-досрочно : практ. пособие. Самара, 2010. 51 с.
3. Колесникова Н. Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных мужчин в исправительном учреждении : дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 374 с.
4. Кротова Д. Н., Мамченко А. М. Экзистенциальная дилемма рефлексизирующего делинквента: самоактуализация или суицид? // Проблемы детерминации и предупреждения преступности : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Долговой. М. : РКА, 2017. С. 517–522.
5. Кротова Д. Н. Проблема самоактуализации личности мужчин в местах содержания под стражей // Глобальный научный потенциал. 2018. № 8(89). С. 28–29.

6. Кротова Д. Н., Цветкова Н. А. Исследование самоактуализации мужчин, впервые оказавшихся под стражей в следственном изоляторе, в связи с другими характеристиками их личности // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4(60). С. 425–433.

7. Кротова Д. Н., Цветкова Н. А. Обоснование актуальности изучения самоактуализации мужчин зрелого возраста, содержащихся в следственных изоляторах // Прикладная юридическая психология. 2022. № 2(59). С. 6–15.

8. Цветкова Н. А. Самоактуализация личности, преступившей закон: научно-теоретический и практический аспекты // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов Междунар. симпозиума психологов (г. Рязань, 7–8 апр. 2022 г.) : в 3 ч. / под ред. Т. П. Скрипкиной и С. Н. Сорокоумовой. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. Ч. 1. С. 278–285.

9. Жмуров Д. В., Завьялов А. Г. Криминальная самоактуализация // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 66–71.

10. Пономарев С. Б., Бурт А. А., Дюжева Е. Б. Клинические аспекты пенитенциарного стресса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 4(167). С. 29–33.

11. Ковалева К. В. Проблема самоактуализации в работах отечественных и зарубежных авторов // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2019. № 1(45). С. 77–85.

12. Леонтьев Д. А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации. М. : Смысл, 2002. С. 13–46.

13. Buhler, Ch. 1959, 'Theoretical Observations about life's basic tendencies', American Journal of Psychotherapy, vol. 13, iss. 3, pp. 561–581.

14. Маслоу А. Самоактуализированные люди – исследование психологического здоровья. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/samoaktualizirovannye-lyudi-dvoe-znissledovanie-psihologicheskogo-zdorovya-maslou> (дата обращения: 25.05.2023).

15. Роджерс К. Несколько важных открытий // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1990. № 2. С. 58–65.

16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2004. 618 с.

17. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 366 с.

18. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М. : Апрель-Пресс, 2004. 190 с.

19. Желудков М. А., Ковалевский В. Е. Критический взгляд на теорию самоактуализации с позиции анализа системных потребностей корыстного преступника // Право: история и современность. 2021. № 4(17). С. 119–127.

20. Овчарова Е. В. Алгоритм работы психолога по определению степени исправления осужденного // Прикладная юридическая психология. 2021. № 4(57). С. 46–52.

References

1. *Offender assessment system 2005*, PRI, Moscow.
2. *Evaluation system of convicts released on parole: a practical guide 2010*, Samara.
3. Kolesnikova, N. E. 2011, *Socio-psychological re-socialization of male convicts in a correctional institution: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
4. Krotova, D. N. & Mamchenko, A. M. 2017, 'The existential dilemma of the reflecting delinquent: self-actualization or suicide?', in A. I. Dolgova (ed.), *Problems of determination and crime prevention: collection of scientific articles*, pp. 517–522, PKA, Moscow.

5. Krotova, D. N. 2018, 'The problem of self-actualization of the personality of men in places of detention', *Global scientific potential*, iss. 8(89), pp. 28–29.
6. Krotova, D. N. & Cvetkova, N. A. 2022, 'A study of the self-actualization of men who were detained for the first time in a pre-trial detention center in connection with other characteristics of their personality', *Penitentiary Science*, vol. 16, iss. 4(60), pp. 425–433.
7. Krotova, D. N. & Cvetkova, N. A. 2022, 'Substantiation of the relevance of studying the self-actualization of mature men held in pre-trial detention centers', *Applied legal psychology*, iss. 2(59), pp. 6–15.
8. Cvetkova, N. A. 2022, 'Self-actualization of a person who has violated the law: scientific, theoretical and practical aspects', in T. P. Skripkina, S. N. Sorokoumova (eds), *Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development: collection of materials of the International Symposium of Psychologists (Ryazan, April 7–8, 2022)*, in 3 vols, vol. 1, pp. 278–285, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
9. Zhmurov, D. V. & Zav'jalov, A. G. 2013, 'Criminal Self-actualization', *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, iss. 3, pp. 66–71.
10. Ponomarev, S. B., Burt, A. A. & Djuzheva, E. B. 2016, 'Clinical aspects of penitentiary stress', *Vedomosti of the penitentiary system*, iss. 4(167), pp. 29–33.
11. Kovaleva, K. V. 2019, 'The problem of self-actualization in the works of domestic and foreign authors', *Journal of Psychiatry and Medical Psychology*, iss. 1(45), pp. 77–85.
12. Leont'ev, D. A. 2002, 'Self-actualization as a driving force of personal development: Historical and Critical Analysis', in *Modern Psychology of Motivation*, pp. 13–46, Смысл, Moscow.
13. Buhler, Ch. 1959, 'Theoretical Observations about life's basic tendencies', *American Journal of Psychotherapy*, vol. 13, iss. 3, pp. 561–581.
14. Maslou, A. n.d., *Self-Actualized People - Psychological Health Research*, viewed 25 May 2023, <https://psychologos.ru/articles/view/samoaktualizirovannyye-lyudi-dvoe-zn-issledovanie-psihiologicheskogo-zdorovya-maslou>.
15. Rodzhers, K. 1990, 'Several important discoveries', *Vestnik MGU, Series 14, Psychology*, iss. 2, pp. 58–65.
16. Fromm, Je. 2004, *The anatomy of human destructiveness*, ACT, Moscow.
17. Frankl, V. 1990, *Man in Search of Meaning*, Progress, Moscow.
18. Shostrom, Je. 2004, *Manipulator man, Inner journey from manipulation to actualization*, April-Press, Moscow.
19. Zheludkov, M. A., Kovalevskij, V. E. 2021, 'A critical look at the theory of self-actualization from the perspective of analyzing the systemic needs of a self-serving criminal', *Law: History and Modernity*, iss. 4(17), pp. 119–127.
20. Ovcharova, E. V. 2021, 'The algorithm of the psychologist's work to determine the degree of correction of the convict', *Applied legal psychology*, iss. 4(57), pp. 46–52.

Информация об авторах

Д. Н. Кротова – старший научный сотрудник;

Н. А. Цветкова – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник.

Information about the authors

D. N. Krotova – senior researcher;

N. A. Cvetkova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 22.07.2023; принята к публикации 03.11.2023.

The article was submitted 30.05.2023; approved after reviewing 22.07.2023; accepted for publication 03.11.2023.

Научная статья

УДК 159.9:340.6

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРИМЕНЕНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Вали Фатехович Енгальчев¹, Елена Александровна Королева², Ольга Васильевна Александрова³

^{1,3} Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

² Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве, г. Москва, Россия, ekoroleva7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8320-1814>

¹ valiyen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

³ o.alexandrowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>

Аннотация. Расследование преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними, нередко затруднено по причине отсутствия иных данных, кроме показаний обвиняемого и предполагаемой жертвы. Обвинительный уклон, встречающийся в следственной практике, также представляет собой значительную проблему в обеспечении объективности расследования. Привлечение психолога, обладающего специальными знаниями, к участию в следственных действиях и судебном процессе в различных формах способно оптимизировать следственный процесс и внести весомый вклад в обеспечение объективности оценки показаний. В ряде стран, например в Германии, привлечение судебного эксперта-психолога к делам о половых преступлениях является устоявшейся практикой, обеспечивающей суд и следствие научными знаниями о степени достоверности или недостоверности показаний различных участников уголовного процесса.

Ключевые слова: специальные психологические знания, судебная экспертиза, несовершеннолетние, половая неприкосновенность, достоверность, Германия

Для цитирования

Енгальчев В. Ф., Королева Е. А., Александрова О. В. Новые подходы к применению специальных психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 4. С. 610–618. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618.

© Енгальчев В. Ф., Королева Е. А., Александрова О. В., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

NEW APPROACHES TO THE APPLICATION OF SPECIAL PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY COMMITTED BY MINORS

Vali Fatehovich Engalychev¹, Elena Aleksandrovna Koroleva², Ol'ga Vasil'evna Aleksandrova³

^{1,3} Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Moscow, Moscow, Russia, ekoroleva7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8320-1814>

¹ valiyen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

³ o.alexandrowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>

Abstract. The investigation of crimes against sexual integrity committed by minors is often difficult due to the lack of data other than the testimony of the accused and the alleged victim. The accusatory bias found in investigative practice also presents a significant problem in ensuring the objectivity of the investigation. The involvement of a psychologist with special knowledge to participate in investigative actions and judicial proceedings in various forms can optimize the investigative process and make a significant contribution to ensuring the objectivity of the assessment of testimony. In a number of countries, for example in Germany, the involvement of a forensic psychologist in cases of sexual crimes is an established practice that provides the court and the investigation with scientific knowledge about the degree of reliability or unreliability of the testimony of various participants in the criminal process.

Keywords: special psychological knowledge, forensic examination, minors, sexual integrity, reliability, Germany

For citation

Engalychev, V. F., Koroleva, E. A. & Aleksandrova, O. V. 2023, 'New approaches to the application of special psychological knowledge in the investigation of crimes against sexual integrity committed by minors', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 610–618, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618.

Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенные несовершеннолетними, традиционно представляют собой крайне сложную категорию в части доказывания [3]. Это обусловлено специфической процессом восприятия, запоминания и изложения показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства; полимотивированностью преступных действий; отсутствием достаточного объема материальных следов; противоречивостью и трудностями в получении и оценке идеальных следов, а также иными факторами, которые требуют от следователя как самостоятельного применения знаний в области психологии и педагогики при производстве следственных действий, так и использования

стремительно развивающихся возможностей судебной психологической экспертизы и комплексных экспертиз с участием психолога.

В последние годы типичной по изучаемой категории уголовных дел является следственная ситуация, в которой имеют место объективные сомнения в правдивости показаний потерпевших или их способности верно оценить собственные действия и их последствия. Такие ситуации имеют место в случаях полного или частичного оговора со стороны потерпевшего, а также в случаях добросовестного заблуждения потерпевшего в оценке возможного характера полового контакта (в данном случае предположительный характер ставится под вопрос, а имевший место половой акт обычно не отрицается ни одной из сторон). Криминалистическими особенностями данных ситуаций, кроме прочего, являются: состояние опьянения различной степени тяжести как у субъекта преступления, так и у потерпевшего; отсутствие свидетелей произошедшего либо наличие несовершеннолетних свидетелей, также находившихся в состоянии сильного алкогольного опьянения; поступление заявлений в правоохранительные органы спустя продолжительное время, исключающее сохранение следов преступления; характеристика личности и поведения потерпевшей, свидетельствующая о ее асоциальной направленности, безрассудности, наличии стремления к добровольному вступлению в интимные отношения, способствующие повышению неверно понимаемого ею социального статуса.

Так как наиболее частой версией, сообщаемой на допросе обвиняемым, является наличие добровольного волеизъявления потерпевшей на вступление в половые отношения, следователь оказывается в ситуации, где из доказательств, на основании которых ему необходимо сделать вывод о причастности несовершеннолетнего лица к совершению особо тяжкого преступления, имеются исключительно показания подозреваемого лица и потерпевшей, содержащие существенные и неустранимые противоречия [4]. Сложность рассматриваемой ситуации заключается также в том, что показания несовершеннолетних лиц об обстоятельствах, которые они воспринимали, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нельзя однозначно оценить как правдивые или ложные, поскольку состояние алкогольного опьянения вызывает у индивида, в зависимости от его конституции и физиологических особенностей организма, нарушения в адекватной оценке собственных действий и действий иных лиц, а при тяжелой степени опьянения – полностью исключает адекватное отражение действительности. В связи с этим несовершеннолетний подозреваемый субъект, излагая версию о совершении потерпевшей действий, выражающих ее готовность и согласие на вступление в половой контакт, может быть также правдив, как и потерпевшая, свидетельствующая об обратном.

Для данных следственных ситуаций характерно не только состояние алкогольного опьянения потерпевшей, но и предшествующее совместное с субъектом употребление алкоголя, сопровождающееся сообщением потерпевшей о якобы активной половой жизни с демонстрацией осведомленности в вопросах половой сферы и другие признаки, которые могут быть расценены при благоприятных условиях (состояние алкогольного опьянения является более чем благоприятным условием) как признаки имеющегося желания и готовности к вступлению в половой контакт.

Как известно, субъект истолковывает, осмысливает и постигает ситуацию, свидетелем или участником которой он является, используя различные мыслительные операции и логические приемы. Добраивая образ потенциального сексуального партнера в условиях, когда часть информации о нем (ней) отсутствует, субъект заполняет имею-

щиеся лакуны данными, почерпнутыми из своего жизненного опыта, и расценивает их как подходящие и для этого случая. Ошибочная интерпретация обусловлена тем, что в процессе осознания воспринятого индивид, располагая данными, которые допускают различные истолкования, останавливается на одном из возможных вариантов, дорисовывая недостающие детали в своем воображении и проникаясь уверенностью в том, что эти воображаемые детали также наблюдались [7]. Таким образом, в сознании подозреваемого в совершении преступления субъекта происходит естественное искажение реальности, результатом чего становятся его действия, которые фактически содержат признаки преступления, так как совершаемый половой акт происходит без согласия на то потерпевшей. Однако нельзя считать несовершеннолетнего субъекта в данном конкретном случае безусловно виновным [5].

Примером может служить уголовное дело по обвинению несовершеннолетнего Н., который, находясь в квартире по месту жительства вместе со своим другом несовершеннолетним Ш. и подругой несовершеннолетней И., после совместного употребления алкогольных напитков, в котором по собственной инициативе, без принуждения участвовала И., воспользовавшись алкогольным опьянением последней, совершил с ней половой акт и иные действия сексуального характера. В ходе следствия Н. свидетельствовал о добровольности полового акта, на что указывало поведение И. на докриминальной стадии (оказывала знаки внимания Н.; сняла футболку, оставшись в нижнем белье; вела разговоры на сексуальные темы); отсутствие сопротивления на криминальной стадии, а также безразличное поведение на посткриминальной стадии (отсутствие претензий по факту имевшего место полового акта; села на колени к Н.; совершила половой акт с несовершеннолетним Ш. непосредственно после вступления с несовершеннолетним Н. в половой акт)¹.

Исходя из данных положений можно прийти к следующим выводам: индивид может правильно воспринимать события, если органы, которые участвуют в восприятии, функционируют без каких-либо отклонений, качество восприятий зависит от индивидуально-субъективных условий и условий, в которых происходили события [1]. Установление объективных обстоятельств произошедшего представляется действительно сложной задачей, так как единственным источником информации, к которой традиционно испытывают доверие следователи и судьи, является та, которая сообщается жертвой возможного преступления. Одновременно такая категория преступлений характеризуется повышенной социальной защищенностью жертвы, что только усиливает доверие к ее показаниям.

С одной стороны, объективную необходимость такого подхода нельзя считать неоправданной, поскольку следователь исходит из сложившейся практики, когда подавляющее большинство заявлений о такого рода преступлениях впоследствии находили свое подтверждение и заканчивались приговорами причинителю вреда, с другой – получая и закрепляя доказательства виновности несовершеннолетнего лица, в отношении которого выдвинуто обвинение, следователь должен учитывать и возможность невинности подозреваемого лица, а потому предпринимать все необходимые меры, чтобы подтвердить или опровергнуть указанную возможность. Данный принцип становится особенно актуальным, если речь идет о несовершеннолетнем субъекте преступления, для которого последствия несправедливого обвинения могут быть гораздо более опас-

¹ См.: Уголовное дело № 12102450010000034 по п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ в отношении Н. // Архив Солнцевского районного суда г. Москвы.

ными ввиду несформированности психических процессов, имеющих в большинстве случаев психических отклонений различной степени тяжести, а также несформированных средств адаптации к складывающейся ситуации.

Безусловно, центральным следственным действием в рассматриваемом случае является допрос, в ходе которого необходимо квалифицированно и системно оценить как вербальные (содержательные), так и паравербальные (акустические), а также невербальные признаки достоверности или недостоверности показаний. Этому следователей учат в юридических вузах. Однако на практике самостоятельная диагностика и анализ коммуникативного поведения допрашиваемого в реальном уголовном деле становятся сложно выполнимой задачей в силу того, что: а) следователь не обладает необходимой психологической компетентностью; б) являясь участником допроса, он должен одновременно выполнять план допроса и отслеживать коммуникативные реакции собеседника; в) следователь может находиться под воздействием социальных и (или) психологических установок, искажающих его объективное восприятие новых данных; г) он не всегда обладает техникой и навыками допроса лиц, искусно сообщаящих недостоверную информацию, и др.

В такой ситуации исключительно важным представляется использование специальных знаний сведущих лиц, в первую очередь специальных психологических знаний, для установления объективной картины дела. Необходимо отметить, что большинство ученых-криминалистов возлагают неоправданные, как нам кажется, надежды на участвующего в ходе допроса несовершеннолетнего субъекта психолога или педагога, который, как по мановению волшебной палочки, должен помочь в установлении психологического (более точным является определение – коммуникативного) контакта [1] между следователем и допрашиваемым, поддерживать указанные благоприятные условия, помочь сформулировать и задать вопросы, последовательность которых должна содействовать получению достоверных и подробных показаний даже при неумелых действиях следователя, а также обеспечить положительное воздействие на несовершеннолетнего с целью профилактики совершения им в дальнейшем преступлений. Данная позиция, по нашему мнению, является ненужной и даже вредной для расследования крайностью.

Психолог не может подменять на допросе следователя и производить допрос за него, что обусловлено его уголовно-процессуальным статусом как специалиста, не заинтересованного в исходе дела. На основании указанного фундаментального положения сформулирована цель участия психолога – создание соответствующего психологического комфорта и стабилизации состояния несовершеннолетнего, принимающего участие в следственном действии [1].

Расширив пределы использования специальных знаний для психолога, поставив перед ним цели, которые преследует прежде всего следователь, мы перемещаем психолога в категорию участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, что, ввиду низкого качества компетенций, которыми обладают следователи, и происходит на практике. Однако есть очевидные причины, почему психолог, даже при всех имеющихся у него знаниях и возможностях их использования, не может эффективно выполнять роль следователя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого. Перечислим некоторые из них:

1) психолог не наделен необходимым уровнем авторитета, так как не обладает властными полномочиями в отношении подозреваемого и его дальнейшей судьбы, что для последнего безусловно очевидно;

2) психолог крайне ограничен в познаниях о криминалистических способах и средствах доказательства вины подозреваемого, в связи с чем не может воспользоваться одним из таких важных методов убеждения, как логическая иллюстрация неотвратимости наказания;

3) психолог, не имея глубинных познаний в уголовном праве и процессе, не может должным образом показать индивиду гарантии, предоставляемые законом лицам, демонстрирующим социально одобряемое поведение, используя их как очередной метод убеждения;

4) психолог не обладает необходимым объемом знаний о пределах доказывания, собранных доказательствах произошедшего, а также обстоятельствах, подлежащих проверке, чтобы сформулировать предмет допроса.

Таким образом, при учете четкого понимания статуса психолога последний, не выходя за пределы возложенных на него полномочий и не приобретая не закрепленную в законе и, по нашему мнению, вредную для расследования заинтересованность в исходе процесса, может:

– создать условия психологического комфорта и стабилизации состояния несовершеннолетнего подозреваемого, действующего в состоянии многопланового конфликта (конфликт между лицом и обществом, лицом и следователем, а также внутриличностный конфликт). Данный вид применения специальных познаний не является способом создания и поддержания коммуникативного контакта между следователем и допрашиваемым, а лишь создает условия минимизации вредного воздействия ситуации на психику допрашиваемого, то есть способствует установлению указанного контакта;

– содействовать правильной интерпретации получаемой от несовершеннолетнего допрашиваемого информации, которая отражается в протоколах следственных действий;

– оказывать помощь в формулировании вопросов допрашиваемому, то есть в соблюдении законности проведения следственного действия и минимизации условий для оказания недопустимого психологического давления на несовершеннолетнего допрашиваемого и, как следствие, признания доказательств, полученных в ходе проведения следственного действия, недопустимыми;

– наблюдать и анализировать проявляющиеся в ходе допроса признаки имеющихся индивидуально-личностных особенностей, а также признаки достоверности (недостоверности) предоставляемой индивидом информации, которые могут иметь значение для индивидуализации наказания, установления причин совершения противоправных деяний, фактов совершения ранее в отношении подозреваемого другими лицами действий, содержащих признаки преступления, а также иных сведений, имеющих непосредственное значение для производства предварительного следствия.

В отечественной научно-правовой и экспертной сферах до сих пор ведется острая дискуссия по поводу возможности экспертного анализа психологических признаков достоверности (недостоверности) информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства [6]. В то же время в некоторых зарубежных странах судебные эксперты-психологи уже давно не только выявляют признаки достоверности информации, но и осуществляют судебную экспертизу таких показаний по решению суда. В частности, такие экспертизы проводятся в ФРГ, Австрии, Швейцарии, Испании [8–12]. В немецкоязычных странах есть даже специальный термин, объясняющий необходимость судебной психологической экспертизы достоверности показаний: «Aussage-gegen-Aussage-Konstellation» («показания жертвы vs показания обвиняемого»), то есть это ситуация, когда кроме показаний двух сторон у суда и следствия больше нет никаких фактов,

подтверждающих или опровергающих сообщаемое каждой из сторон. Напомним, что в аналогичных случаях в РФ позиция стороны обвинения *argiōi* судами воспринимается и оценивается как более доказательная и убедительная.

В ФРГ от судей в ситуации «показания жертвы vs показания обвиняемого» ожидается максимально внимательное отношение к оценке достоверности показаний стороны обвинения, а из мотивировочной части решения должно следовать, что суд выявил все обстоятельства, которые способны повлиять на решение, и что последние были учтены при принятии решения. Федеральный Верховный суд ФРГ формулирует требования к оценке показаний в ситуации «показания жертвы vs показания обвиняемого» конкретнее и констатирует необходимость тщательного анализа содержания и максимально возможной точности реконструкции истории возникновения обвинительных показаний, изучения мотивов дачи таких показаний, а также оценки их детальности и убедительности. Подтверждая независимость суда в оценке доказательств, Федеральный конституционный суд ФРГ разъяснил, что несоблюдение выработанных судами высших инстанций практических правил и принципов, основанных на достижениях современной науки, в особенности криминалистики и психологии, ведет к отмене судебных решений в случае их пересмотра [9]. Таким образом, привлечение экспертов-психологов к оценке достоверности показаний в Германии является способом внедрения актуального научного знания в процесс судопроизводства. Методика, положенная в основу судебной психологической экспертизы достоверности показаний в Германии и известная как *Statement Validity Assessment*, хотя и имеет ограничения и предъявляет высокие требования к профессиональным качествам эксперта, все же оценивается как значимый и полезный инструмент анализа достоверности показаний. Необходимо отметить, что в юридическом сообществе ФРГ есть понимание того, что методики оценки достоверности показаний, способной выступать в роли носа Пиноккио, в настоящий момент нет [8].

Для объективизации такой экспертизы в последние годы стали применяться специальные компьютерные аппаратно-программные комплексы, которые позволяют в автоматическом режиме фиксировать, систематизировать и проводить первичный анализ различных проявлений невербального поведения человека [2]. Перспективы совершенствования и использования специальных психологических знаний в судебно-следственной сфере в значительной степени связаны с развитием психологического инструментария судебных экспертов-психологов, освоением ими новых когнитивно сложных методов и цифровизацией самой экспертной деятельности.

Список источников

1. Виницкий Л. В., Сурменова С. В. Участие психолога в стадии предварительного расследования : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 267 с.
2. Гусев А. Н., Енгальчев В. Ф., Захарова Н. А. Компьютерные технологии оценки голоса и лицевых экспрессий в процессе анализа аудио- и видеоматериалов // *Armenian Journal of Mental Health*, 2018. № 1(9). С. 66–69.
3. Еськова Л. К., Антипова А. Р. Анализ преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика.* 2021. № 4(30). С. 74–77.
4. Маторина Ю. Н., Маторин М. А. Принципы вины в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2019. № 3(36). С. 33–38.

5. Обухова С. А., Буданова Е. А. К вопросу о сущности виктимного поведения несовершеннолетних жертв насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2021. № 1(8). С. 83–89.

6. Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей : сб. науч. ст. М. : Рос. гос. ун-т правосудия. 2017. 244 с.

7. Тропов В. А., Портянко Н. М. Прикладная криминальная психология: психологические аспекты отдельных следственных действий, портрет личности преступника, психология несовершеннолетних правонарушителей, пенитенциарная психология, судебно-психологическая экспертиза : монография. Архангельск : Изд-во Арханг. гос. техн. ун-та, 2006. 615 с.

8. Bender, R., Häcker, R. & Schwarz, V. 2021, *Tatsachenfeststellung vor Gericht*, Glaubhaftigkeits und Beweislehre, München.

9. Jansen, G. 2021, *Zeuge und Aussagepsychologie*, München.

10. Köhnken, G., Manzanero, A. L., & Scott, M. T. 2015, 'Análisis de la Validez de las Declaraciones (SVA): mitos y limitaciones', *Anuario de Psicología Jurídica*, iss. 25, pp. 13–19.

11. Melcher, H. & Amann, G. 2015, Beurteilung der Glaubhaftigkeit einer Aussage. Verbessern psychologische Kompetenzen die Beurteilungsgüte?', *Österreichische Richterzeitung*, iss. 11.

12. Schweizerische Gesellschaft für Rechtspsychologie n.d., viewed 5 February 2023, <https://www.rechtspsychologie.ch/de/fachbereiche/gutachten/liste>.

References

1. Vinickij, L. V. & Surmeneva, S. V. 2015, *Participation of a psychologist in the preliminary investigation stage: monograph*, Yurlitinform, Moscow.

2. Gusev, A. N., Engalychev, V. F. & Zaharova, N. A. 2018, 'Computer technologies for evaluating voice and facial expressions in the process of analyzing audio and video materials', *Armenian Journal of Mental Helth*, iss. 1(9), pp. 66–69.

3. Es'kova, L. K. & Antipova, A. R. 2021, 'Analysis of crimes against the sexual integrity of minors', *Penitentiary law: Legal theory and law enforcement practice*, iss. 4(30), pp. 74–77.

4. Matorina, Ju. N. & Matorin, M. A. 2019, 'The principle of guilt in crimes against the sexual integrity of minors', *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3(36), pp. 33–38.

5. Obuhova, S. A. & Budanova, E. A. 2021, 'On the issue of the essence of victim behavior of juvenile victims of violent crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual', *Criminal procedural protection of the rights and legitimate interests of minors*, iss. 1(8), pp. 83–89.

6. *Forensic psychological examination and comprehensive forensic studies of video recordings: collection of scientific articles 2017*, Russian State University of Justice, Moscow.

7. Troпов, V. A. & Portjanko, N. M. 2006, *Applied criminal Psychology: psychological aspects of individual investigative actions, criminal personality portrait, psychology of juvenile offenders, penitentiary psychology, forensic psychological examination: monograph*, Arkhangelsk State Technical University, Arkhangelsk.

8. Bender, R., Häcker, R. & Schwarz, V. 2021, *Tatsachenfeststellung vor Gericht*, Glaubhaftigkeits und Beweislehre, München.

9. Jansen, G. 2021, *Zeuge und Aussagepsychologie*, München.

10. Köhnken, G., Manzanero, A. L., & Scott, M. T. 2015, 'Análisis de la Validez de las Declaraciones (SVA): mitos y limitaciones', *Anuario de Psicología Jurídica*, iss. 25, pp. 13–19.

11. Melcher, H. & Amann, G. 2015, Beurteilung der Glaubhaftigkeit einer Aussage. Verbessern psychologische Kompetenzen die Beurteilungsgüte?, *Österreichische Richterzeitung*, iss. 11.

12. Schweizerische Gesellschaft für Rechtspsychologie n.d., viewed 5 February 2023, <https://www.rechtspsychologie.ch/de/fachbereiche/gutachten/liste>.

Информация об авторах

В. Ф. Енгальчев – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии;

Е. А. Королева – аспирант кафедры криминалистики, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности (Московская академия Следственного комитета Российской Федерации); следователь по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел следственного управления по Западному административному округу (Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве);

О. В. Александрова – аспирант кафедры общей и социальной психологии.

Information about the authors

V. F. Engalychev – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Social Psychology;

E. A. Koroleva – aspirant of the Department of Criminalistics, Forensic Expertise and Operational Investigative Activities (Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation); investigator for particularly important cases of the Department for the Investigation of Particularly important Cases of the Investigative Department for the Western Administrative District (Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Moscow);

O. V. Aleksandrova – postgraduate student of the Department of General and Social Psychology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья

УДК 316.624:159.922.8:347.61

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.619-629

СВЯЗЬ ТИПА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ С РАЗВИТИЕМ КОМПЕТЕНЦИИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

София Александровна Гапонова¹, Ирина Николаевна Деветьярова²

¹ Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, Россия, sagap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1526-4378>

² Центр детского творчества, г. Ижевск, Россия, sterhirina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7836-0319>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования развития компетенции саморегуляции и типа семейных взаимоотношений у подростков с девиантным и нормативным поведением. В исследовании приняли участие 113 семей, из них 55 благополучных семей с подростками нормативного поведения и 58 неблагополучных семей с подростками девиантного поведения, находящимися под патронатным контролем Муниципального бюджетного учреждения Городской центр профилактики «Подросток», г. Ижевск. Выявлено, что уровни развития саморегуляции и ее регуляторных процессов у подростков с девиантным поведением качественно отличаются от их нормально развивающихся сверстников. Показано, что семейные взаимоотношения влияют на уровень развития компетенции саморегуляции у девиантных подростков и могут стать предпосылкой формирования специфических регуляторных особенностей осознанной саморегуляции, которые будут выступать в качестве ресурсов достижения/недостижения учебных, личных целей, проявления собственной активности, социализации и успешности в разнообразных видах деятельности. Обнаружена значимая разнонаправленная связь между типом семейных взаимоотношений и развитием компетенции саморегуляции у девиантных и нормативных подростков. Полученные данные могут быть использованы при работе с девиантными подростками и их семьями в образовательных организациях и социальных службах.

Ключевые слова: процесс саморегуляции, компетенция саморегуляции, подростки с девиантным поведением, семейные взаимоотношения

Для цитирования

Гапонова С. А., Деветьярова И. Н. Связь типа семейных отношений с развитием компетенции саморегуляции девиантных подростков // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 4. С. 619–629. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.619-629.

© Гапонова С. А., Деветьярова И. Н., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

THE RELATIONSHIP OF THE TYPE OF FAMILY RELATIONS WITH THE DEVELOPMENT OF THE COMPETENCE OF SELF-REGULATION OF DEVIANT ADOLESCENTS

Sofija Aleksandrovna Gaponova¹, Irina Nikolaevna Devet'jarova²

¹ Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Nizhny Novgorod, Russia, sagap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1526-4378>

² Children's Creativity Center, Izhevsk, Russia, sterhirina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7836-0319>

Abstract. The article presents the results of a study of the development of self-regulation competence and the type of family relationships in adolescents with deviant and normative behavior. 113 families took part in the study, including 55 prosperous families with adolescents of normative behavior and 58 dysfunctional families with adolescents of deviant behavior under the patronage control of the Municipal Budgetary Institution City Prevention Center "Teenager", Izhevsk. It was revealed that the levels of development of self-regulation and its regulatory processes in adolescents with deviant behavior are qualitatively different from their normally developing peers. It is shown that family relationships affect the level of development of self-regulation competence in deviant adolescents and can become a prerequisite for the formation of specific regulatory features of conscious self-regulation, which will act as resources for achieving / not achieving educational, personal goals, self-activity, socialization and success in various activities. A significant multidirectional relationship was found between the type of family relationships and the development of self-regulation competence in deviant and normative adolescents. The data obtained can be used when working with deviant adolescents and their families in educational organizations and social services.

Keywords: the process of self-regulation, competence of self-regulation, adolescents with deviant behavior, family relationships

For citation

Gaponova, S. A. & Devet'jarova, I. N. 2023, 'The relationship of the type of family relations with the development of the competence of self-regulation of deviant adolescents', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 619–629, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4). 4.619-629.

Введение

Многочисленные проблемы современной семьи являются достаточно болезненными и привлекают внимание специалистов различных сфер науки: психологов, педагогов, социологов. Значение отношений в семье для развития и становления личности трудно переоценить. Именно в семье ребенок проходит первичную социализацию, на примере ее членов обучается формам отношений и способам поведения в различных жизненных ситуациях, которые сохраняются затем на протяжении всей жизни. Современная жизнь предъявляет к подростку требования по усвоению большого объема учебного

материала, осознанию цели обучения, трансляции самостоятельного действия, умению эффективно распоряжаться собственным временем, что существенно увеличивает нагрузку на его психические, личностные, физиологические сферы. Как показывает опыт, адаптация к этим условиям может быть различной, в том числе патологической, что может вызвать возникновение нарушения развития [3, 4, 5].

На таком фоне поведение подростков приобретает крайние формы: прогрессирующая отчужденность и повышенная тревожность, цинизм, жестокость, прогулы в школе, уход из дома, неадекватное поведение, связанное с различными рисками, плохая успеваемость. Нарушения в регуляторной сфере отражают любые изменения в психическом развитии несовершеннолетнего в общении, взаимодействии, деятельности. Эти особенности девиантных подростков тесно связаны и с развитием искаженной системы саморегуляции (В. В. Николаева, Ю. А. Клейберг, В. Т. Кондрашенко, Т. В. Корнилова, Е. Л. Григоренко, С. Д. Смирнов, О. В. Лишин, М. Э. Паатова, А. М. Печенюк, В. Г. Степанов, Е. О. Седова, Д. И. Фельдштейн и др.). Нарушения в формировании саморегуляции мешают ребенку с сохраненным интеллектом овладеть учебной деятельностью и нередко приводят к социальной дезадаптации, повышению тревожности, выраженной склонности к риску, аддиктивному поведению (Е. И. Манапова, Т. В. Сборцева, Е. О. Седова, L. E. Pelco, E. T. Reed-Victor, T. Gardner, L. Crockett, R. Baumeister и др.).

Проблема формирования процесса саморегуляции в подростковом возрасте обусловлена тремя сферами его личностной активности – деятельность, общение и личностный рост [1, 2]. В работах В. И. Моросановой, Т. Г. Фоминых, И. Ю. Цыганова, И. В. Белашевой осознанная саморегуляция определяется как психологическая компетенция, проявляющаяся в самостоятельном и ответственном выдвигании цели, в управлении и достижении этой цели [1, 2]. На основе анализа психолого-педагогической литературы нами собран и обобщен материал, позволивший произвести уточнение понятия «компетенция саморегуляции», которая понимается нами как способность личности осознанно управлять своей активностью в практической деятельности в изменяющихся условиях и обеспечивать ей положительный результат, успешность и уверенность во взаимодействии с окружающей действительностью [2]. Компетенция саморегуляции – это операционально-результативная основа практического опыта, обусловленная личностными особенностями и обеспечивающая положительный результат деятельности (поведения).

В психологической науке и практике описывается опыт изучения процесса саморегуляции у детей и подростков в разных аспектах [1, 5–7]. Однако исследованию компетенции саморегуляции у девиантных подростков в психолого-педагогических исследованиях не уделяется достаточного внимания, не используется ее психолого-педагогический потенциал. Отсутствуют исследования, посвященные влиянию типов семейного воспитания на ее развитие и реализацию в разнообразной деятельности. Необходимость таких исследований очевидна с нескольких позиций. Во-первых, это возраст, когда значимыми потребностями становятся коммуникация и взаимодействие с окружающим миром. Во-вторых, решение задач самопознания – «Кто Я?», «Зачем Я?», «Кем быть в этом мире?». В-третьих, от качества взаимодействия с другими зависит психическое развитие, успешность деятельности в целом и отношение к себе. В то же время подростковый возраст является благоприятным периодом и для развития компетенции саморегуляции, основными предпосылками и необходимым условием формирования которой являются повышенное внимание к своему внутреннему миру, усложнение по-

требностно-мотивационной сферы, переосмысление личностных ценностей, воспитание силы воли.

На развитие адекватных и неадекватных паттернов поведения влияют типы семейной организации [8, 9]. По мнению ученых, тип семейной организации с ребенком в семье должен коррелировать с возрастными задачами, которые требуют обучения детей определенным компетенциям, обусловленным психическим развитием. Типы негармоничного патологизирующего воспитания позволяют установить причины непсихотических патологических нарушений поведения и отклонений личности в подростковом возрасте, формирования нервно-психических расстройств личности, а также возникновение непсихотических психогенных нарушений поведения. В данном контексте особый интерес представляет исследование связи между типами семейной организации и развитием компетенции саморегуляции у девиантных подростков и подростков с нормативным поведением.

Гипотеза исследования – на уровень развития компетенции саморегуляции у девиантных подростков и подростков с нормативным поведением влияют семейные взаимоотношения. Они могут стать предпосылкой формирования специфических регуляторных особенностей осознанной саморегуляции у подростков, которые будут выступать в качестве ресурсов достижения/недостижения учебных, личных целей, проявления собственной активности, социализации и успешности в разнообразных видах деятельности.

Цель исследования – изучение связи компетенции саморегуляции поведения и типа семейной организации у девиантных и нормативных подростков. В ходе исследования решались следующие задачи:

- анализ уровня развития саморегуляции у подростков с девиантным и нормативным поведением;
- установление особенностей семейных взаимоотношений в благополучных и неблагополучных семьях;
- выявление связи типа семейной организации с развитием компетенции саморегуляции поведения у девиантных и нормативных подростков.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 113 семей, из них 55 благополучных семей с подростками нормативного поведения и 58 неблагополучных семей с подростками девиантного поведения, находящимися под патронатным контролем муниципального бюджетного учреждения Городской центр профилактики «Подросток». На основе анализа бесед с «экспертами» – социальными педагогами, психологами образовательных организаций, которые наблюдали девиантных подростков в течение нескольких лет в различных жизненных ситуациях и оценивали их отношение к учебе и окружающим, стало ясно, что у этих детей трудности в освоении учебного материала отмечались еще в младшем школьном возрасте, но отклонений в интеллектуальном развитии у них не было. Однако дети-девианты имели ослабленное здоровье, которое объяснялось двумя причинами и/или их сочетанием: плохим уходом, присмотром и отягощенностью наследственными заболеваниями близких родственников. У детей-девиантов отмечались повышенная возбудимость, агрессивность, конфликтность, проявления жестокости в школе и дома, в то же время они демонстрировали высокую тревожность и неуверенность в себе, обидчивость, услужливость, ябедничество [6].

Анализ типов неблагополучия в семьях девиантных подростков показал следующую иерархию (по нисходящей): конфликтная – 28, алкогольная – 21, асоциально-

аморальная – 15, с психически больными родителями – 13, криминальная – 7 семей (в некоторых семьях эти типы сочетались). Как правило, проблемы, с которыми сталкиваются эти семьи, касались различных сторон жизни (социальной, правовой, материальной, медицинской, психологической, педагогической и др.) и обычно возникали одновременно, поскольку были взаимосвязаны и взаимообусловлены. Подростки с нормативным поведением, участвующие в исследовании, не состояли на учете ни в одном субъекте профилактики, посещали образовательное учреждение, соблюдали дисциплину.

В исследовании использовались следующие диагностические методики:

– опросник «Стиль саморегуляции поведения» для оценки уровня развития осознанной саморегуляции произвольной активности у подростков с отклонениями в поведении и нормативных подростков [10];

– опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (далее – АСВ), позволяющий выявить особенности семейного воспитания при исследовании этиологии непсихотических патологических нарушений поведения и отклонений личности подростков. Опросник предназначен для выявления различных видов патологизирующего семейного воспитания¹, общим для которых является эмоциональное отвержение различной степени и вида [7, 11].

Статистическая обработка данных проводилась с помощью критерия Манна-Уитни (U) и корреляционного анализа Пирсона (r).

Результаты исследования

В таблице 1 представлены результаты исследования общего уровня развития саморегуляции и ее регуляторных процессов у подростков с нормативным и девиантным поведением с помощью критерия Манна-Уитни (U).

Таблица 1

Развитие общего уровня саморегуляции и ее регуляторных процессов у подростков с нормативным и девиантным поведением

Регуляторные шкалы	Результаты исследования, % (чел.)					
	Нормативное поведение (n = 55 респондентов)			Девиантное поведение (n = 58 респондентов)		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Планирование	47,3 (26)	43,6 (24)	9,1 (5)	11,4 (7)	45,7 (26)	42,9 (25)
Моделирование	32,7 (18)	60 (33)	7,3 (4)	2,1 (1)	42,9 (25)	55 (32)
Программирование	32,7 (18)	52,7 (29)	14,5 (8)	2,9 (2)	45,7 (27)	51,4 (29)
Оценивание результатов	30,9 (17)	67,2 (37)	1,8 (1)	5,7 (3)	54,3 (31)	40 (24)
Гибкость	52,7 (29)	43,6 (24)	3,6 (2)	8,6 (5)	42,9 (25)	48,6 (28)
Самостоятельность	52,7 (29)	29,1 (16)	18,2 (10)	37,1 (22)	45,7 (27)	17,1 (9)
Общий уровень саморегуляции	40 (22)	57,9 (32)	2,1 (1)	9,3 (6)	20 (11)	70,7 (41)

¹ Патологизирующее семейное воспитание – это система осознанных и неосознаваемых воспитательных действий взрослых, вследствие которых создаются условия для хронической фрустрации подростка и искажений его личностного и физического роста, приводящих в отдельных случаях к формированию либо нервно-психических, либо психосоматических расстройств [11].

Анализируя полученные результаты, можно увидеть, что регуляторные процессы и общий уровень саморегуляции девиантных подростков имеют в основном низкий и средний уровни развития. Подростки с нормативным поведением в подавляющем большинстве имеют высокий и реже средний уровень развития саморегуляции.

Результаты исследования семейных взаимоотношений в нормативных и неблагополучных семьях представлены в таблице 2 и на рисунке.

Таблица 2

Показатели семейных взаимоотношений в неблагополучных и благополучных семьях

Показатель	Среднее значение		U-критерий	P
	Неблагополучная семья (n = 58)	Благополучная семья (n = 55)		
Гиперпротекция (Г+)	4,96	4,32	1562,500	0,098
Гипопротекция (Г–)	5,93	3,61	979,500	0,0001
Потворствование (У+)	4,82	4,61	1842,0	0,826
Игнорирование потребностей подростка (У–)	2,18	0,90	1078,5	0,0001
Чрезмерность требований / обязанностей (Т+)	2,05	1,76	1714,5	0,376
Недостаточность обязанностей подростка (Т–)	2,74	1,78	1271,5	0,002
Чрезмерность требований-запретов [доминирование] (З+)	2,48	1,64	1276,5	0,002
Недостаточность требований-запретов к ребенку (З–)	3,12	2,13	1066,5	0,0001
Чрезмерность санкций [жестокый стиль воспитания] (С+)	2,12	1,75	1616,5	0,162
Минимальность санкций (С–)	3,24	3,36	1746,5	0,466
Неустойчивость стиля воспитания (Н)	2,77	2,30	1551,0	0,083
Расширение сферы родительских чувств (РРЧ)	3,5	2,83	1497,5	0,046
Предпочтение в подростке детских качеств (ПДК)	1,84	1,21	1482,5	0,036
Воспитательная неуверенность родителей (ВН)	3,03	2,66	1635,0	0,197
Фобия утраты ребенка (ФУ)	3,25	2,41	1439,5	0,022
Неразвитость родительских чувств (НРЧ)	3,58	2,12	1322,0	0,004
Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств (ПНК)	2,34	1,43	1285,0	0,002
Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания (ВК)	1,27	0,56	1305,0	0,001
Предпочтение мужских качеств (ПМК)	2,77	2,15	14,75,5	0,032
Предпочтение женских качеств (ПЖК)	1,20	0,73	1538,0	0,057

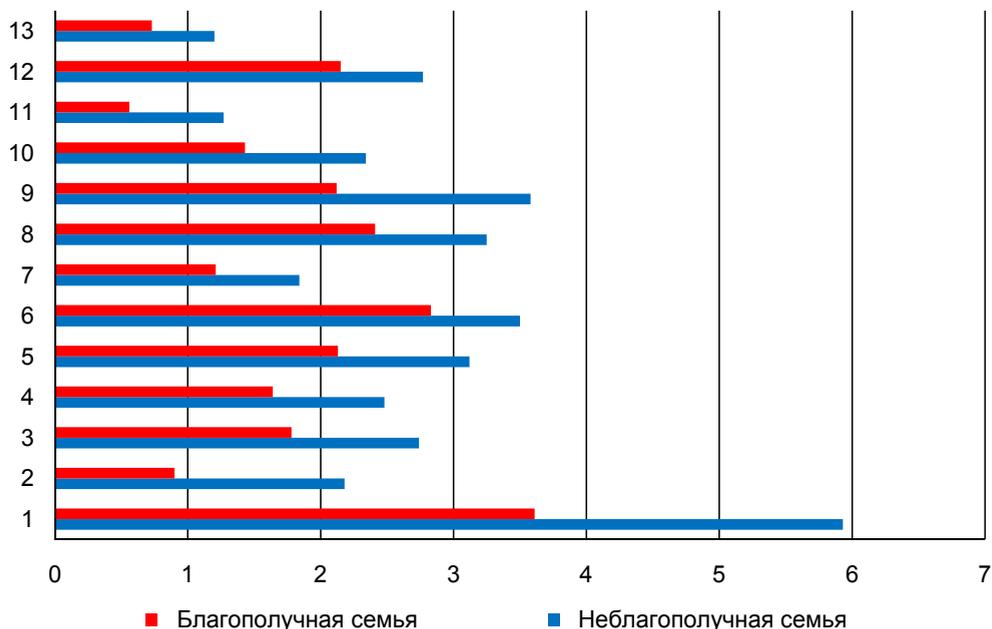

Рис. Показатели взаимоотношений в семьях девиантных и нормативных подростков. Условные обозначения: 1 – гипопротекция; 2 – игнорирование потребностей подростка; 3 – недостаточность обязанностей подростка; 4 – чрезмерность требований-запретов (доминирование); 5 – недостаточность требований-запретов к ребенку; 6 – расширение сферы родительских чувств; 7 – предпочтение в подростке детских качеств; 8 – фобия утраты ребенка; 9 – неразвитость родительских чувств; 10 – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; 11 – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания; 12 – предпочтение мужских качеств; 13 – предпочтение женских качеств

На рисунке обозначены только те шкалы опросника, по которым имеются достоверные различия между семьями обеих групп респондентов (от $p \leq 0,05$ до $p \leq 0,001$). По всем статистически отличающимся шкалам показатели девиантных подростков имеют значения ниже, чем у нормативных подростков. Результаты, полученные по опроснику АСВ, свидетельствуют о том, что в благополучных и неблагополучных семьях отмечаются особенности семейного воспитания различной направленности.

В семьях девиантных подростков преобладает тип негармоничного семейного воспитания (сочетание шкал «Г–, У–, Т–, З+–, С+–»), характеризующийся выраженным эмоциональным отвержением и/или гипопротекцией (гипоопекой): проявляется в жестоком обращении с ребенком, плохой переносимости его общества, нежелании иметь с ним дело или, в лучшем случае, поверхностном интересе к его делам (шкала НРЧ). В результате отрицательный микроклимат в семье обуславливает возникновение у подростков отчужденности, грубости, неприязни, стремления «все делать назло», вопреки воле окружающих, что создает объективные предпосылки для проявления демонстративного неповиновения взрослым, агрессивности и разрушительных действий.

Родительские чувства (шкала РРЧ) в семьях девиантных подростков часто проявляются в искаженной форме: уборке в комнате без его присутствия и без разрешения, осматривании карманов, нижнего белья, обвинении ребенка в грубой форме, что он мало

или совсем не помогает матери и т. д. С одной стороны, родители не присматривают за ребенком, он предоставлен сам себе, с другой – ему говорят, «что он еще маленький решать...», «его это не касается...», игнорируются его взрослеющие потребности в самостоятельности и т. д. (шкала ПДК). Такая двойственная позиция мешает подростку обрести доступ к внутренним ресурсам, которые помогли бы найти самостоятельный адекватный выход из сложных жизненных ситуаций, и ему трудно принимать ответственность за собственные поступки.

Шкалы «предпочтение мужских качеств» (ПМК) и «предпочтение женских качеств» (ПЖК) характеризуют отношение к ребенку в зависимости от его пола. При предпочтении женских (мужских) качеств в поведении родителей наблюдается неосознаваемое неприятие ребенка другого пола, что несомненно вызывает у подростка чувство тревожности и неполноценности, ненужности в своей семье.

Несмотря на то что часть родителей девиантных детей демонстрируют страх его потерять (шкала ФУ), этот страх скорее связан с боязнью потери источника материальных доходов: материнского капитала, ежемесячных денежных пособий и льгот, благотворительных подарков и т. д. Родители девиантов открыто проявляют недовольство воспитательными методами друг друга (шкала ВК). При этом каждого интересует не столько то, как воспитывать ребенка, сколько то, кто прав в «воспитательных» спорах. Они пытаются бороться с ленью, агрессивностью, курением и выпивкой подростка. При этом сами продолжают курить, выпивать, употреблять ненормативную лексику и т. д. (шкала ПНК).

Для выявления связи между особенностями развития компетенции саморегуляции у подростков с девиантным и нормативным поведением с типом семейной организации проводился корреляционный анализ данных, полученных по опросникам «Анализ семейных взаимоотношений» и «Стиль саморегуляции поведения». Полученные результаты были объединены в корреляционные плеяды. Наибольшие отличия между нормативными и девиантными подростками наблюдались во взаимосвязях регуляторных характеристик «гибкость», «программирование» и «самостоятельность». Несмотря на то что коэффициенты корреляции имеют среднюю и слабую силу из-за разбивки массива семей по шкалам опросника, их высокая достоверность позволяет провести обоснованный анализ результатов.

Шкала «гибкость» у нормативных подростков положительно связана со шкалой детско-родительских отношений «гиперпротекция» ($r = 0,27, p \leq 0,05$): чем выше гиперпротекция, чем более гибкая регуляция поведения. У девиантных подростков шкала «гибкость» отрицательно связана со шкалами детско-родительских отношений «минимальность санкций» ($r = -0,355, p \leq 0,01$), «воспитательная неуверенность родителей» ($r = -0,265, p \leq 0,05$), «вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания» ($r = -0,315, p \leq 0,05$): чем больше санкций по отношению к ребенку, чем больше воспитательная неуверенность родителей, чем больше конфликтов между членами семьи, тем меньше гибкость регулятивного поведения подростка, тем ниже компетенция саморегуляции поведения.

Шкала «программирование» у подростков с нормативным поведением отрицательно связана со шкалами детско-родительских отношений «потворствование» ($r = -0,33, p \leq 0,05$), «чрезмерность требований-запретов (доминирование)» ($r = -0,28, p \leq 0,05$): чем меньше чрезмерных требований и запретов при одновременном потворствовании в исполнении всех желаний ребенка, тем выше способность к программированию и тем выше саморегуляция его поведения.

У девиантных подростков шкала «программирование» отрицательно связана со шкалами детско-родительских отношений «чрезмерность требований-запретов (доминирование)» ($r = -0,263$, $p \leq 0,05$), «предпочтение в подростке детских качеств» ($r = -0,300$, $p \leq 0,05$), «предпочтение мужских качеств» ($r = -0,323$, $p \leq 0,05$): чем больше требований-запретов, чем больше желание родителей считать подростка маленьким ребенком, чем выше неосознаваемое неприятие ребенка женского пола, тем ниже способность подростка к программированию и регуляции своего поведения.

Выявленная отрицательная связь шкалы «самостоятельность» со шкалой «чрезмерность санкций» ($r = -0,269$, $p \leq 0,05$) свидетельствует о том, что чрезмерные санкции (жестокый стиль воспитания) отрицательно влияют на развитие компетенции саморегуляции подростка и снижают самостоятельное регулирование его поведения и психических состояний в различных ситуациях жизнедеятельности.

Выводы

1. Сформированность компетенции саморегуляции у подростков с девиантным поведением качественно отличается от таковой у их нормально развивающихся сверстников: регуляторные процессы и общий уровень саморегуляции девиантных подростков имеют в основном низкий и средний уровни развития.

2. Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о том, что в благополучных и неблагополучных семьях отмечаются особенности семейного воспитания различной направленности. В семьях девиантных подростков выявлен тип негармонического семейного воспитания, который в своей основе имеет выраженность эмоционального отвержения и/или гипопротекцию (гипоопеку); преобладает выраженность черт воспитательного характера через жестокое обращение и эмоциональное отвержение. В благополучных семьях преобладает тип воспитания, который может быть обозначен как доминирующая гиперпротекция.

3. Выявлена значимая связь между типом семейных взаимоотношений и развитием компетенции саморегуляции у девиантных и нормативных подростков. Наибольшие отличия между нормативными и девиантными подростками наблюдались во взаимосвязях таких компонентов детско-родительских взаимоотношений, как гиперпротекция, минимальность санкций, воспитательная неуверенность родителей, вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания, потворствование, чрезмерность требований-запретов (доминирование), предпочтение в подростке детских качеств, предпочтение мужских качеств, и регуляторных характеристик «гибкость», «программирование» и «самостоятельность».

4. Семейные взаимоотношения могут стать предпосылкой формирования специфических регуляторных особенностей осознанной саморегуляции у подростков, которые будут выступать в качестве ресурсов достижения/недостижения учебных, личных целей, проявления собственной активности, социализации и успешности в разнообразных видах деятельности.

5. Полученные в исследовании результаты могут быть использованы психологами, преподавателями и социальными работниками в работе с девиантными подростками и их семьями при разработке коррекционных, реабилитационных, адаптационных программ в образовательных организациях и социальных службах.

Список источников

1. Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Цыганов И. Ю. Осознанная саморегуляция и отношение к учению в достижении учебных целей. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 380 с.

2. Гапонова С. А., Деветьярова И. Н. Психологические компоненты компетенции саморегуляции у девиантных подростков // Известия РАО. 2014. № 2. С. 124–134.
3. Зейгарник Б. В., Холмогорова А. Б., Мазур Е. С. Саморегуляция в норме и патологии // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 2. С. 121–132.
4. Ганишина И. С. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних : учеб. пособие. М. ; Воронеж : Моск. психол.-соц. ин-т ; МОДЭК, 2006. 288 с.
5. Миславский Ю. А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М. : Педагогика, 1991. 151 с.
6. Гапонова С. А., Деветьярова И. Н. Коррекция девиантного поведения подростков во внешкольной деятельности // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4), № 3. С. 462–473.
7. Ульяновская У. В., Кисова В. В. Экспериментальное изучение формирования саморегуляции в структуре общей способности к учению у шестилетних детей с задержкой психического развития // Дефектология. 2001. № 1. С. 26–33.
8. Перебежнов В. Л., Юртаева Ю. О., Стародубец О. Д. Взаимосвязь девиантного поведения подростков и воспитания в неблагоприятной семье // Молодой ученый. 2019. № 21(259). С. 310–311.
9. Рыцарева Т. В. Индивидуально-психологические особенности подростков с разными типами отклоняющегося поведения и их связь с ценностными ориентациями родителей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 31 с.
10. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М. : Когито-Центр, 2015. 304 с.
11. Эйдемиллер Э. Г. Методы семейной диагностики и психотерапии : метод. пособие. М. ; СПб. : Фолиум, 1996. 63 с.

References

1. Morosanova, V. I., Fomina, T. G. & Cyganov, I. Ju. 2017, *Conscious self-regulation and attitude to learning in achieving educational goals*, Nestor-History, Moscow, St. Petersburg.
2. Gaponova, S. A. & Devet'jarova, I. N. 2014, 'Psychological components of self-regulation competence in deviant adolescents', *Izvestija RAO*, iss. 2, pp. 124–134.
3. Zejgarnik, B. V., Holmogorova, A. B. & Mazur, E. S. 1989, 'Self-regulation in norm and pathology', *Psychological Journal*, vol. 10, iss. 2, pp. 121–132.
4. Ganishina, I. S. 2006, *Dysfunctional family and deviant behavior of minors: textbook*, Moscow Psychological and Social Institute, MODEK, Moscow, Voronezh.
5. Mislavskij, Ju. A. 1991, *Self-regulation and personal activity in adolescence*, Pedagogy, Moscow.
6. Gaponova, S. A. & Devet'jarova, I. N. 2020, 'Correction of deviant behavior of adolescents in extracurricular activities', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 3, pp. 462–473.
7. Ul'enkova, U. V. & Kisova, V. V. 2001, 'Experimental study of the formation of self-regulation in the structure of general learning ability in six-year-old children with mental retardation', *Defectology*, iss. 1, pp. 26–33.
8. Perebejnosov, V. L., Jurtaeva, Ju. O. & Starodubec, O. D. 2019, 'The relationship of deviant behavior of adolescents and upbringing in an unfavorable family', *A young scientist*, iss. 21(259), pp. 310–311.

9. Rycareva, T. V. 2018, *Individual psychological characteristics of adolescents with different types of deviant behavior and their relationship with the value orientations of parents: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.

10. Morosanova, V. I. & Bondarenko, I. N. 2015, *Diagnostics of human self-regulation*, Cogito Center, Moscow.

11. Jejdemiller, Je. G. 1996, *Methods of family diagnostics and psychotherapy: methodical manual*, Folium, Moscow, St. Petersburg.

Информация об авторах

С. А. Гапонова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии;

И. Н. Деветьярова – магистр психолого-педагогического образования, заместитель директора по научно-методической работе.

Information about the authors

S. A. Gaponova – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Age and Educational Psychology;

I. N. Devet'jarova – Master of Psychological and Pedagogical Education, Deputy Director for Scientific and Methodological Work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 03.11.2023.

The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 03.11.2023.

Научная статья

УДК 343.85:159.9

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.630-646

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Екатерина Ивановна Ильянкova¹, Александр Владимирович Морозов²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, ekaterinapogodina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6067-5857>

² НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, doc_morozov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0516-0356>

Аннотация. В статье анализируется отечественный и зарубежный опыт по проблеме вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. Приводятся внешние и внутренние факторы, влияющие на совершение преступлений несовершеннолетними. Эмпирическая часть исследования представлена результатами контент-анализа судебных решений в отношении несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений, вынесенных в период с 2015 по 2022 год; психодиагностического обследования несовершеннолетних. Делается вывод о том, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления осуществляется посредством активных действий, направленных на формирование у него желания совершить общественно опасное деяние. Эти действия включают в себя различные формы психологического воздействия, избираемые дееспособным лицом в зависимости от личностных особенностей несовершеннолетних. Вовлечение в преступную деятельность связано с такими личностными особенностями несовершеннолетних, как отрицание общепринятых норм и правил, решительность, высокий волевой контроль, выраженная склонность к автономии и низкая потребность в одобрении общества, оторванность от реальности, ощущение одиночества.

Ключевые слова: личность, личностные особенности, несовершеннолетний правонарушитель, вовлечение в преступную деятельность, уязвимость, влияние

Для цитирования

Ильянкova Е. И., Морозов А. В. Личностные особенности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 4. С. 630–646. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.630-646.

Original article

PERSONAL CHARACTERISTICS OF MINORS INVOLVED IN THE COMMISSION OF A CRIME

Ekaterina Ivanovna Il'jankova¹, Aleksandr Vladimirovich Morozov²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, ekaterinapogodina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6067-5857>

² Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, doc_morozov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0516-0356>

Abstract. The article analyzes domestic and foreign experience on the problem of involving minors in the commission of crimes. The external and internal factors influencing the commission of crimes by minors are given. The empirical part of the study is presented by the results of content analysis of court decisions concerning minors involved in the commission of crimes committed in the period from 2015 to 2022; psychodiagnostic examination of minors. The authors come to the conclusion that the involvement of a minor in the commission of a crime is carried out through active actions aimed at forming his desire to commit a socially dangerous act. These actions include various forms of psychological influence, chosen by a capable person depending on the personal characteristics of minors. Involvement in criminal activity is associated with such personal characteristics of minors as denial of generally accepted norms and rules, determination, high volitional control, a pronounced tendency to autonomy and a low need for the approval of society, isolation from reality, a sense of loneliness.

Keywords: personality, personality traits, juvenile delinquent, involvement in criminal activity, vulnerability, influence

For citation

Il'jankova, E. I. & Morozov, A. V. 2023, 'Personal characteristics of minors involved in the commission of a crime', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 630–646 doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.630-646.

Проблема преступности несовершеннолетних не теряет своей актуальности и выступает в качестве предмета психологических, социологических, педагогических и юридических исследований. Возрастные особенности несовершеннолетних обуславливают их уязвимость, под которой понимается подверженность воздействию, базирующаяся при определенном сочетании индивидуально-психологических особенностей личности: неустоявшаяся психика; трансформация мотивационной структуры; несформированность системы ценностей; низкие адаптивные возможности.

Социальная и психологическая незрелость вызывает состояние зависимости, которое под воздействием неблагоприятных внешних и внутренних факторов может выражаться в различных формах криминального участия [24]. Фокус нашего внимания направлен на выявление личностных особенностей несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность, а также психологических аспектов влияния преступного воздействия взрослых на личность несовершеннолетних.

Для выявления психологических аспектов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность необходимо рассмотреть правовую основу данного явления. Формирование правового сознания несовершеннолетнего происходит в ситуации трансформации общепринятых ценностей [12], осложнения социально-экономических и политических условий общественного развития, в результате чего происходит отстранение от следования общепринятым институтам общества (семья, школа и т. д.), что обуславливает расширение границ воздействия негативных явлений на развивающуюся личность.

Недостаточная эффективность мер, принимаемых обществом и государством по противодействию преступности несовершеннолетних, подтверждается статистическими показателями. Так, за 2022 г. среди выявленных лиц, совершивших преступления, доля несовершеннолетних преступников составила 3,2 % (26 305 чел.). В составе группы несовершеннолетних совершили 44,7 % (11 758) выявленных преступлений. Для сравнения, применительно к общей преступности доля групповых преступлений составляет 12,4 %. Число установленных фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 150 УК РФ) составило 1237¹.

Понятие «вовлечение в преступную деятельность» не раскрывается в нормативных актах в содержательном аспекте – законодателем лишь устанавливаются способы его совершения: обещание, обман, угроза или иное, что находит отражение в дефиниции ч. 1 ст. 150 УК РФ [6]. Вместе с тем именно юридически верное толкование данного понятия и обозначение его признаков позволили бы выработать единый подход к его применению на практике. В. М. Лебедевым под вовлечением в преступную деятельность понимаются активные действия дееспособного лица, заключающиеся в формировании у несовершеннолетнего желания совершить или принять участие в совершении преступления [8]. Пробуждение данного желания осуществляется посредством психологического воздействия, которое может быть реализовано в кратковременном или пролонгированном аспекте. Умысел при вовлечении всегда прямой и выражается в активных действиях по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления.

Проведенный нами анализ 839 судебных решений по уголовным делам о преступлениях, возбужденных по ст. 150 УК РФ, вынесенных в период с 2015 по 2022 год, показал, что несовершеннолетние вовлекаются в совершение преступлений, предусмотренных:

- ст. 228 УК РФ («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов...») – 41 %;
- ст. 158 УК РФ («Кража») – 39 %;
- ст. 161 УК РФ («Грабеж») – 16 %;
- ст. 162 УК РФ («Разбой») – 16 %;
- ст. 131–135 УК РФ (преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности) – 1,4 %;
- ст. 105 УК РФ («Убийство») – 0,83 %.

Нередко несовершеннолетние вовлекаются в совершение одновременно нескольких преступлений. Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что значительная часть всех перечисленных преступлений (41 %), в которые вовлекаются несовершеннолетние, сосредоточены в сфере наркоторговли.

Преступники, вовлекая несовершеннолетних в совершение преступления, используют одновременно несколько способов воздействия:

¹ См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 13.02.2023).

- обман и злоупотребление доверием – 64 %;
- обещание – 48 %;
- угроза – 7 %;
- иные способы – 4 %.

Путем обещания несовершеннолетние вовлекаются в корыстные и корыстно-насильственные преступления, путем обмана и обещания – в преступления в сфере наркоторговли, путем угрозы – в причинение вреда здоровью, убийства и изнасилования.

87 % несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений, достигли возраста привлечения к уголовной ответственности (средний возраст составил $17 \pm 0,6$ лет). В совершение преступлений вовлекаются преимущественно лица мужского пола. Случаи вовлечения несовершеннолетних женского пола единичны (не более 4 %).

Следует отметить, что сложность доказывания, отсутствие свидетелей, противостояние объективному и справедливому расследованию со стороны подозреваемого способствуют уклонению от уголовной ответственности по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность. Обществом и государством вырабатывается система профилактических мер противодействия преступности несовершеннолетних, однако она в основном сосредоточена на устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предотвращении повторного совершения правонарушений со стороны лиц, состоящих на профилактическом контроле в ОВД, но во внешне благополучных семьях ситуация нередко выходит из-под контроля.

J. M. Hill, A. J. Blokland, V. R. Van der Geest уверены, что делинквентности способна противостоять именно высокая степень доверия в отношениях с родителями, но не демонстрируемая внешне благополучность семьи [26]. Э. В. Заурова отмечает, что общение несовершеннолетних осужденных женского пола с родителями было сведено к формальному, равнодушному или характеризовалось полным доверием: «Не исключено, что факт излишней автономности и послужил одной из причин преступления...» [4, с. 305].

Влияние родителей на формирование криминальной вовлеченности несовершеннолетних подчеркивается в ряде зарубежных исследований [23, 28]. Стоит отметить, что родительский фактор не оказывает непосредственного влияния на преступность среди несовершеннолетних, а является эффективным посредником. В соответствии с теорией дифференциальных ассоциаций ребенок с раннего возраста узнает, какие ценности, отношения, убеждения и поведение ценятся, а какие критикуются. Девiantное, благоприятствующее отклонениям и разрешающее отклонения от норм воспитание способно вызвать не только девиантное, но и делинквентное поведение у несовершеннолетних [11].

Всестороннее изучение феномена вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность требует рассмотрения психологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей. Преступность несовершеннолетних – это составная часть преступности, однако она обладает специфическими особенностями, которые позволяют выделить ее в отдельный предмет исследования. Как отечественные, так и зарубежные исследователи практически единодушны в своем мнении о том, что преступность несовершеннолетних обусловлена взаимодействием внешних (кризис родительской семьи, социальное неравенство, социально-педагогическая некомпетентность взрослых, лояльность системы правосудия, несовершенство системы профилактики и др.) и внутренних (соматических, психофизиологических, психологических и социально-психологических) факторов [3, 22, 27].

Наличие невропатологических и патопсихологических симптомов (нарушение сна, речи, аффективность, повышенная тревожность), отставание в физическом развитии, дефекты внешнего вида, сниженный уровень интеллектуального развития детерминируют сложности в процессе обучения, взаимодействия со сверстниками и педагогами, что, в свою очередь, затрудняет приобретение социального опыта [7]. Чаще всего несовершеннолетний правонарушитель характеризуется устойчивыми привычками, склонностями и стереотипами антисоциального поведения:

- открытое пренебрежение социальными нормами (использование нецензурной лексики в речи, распитие спиртосодержащих напитков в общественных местах, некорректное поведение в отношении граждан, повреждение общественного имущества);
- различные формы аддиктивного поведения (алкогольная, никотиновая, наркотическая зависимость, пристрастие к азартным играм);
- бродяжничество, систематические побеги из дома, учебно-воспитательных и иных учреждений;
- раннее вступление в сексуальные отношения, сексуальная распушенность;
- типичные негативные эмоциональные проявления: злобность, мстительность, грубость, насилие в отношении других;
- открытое противостояние требованиям родителей, регулярные ссоры в семье;
- демонстрация испытываемой враждебности по отношению к просоциальным группам несовершеннолетних (отличникам, представителям патриотических и иных объединений) [8].

Говоря об эмоционально-волевой сфере личности несовершеннолетних правонарушителей, следует отметить недостаточность развития таких личностных ресурсов, как эмпатия, сензитивность. Напротив, достаточно высоки показатели импульсивности, агрессивности, аффективности. Наблюдается эмоциональная холодность, эмоциональная ригидность, явления эмоциональной «тупости».

Снижен эмоционально-волевой компонент поведения. Теория социального контроля и ее версии (теория социальной связи, теория самоконтроля и возрастная теория неформального социального контроля) основываются на принципе, что общество как фактор окружающей среды обязывает людей соблюдать нормы и практиковать самоконтроль. При этом недостаточный самоконтроль связан с поведенческими и импульсивными проблемами, включая наркоманию, токсикоманию, насильственное поведение, преступность, сексуально-импульсивное поведение. Социальные связи в соответствии с положениями теории социального контроля направляют поведение индивида, сдерживая его импульсивные и девиантные побуждения. В качестве значимых аспектов и условий социальных связей несовершеннолетних выделяют привязанность к родительской семье, ее стабильность и благополучие, занятие на досуге какой-либо деятельностью совместно с детским коллективом и т. д. Деформация социальной привязанности обуславливает рост вероятности девиантных проявлений.

Преступное и девиантное поведение может быть объяснено низким уровнем самоконтроля. Согласно этой теории высокий уровень самоконтроля делает человека в меньшей мере склонным к совершению преступных действий, в то время как низкий уровень самоконтроля является причиной преступного поведения. Несовершеннолетние с низким уровнем самоконтроля склонны привносить свою преступную тенденцию во взрослую жизнь. Основными отличительными чертами, которые предрасполагают их к преступному поведению, являются импульсивность и нежелание учитывать последствия совершенного преступления [25].

Несмотря на разносторонность личностных особенностей несовершеннолетних (что следует учитывать при любом противодействии преступности среди несовершеннолетних), существуют типы несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений. Н. П. Яблоков выделяет три типа несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления:

- ситуативный (совершают преступление, как правило, один раз, в результате стечения обстоятельств, легкомыслия или неспособности выразить отказ);
- ситуативно-криминальный (совершение преступления происходит под влиянием способствующих тому обстоятельств, ему предшествуют различные девиации);
- последовательно криминальный (преимущественно планируется совершение преступления, несовершеннолетние имеют устойчивое противоправное поведение) [21].

Подобной классификации придерживается М. В. Лифанова, выделившая ситуативный, неустойчивый и опасный типы несовершеннолетних преступников [9]. Е. В. Пономарева, Н. А. Батраченко провели исследование нервно-психического здоровья подростков, находящихся на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Ими получены результаты, свидетельствующие о том, что для 12 % лиц характерны расстройства личности (психопатии), для 50 % – акцентуации характера. Процент акцентуированных личностей распределился следующим образом: 60 % несовершеннолетних свойственна акцентуация по неустойчивому типу; 20 % – по гипертимному типу. Наиболее яркими чертами указанных типов являются сниженный самоконтроль, эмоциональная лабильность, «отсутствие тормозов», чрезмерная подвижность, неустойчивость мотивов, целей и ценностей [13].

М. В. Шайкова выделила особенности мотивации преступного поведения несовершеннолетних:

- доминирование инфантильных мотивов совершения преступлений, вызванных стремлением удовлетворить любопытство, самоутвердиться, завоевать авторитет среди сверстников, «быть крутым» и пр.;
- преимущественная ситуативность при совершении преступления;
- наличие нарушений того или иного элемента мотивационно-потребностной сферы [19].

По мере взросления мотивационная сфера личности претерпевает серьезные изменения и на смену «детским» мотивам приходят мотивы, которые отражают осознанный конфликт между правонарушителем и социумом. Нарушения в ценностно-смысловой и мотивационных сферах, с одной стороны, выражают снижение интереса к учебной и профессиональной деятельности, а с другой – отражают повышенное влечение к отдыху, проведению досуга, обладанию модными аксессуарами. Досуг нередко включает в себя употребление алкогольных и наркотических средств. Совершаемые правонарушения часто направлены на удовлетворение гипертрофированных досуговых потребностей и интересов.

Вовлечение несовершеннолетнего в преступление осуществляется дееспособным лицом посредством активных действий, направленных на формирование у несовершеннолетнего желания его совершить. Активные действия включают в себя различные формы психологического воздействия, избираемые дееспособным лицом в зависимости от индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних. Анализ личностных особенностей несовершеннолетних, вовлекаемых в преступление, позволяет выработать наиболее эффективные превентивные меры групповой и индивидуальной

воспитательной работы, формы, методы и способы психологической коррекции, обеспечивающие снижение вероятности повторного совершения преступных деяний и исправление несовершеннолетнего, возвращение просоциальной направленности его деятельности.

Эмпирическое исследование было проведено нами в период с 2018 по 2022 год на базе Шекснинского специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа (Вологодская область), Сланцевского специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа (Ленинградская область), Колпинской воспитательной колонии УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по Пермскому краю, Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Центра социальной адаптации несовершеннолетних имени Святителя Василия Великого. В исследовании приняли участие 103 несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления.

Усредненный профиль личности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления, изученный при помощи методики СМИЛ Л. Н. Собчик [16], находится в диапазоне от 31 до 72,7 Т-балла (код профиля по Уэлшу: 8/4:6:1:2:9:7:3:5#0#F-K/L:) с ведущими шкалами:

- «индивидуалистичность» (8-я шкала СМИЛ, $66 \pm 21,8$ Т-балла);
- «импульсивность» (4-я шкала СМИЛ, 60 ± 18 Т-баллов);
- «ригидность» (6-я шкала СМИЛ, $59,5 \pm 17,4$ Т-балла);
- «пессимистичность» (2-я шкала СМИЛ, $58,9 \pm 11$ Т-баллов);
- «невротический сверхконтроль» (1-я шкала СМИЛ, $58,9 \pm 10,9$ Т-балла), который отражает смешанный тип реагирования и проблему подавленной враждебности.

Невысокие значения по шкале лжи «L» (49 ± 7 Т-баллов) и коррекции «K» ($51 \pm 6,9$ Т-балла) свидетельствуют о том, что обследуемые не стремятся приукрасить свой характер, при этом демонстрируют защитную реакцию на диагностическую ситуацию и желание повлиять на качество результатов. Подъем по шкале достоверности «F» ($72,7 \pm 13$ Т-балла) отражает состояние эмоционального дискомфорта, напряжения, внутренней дисгармонии (ощущение несчастливости), стремление привлечь к себе внимание с целью получения сочувствия и поддержки, а также их неуверенность в позитивном к себе отношении со стороны окружающих. Несоответствие представлений несовершеннолетнего об оценке окружающими его личности и реальной оценкой ими его личности способствует возникновению противоречий с социальной средой, проявлениям негативизма, что может приводить к различным отклонениям в поведении (рис.).

У 45 обследуемых (43,7 % от общей выборки) значения по шкале «невротический контроль» имеют вид акцентуации (77 ± 6 Т-баллов) и отражают сензитивно-тревожный тип личности, свидетельствуя о неадекватности самооценки, недостаточном общем самоконтроле, инфантильности, склонности избегать ответственности. Подобные результаты получены Г. К. Валицкас и Ю. Б. Гиппенрейтер, установившими, что именно стремление повысить самооценку и восстановить минимальный психологический комфорт является одной из движущих сил, определяющих вступление подростка на асоциальный путь развития [2]. Эмоциональная сфера при сочетанном подъеме 1-й, 2-й и 3-й шкал отличается лабильностью и противоречивостью (столкновением сдержанной пассивности с раздражительностью и демонстративностью), что увеличивает риск психосоматического варианта дезадаптации (предиспозиции к гастроэнтерологическим заболеваниям).

Усредненный профиль личностных особенностей
несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления

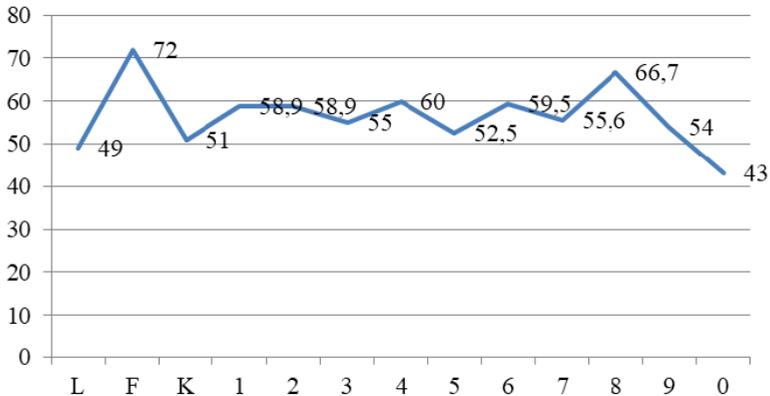

Рис. Усредненный профиль личностных особенностей несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления.

- Условные обозначения: L – шкала лжи; F – шкала лжи; K – шкала коррекции;
1 – «невротический сверхконтроль»; 2 – «пассивность»; 3 – «демонстративность»;
4 – «импульсивность»; 5 – «мужественность-женственность»; 6 – «ригидность»;
7 – «тревожность»; 8 – «индивидуалистичность»;
9 – «оптимизм»; 0 – «социальная интроверсия».

У 25 несовершеннолетних (25,2 % от общей выборки) значения по 2-й, 3-й и 8-й шкалам находятся на уровне выше 55 Т-баллов, что характеризует их как лиц пессимистичных, эмоционально незрелых, зависимых от авторитетной личности, с выраженным индивидуализмом в выборе друзей и сферы интересов и плохой социальной приспособляемостью. Данный факт совпадает с исследованиями А. А. Федониной, которая установила, что личностная незрелость несовершеннолетнего правонарушителя оказывает влияние на его потенциальную способность и актуальную возможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий в виде снижения волевой регуляции деятельности [18].

У 56 обследуемых (54,4 % от общей выборки) низкие показатели 9-й шкалы (менее 35 Т-баллов) в невротоподобных профилях указывают на повышенную утомляемость, астенический тип реагирования с депрессивными переживаниями, трудности адаптации, мотивацию избегания неуспеха, а также тенденцию полагаться в решении проблем на волю случая, действия других людей или ситуативных факторов. По мнению А. А. Реана, «рассмотрение ситуативных факторов в качестве основных причин, детерминант (а не модуляторов) делинквентного поведения логически приводит к снятию ответственности с личности за такое поведение» [15, с. 107]. К ситуативным факторам, способствующим криминальному поведению, относят: обнаружение оставленных без присмотра вещей, виктимное поведение жертвы, неспособность выразить отказ от совершения противоправных действий при вовлечении в них и др.

У 43 несовершеннолетних (41,8 % от общей выборки) выявлены низкие показатели (менее 35 Т-баллов) 0-й шкалы (социальная интроверсия), которые сочетаются с повышенными значениями по 1-й ($58,9 \pm 10,9$ Т-балла) и 3-й ($55 \pm 10,2$ Т-балла) шкалам. Это

свидетельствует об их общительности, эмоциональной незрелости, непринужденности в выставлении напоказ своих характерологических особенностей, снисходительности к собственным недостаткам и отвержении социальных норм.

Представления несовершеннолетних о собственном будущем изучены при помощи проективной психодиагностической методики «Неоконченные предложения», разработанной А. М. Прихожан, используемой в объеме, требуемом для достижения цели исследования (блоки неоконченных предложений «Я хочу», «Я не хочу») [14], опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [17]. Анализ ответов, демонстрируемых несовершеннолетними в рамках методики «Неоконченные предложения», проведен в аспекте, характеризующем вероятность совершения преступлений в будущем.

В ответах 24 несовершеннолетних (23,3 % от общей выборки) представлены фразы, предполагающие совершение противоправных деяний в будущем. Респонденты как открыто, так и косвенно указывают на стремление продолжать противоправные действия. У 46 респондентов (44,7 % от общей выборки) фразы относительно собственного будущего имеют просоциальный характер: несовершеннолетние отмечают желание получить профессию, стать родителями, восстановить права на жилье и т. д. 30 опрошенных (32 % от общей выборки) не определились с планами на будущее, и их ответы сосредоточены в ближайшем времени, не связаны с организацией жизнедеятельности в будущем.

Корреляционные связи между личностными особенностями несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления, и представлениями о собственном будущем отражены в таблице 1.

Таблица 1

Структура корреляционных связей личностных особенностей и временной перспективы

	D	Pd	Pf	Sc	Ma
Будущее		- 0,37		0,58	0,61
Позитивное прошлое				0,38	
Негативное прошлое	0,56	0,44	0,39		
Гедонистическое настоящее		0,46			
Фаталистическое настоящее	0,49	0,41			

Анализ результатов, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод о том, что негативно оценивают собственное прошлое несовершеннолетние с депрессивными ($r = 0,56$), импульсивными ($r = 0,44$) и тревожными ($r = 0,39$) личностными особенностями: они подчеркивают неприятие по отношению к прошедшим событиям и желание изменить их, уверены в том, что в прошлом стечение обстоятельств отрицательно сказалось на организации их жизнедеятельности и привело к помещению в воспитательное учреждение.

Несовершеннолетние с ведущими депрессивными личностными особенностями отличаются повышенной ответственностью, что обуславливает формирование чувства вины и высокий уровень самокритики. Они резко негативно воспринимают себя в прошлом. При выраженных тревожных личностных особенностях несовершеннолетним свойственно демонстративное подчеркивание своего критичного восприятия собственного прошлого. Ведущие импульсивные личностные особенности обуславливают негатив

по отношению к прошлому как результат действия защитных механизмов и стремления сохранить высокий уровень самооценки. Им свойственно также отсутствие связи настоящего как с прошлым, так и с будущим ($r = 0,46$). Оценивать собственное поведение во временном аспекте они не стремятся.

Респонденты с оптимистичными ($r = 0,61$) и индивидуалистичными ($r = 0,58$) личностными особенностями демонстрируют выраженность целей и планов относительно собственного будущего. При этом первые уверены в том, что оно не будет связано с трудностями и повторением правонарушений, а в случае возникновения каких-либо проблем они будут успешно решены собственными силами. Последние в силу несформированных представлений о реальности, повышенной мечтательности демонстрируют, скорее, фантазийные представления. Примечательно, что исследователями Е. В. Мельник и Ю. В. Могилевской ранее были получены подобные результаты и установлено, что искаженные представления о будущем связаны со стрессом, дезадаптацией и воздействием защитных механизмов [10].

Позитивное восприятие собственного прошлого связано с индивидуалистичными ($r = 0,38$) личностными особенностями, как и в случае позитивного восприятия будущего, связано с отрывом от реальности. И. Б. Балюкова и А. А. Лукашова подчеркивают, что указанные тенденции свойственны большинству подростков с отклоняющимся поведением: они не застревают на собственном прошлом, предпочитают игнорировать большинство негативных воспоминаний, что обуславливает наличие только позитивных, теплых воспоминаний [1].

Отношение к своему настоящему как данному свыше, не зависящему от воли субъекта, свойственно несовершеннолетним с депрессивными ($r = 0,49$) и импульсивными ($r = 0,41$) личностными особенностями. Для обеих категорий лиц это в первую очередь обеспечивает поддержание самооценки. Кроме того, лица с депрессивными личностными особенностями склонны озвучивать подобные мысли в целях поиска поддержки, внимания и понимания, а ведущие импульсивные особенности обуславливают склонность жить настоящим моментом, не обращаясь ни к своему прошлому, ни к будущему.

Склонность к отклоняющемуся поведению изучена с использованием одноименной методики А. Н. Орла [5]. В ходе проведенного анализа установлено, что несовершеннолетние демонстрируют наличие в различной степени склонности к представленным в методике видам отклоняющегося поведения:

- преодоление норм и правил ($52,5 \pm 9,7$);
- аддиктивное поведение ($56,3 \pm 3,9$);
- самоповреждающее, саморазрушающее поведение ($55,5 \pm 7,8$);
- делинквентное поведение ($61,6 \pm 11$);
- агрессия и насилие ($52,5 \pm 8,5$);
- сопутствующее сниженному контролю эмоциональных реакций ($61,4 \pm 11,5$).

Данные, полученные при обработке служебной шкалы установки на социальную желательность (44 ± 6), свидетельствуют о низкой и умеренной склонности обследуемых к даче социально-желательных ответов, что позволяет интерпретировать полученные результаты и использовать их для дальнейшего анализа.

В результате корреляционного анализа установлен ряд связей, свидетельствующих о влиянии личностных особенностей на склонность к отклоняющемуся поведению (табл. 2).

Таблица 2

**Структура корреляционных связей личностных особенностей
и склонности к отклоняющемуся поведению**

	D	Hу	Pd	Mf	Pa	Pf	Sc	Ma	Si
Склонность к аддиктивному поведению					0,27	0,26	0,28	0,27	
Склонность к агрессии и насилию	0,27	0,25	0,33	0,33	0,35	0,35	0,38	0,33	
Склонность к волевому контролю эмоциональных реакций		0,26	0,37	0,33	0,35	0,39	0,35	0,39	0,29
Склонность к делинквентному поведению		0,25	0,37	0,33	0,35	0,37	0,35	0,39	0,29

Анализ результатов, представленных в таблице 2, позволяет сделать вывод о том, что несовершеннолетним с депрессивными личностными особенностями (2-я шкала, «D») свойственна выраженная склонность к агрессии и насилию, что на первый взгляд вызывает достаточно противоречивое отношение. Однако внимательное изучение описания шкалы, представленного Л. Н. Собчик, дает возможность заключить, что агрессия и насилие по отношению к окружающим позволяют стабилизировать самооценку, низкий уровень которой является личностным свойством. Агрессия воспринимается как способ выхода из фрустрирующей ситуации и быстрого решения проблем в социальной среде.

Наличие склонности к агрессии и насилию выявлено у ряда несовершеннолетних с иными ведущими шкалами СМИЛ, что, по нашему мнению, может быть связано:

– с демонстративными личностными особенностями (шкала 3, «Hу») – тенденцией к признанию и положительной оценке со стороны окружающих, что позволяет использовать агрессию к определенным лицам как способ достижения особого социального статуса ($r = 0,27$);

– психопатийными личностными особенностями (шкала 4, «Pd») – преобладанием спонтанности, несдержанности и вспыльчивости в поведении и пренебрежением общепринятыми нормами и правилами, ($r = 0,25$);

– женственными личностными особенностями (5-я шкала, «Mf») – тенденцией сокрытия от окружающих, среди которых преобладающее число подростков с ненормативным поведением, своей «женской» природы, чувствительности, сентиментальности. Не исключено, что проявления агрессии в противоречие собственного характера приводят к последующим переживаниям, провоцируя дестабилизацию эмоционального состояния, ($r = 0,33$);

– паранойяльными личностными особенностями (6-я шкала, «Pa») – повышенной подозрительностью и чувством соперничества, преувеличением враждебности по отношению к ним ($r = 0,33$);

– тревожными личностными особенностями (7-я шкала, Pf) – глубокой потребностью в одобрении собственной личности и поведения со стороны окружающих: агрессия в среде подростков обеспечивает максимально быстрое завоевание положительного мнения, оцениванию как бесстрашного, но представляющего угрозу, в связи с чем окружающие подростки могут стремиться не вступать в конфликты с данной личностью ($r = 0,35$);

– индивидуалистичными личностными особенностями (8-я шкала, Sc) – отсутствием эмоциональной привязанности к окружающим, позволяющей при определенных условиях совершать акты насилия и агрессии по отношению к ним ($r = 0,38$);

– оптимистичными личностными особенностями (9-я шкала, Ma) – пренебрежением и раздражительностью в отношении других, рискованностью как личностным свойством, а также уверенностью в собственном преимуществе над кем-либо ($r = 0,33$).

Для всех перечисленных лиц, за исключением представителей ведущей депрессивной шкалы, свойствен сниженный эмоциональный контроль, что позволяет проявлять акты агрессии и насилия под влиянием ситуационных факторов. Склонность к аддиктивному поведению демонстрируют несовершеннолетние:

- с паранойяльными личностными особенностями (6-я шкала, Pa; $r = 0,27$);
- тревожными личностными особенностями (7-я шкала, Pf; $r = 0,26$);
- индивидуалистичными личностными особенностями (8-я шкала, Sc; $r = 0,28$);
- оптимистичными личностными особенностями (9-я шкала, Ma; $r = 0,27$).

Указанных лиц объединяет стремление к уходу от реальности, одним из способов которого является изменение собственного психического состояния. Решение личностных проблем, ориентация на чувственную сторону жизни обуславливают возникновение у них склонности к аддиктивному поведению.

Склонность к делинквентному поведению несовершеннолетних в рамках данной методики представляет собой наличие «делинквентного потенциала», реализуемого несовершеннолетним при определенных жизненных обстоятельствах и недостаточном социальном контроле. А. Н. Орел в описании психодиагностического инструмента указывает на важность ситуативных факторов в совершении правонарушения. Иными словами, определенная совокупность «делинквентных» личностных характеристик может проявляться у ряда несовершеннолетних, однако к совершению преступления она приводит лишь под воздействием жизненной ситуации.

Субъективное ощущение одиночества у несовершеннолетних изучено нами при помощи одноименной методики Д. Рассела, М. Фергюсона. Структура корреляционных связей личностных особенностей и субъективного ощущения одиночества представлена в таблице 3.

Из данных таблицы 3 видно, что ощущение одиночества у несовершеннолетних с повышенными показателями по шкале демонстративности (3-я шкала, «Ну»; $r = 0,27$) может быть связано с внутренней потребностью находиться в центре внимания и поверхностностью в социальных связях, что при попадании в ситуации вне внимания окружающих приводит к переживаниям относительно значимости своей личности в референтной группе. Как указывает Л. Н. Собчик, при возникновении подобных экзистенциальных переживаний несовершеннолетние склонны демонстрировать нестандартные модели поведения, что в совокупности со склонностью к делинквентному поведению может приводить к выбору данной поведенческой модели [16].

Таблица 3

**Структура корреляционных связей личностных особенностей
и субъективного ощущения одиночества**

	Hu	Pd	Pa	Sc	Ma
Субъективное ощущение одиночества	0,27	0,31	0,32	0,30	0,31

Несовершеннолетние с импульсивными личностными особенностями (4-я шкала, «Pd»; $r = 0,31$) могут обращаться к размышлениям о собственном одиночестве ввиду

повышенного эгоцентризма и стремления к доминированию. Неудовлетворение потребности в восхвалении и подражании может приводить к острому чувству собственной ненужности, предвещающему ощущение одиночества.

Ригидность среди ведущих шкал (6-я шкала, «Pa»; $r = 0,27$) характеризуется стремлением к организации людей за собой, регулированию созданных организованных групп, однако постепенное накопление негативных эмоций, злопамятство и упрямство не позволяют несовершеннолетним приобрести тот статус, к которому они стремятся. Вероятно, это и выступает в качестве фактора, способствующего развитию субъективного ощущения одиночества.

Ощущение одиночества лицами с индивидуалистическими личностными особенностями (8-я шкала, «Sc»; $r = 0,30$) может быть результатом ограниченных эмоциональных проявлений по отношению к окружающим, подавления собственных чувств и повышенной тревожности в совокупности с уязвленным самолюбием и индифферентным отношением к жизни вплоть до негативного (вызывающего состояние несчастья и обреченности).

Несовершеннолетние с оптимистическими личностными особенностями (9-я шкала, «Ma»; $r = 0,27$), обладая поверхностным отношением к окружающим, пренебрежением их чувствами и конфликтностью в совокупности с отсутствием обид, не всегда способны к установлению дружеских или хотя бы доверительных социальных контактов, что не обеспечивает их желание пребывать в центре внимания. Указанные характеристики могут приводить к субъективному ощущению одиночества.

Потребность в ощущениях у несовершеннолетних изучена нами при помощи шкалы поиска ощущений М. Цукермана [20]. Отметим, что согласно описанию методики, представленному автором, высокий уровень развития потребности в ощущениях может способствовать позволяющим его удовлетворить проявлениям асоциального и противоправного поведения. В результате корреляционного анализа установлен ряд связей, свидетельствующих о влиянии личностных особенностей на потребность в ощущениях (табл. 4).

Анализ результатов, представленных в таблице 4, позволяет сделать вывод о том, что потребность в ощущениях у несовершеннолетних с депрессивными личностными особенностями (2-я шкала, «D»; $r = 0,30$) может являться результатом внешнего воздействия социально значимых лиц, поскольку характеристика личности представлена преимущественно пассивной жизненной позицией, которая может искусственно маскироваться при желании поддерживать определенный достигнутый социальный статус.

Таблица 4

Структура корреляционных связей личностных особенностей и потребности в ощущениях

	D	Pd	Pa	Pf	Sc	Ma
Потребность в ощущениях	0,30	0,28	0,31	0,29	0,29	0,26

Ведущие показатели по шкале импульсивности (4-я шкала, «Pd»; $r = 0,28$), и ригидности (6-я шкала, «Pa»; $r = 0,31$), характеризующие личность как склонную к раскованности и спонтанности при пренебрежении социальными нормами, способствуют развитию высокого уровня потребности в ощущениях.

Потребность в ощущениях может быть связана со стремлением к получению социального одобрения при ведущих тревожных личностных особенностях (7-я шкала,

«Pf»; $r = 29$), оторванностью от реальности и склонностью к выдвижению новых идей и подходов (8-я шкала, Sc; $r = 29$), беззаботностью, высоким уровнем жизненного тонуса и активности при оптимистичных личностных особенностях (9-я шкала, Ma).

Основываясь на результатах проведенного нами исследования, полагаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Вовлечение в преступную деятельность связано с такими личностными особенностями несовершеннолетних, как отрицание общепринятых норм и правил, решительность, высокий волевой контроль, выраженная склонность к автономии и низкая потребность в одобрении общества, оторванность от реальности, ощущение одиночества.

2. Сформированная потребность в экстремальных ощущениях, бесконтрольное влечение к необычным, новым впечатлениям, отсутствие цели в жизни при высоком уровне агрессии, насилия по отношению к окружающим определяют раскрытие делинквентного потенциала, обуславливающего податливость при преступном воздействии взрослого.

3. Сложности в планировании будущего, вызванные неспособностью эффективно адаптироваться к новым условиям и неудовлетворенностью жизненных потребностей, несформированность представлений о будущем, выявленные у несовершеннолетних, приводят к неспособности ставить и достигать цели, дезорганизации, неэффективности деятельности и искажению идентичности, что способствует уязвимости при вовлечении в преступную деятельность.

4. Отрыв от реального оценивания событий прошлого и будущего, повышенная мечтательность, уход от реальности не позволяют реально воспринимать свое будущее, дают несовершеннолетнему возможность фантазировать и ставить грандиозные цели. Событие правонарушения в индивидуальных беседах игнорируется либо объясняется субъектом независимостью от него и его ресурсов.

Список источников

1. Балюкова И. Б., Лукашова А. А. Жизненные перспективы подростков с девиантным поведением // Психолого-педагогические проблемы девиантного поведения личности: исследования, профилактика, преодоление : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Псков, 2020. С. 15–21.

2. Валицкас Г. К. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 45–55.

3. Гаврилов С. Т., Бородкина Т. А. Факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних в России // Территория науки. 2015. № 5. С. 156–158.

4. Заурова Э. В. Отношение несовершеннолетних осужденных женского пола к поведению и методам воспитания родителей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 3(78). С. 300–305.

5. Клейберг Ю. А. Социальная психология девиантного поведения. М. : Сфера, 2004. 191 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2018. Т. 1 : Общая часть. 316 с.

7. Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 61–66.

8. Лебедев А. В. Оценка нервно-психического состояния подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних // Психология и профилактика асоциального поведения несовершеннолетних / под ред. С. А. Беличевой. Тюмень : ТГУ, 1985. С. 47–58.

9. Лифанова М. В. Типология несовершеннолетних преступников // Вестник восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2018. № 1(93). С. 57–65.

10. Мельник Е. В., Могилевская Ю. В. Психологическое содержание мечты у подростков и юношей // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Междунар. науч. конф. / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 312–314.

11. Морозов А. В. Коррекционно-профилактические аспекты делинквентного и девиантного поведения несовершеннолетних // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. № 4(17). С. 4–11.

12. Морозов А. В. Психология аномальных социальных проявлений в современном обществе как дефект правосознания // Юридическая психология. 2006. № 1. С. 10–14.

13. Пономарева Е. В., Батраченко Н. А. Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. № 1(4). С. 78–80.

14. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М. : АНО «ПЭБ», 2007. 56 с.

15. Реан А. А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. 2015. № 4(20). С. 105–110.

16. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ. СПб. : Речь, 2000. 219 с.

17. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 101–109.

18. Федонкина А. А. Личностная незрелость несовершеннолетних правонарушителей в рамках нормального и аномального личностного развития : дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 156 с.

19. Шайкова М. В. Психологические технологии и стратегии работы социального психолога в школе // Педагогическое образование университетского типа: культурные традиции, современное состояние, взгляд в будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2013. С. 285–288.

20. Шкала поиска ощущений (М. Цукерман) // Альманах психологических тестов. М., 1995. С. 187–189.

21. Яблоков Н. П. Криминалистика. М. : Юрайт, 2017. 239 с.

22. Burt, C. H., Simons, R. L. & Gibbons, F. X. 2012, 'Racial discrimination, ethnic-racial socialization, and crime: a micro-sociological model of risk and resilience', *American Sociological Review*, vol. 77, iss. 4, pp. 648–677.

23. Cicerali, L. & Cicerali, E. 2018, 'Parental influences on youth delinquency', *Journal of Criminal Psychology*, vol. 8, iss. 2, pp. 138–149.

24. Finkelhor, D. 2007, 'Developmental victimology, the comprehensive study of child victimization', in R. C. Davis, A. J. Luirigio, S. Herman (eds), *Victims of Crime*, pp. 9–34, Sage Publications, Thousand Oaks, CA.

25. Gottfredson, M. R. & Hirschi, T. A 1990, *General Theory of Crime*, University Press, Stanford.

26. Hill, J. M., Blokland, A. A. J. & Van der Geest V. R. 2018, 'Risk factors for self-reported delinquency in emerging adulthood', *European journal of criminology*, Netherlands.

27. McGuire, J. 2004, *Understanding Psychology and Crime: Perspectives on Theory and Action*, Open University Press, Berkshire.

28. Thornberry, T. P., Lizotte, A. J., Krohn, M. D., Smith, C. A. & Porter, P. K. 2003, 'Causes and Consequences of Delinquency', in *Taking Stock of Delinquency, Longitudinal Research in the Social and Behavioral Sciences*, Springer, Boston.

References

1. Baljukova, I. B. & Lukashova, A. A. 2020, 'Life prospects of adolescents with deviant behavior', in *Psychological and pedagogical problems of deviant personality behavior: research, prevention, overcoming: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 15–21, Pskov.
2. Valickas, G. K. 1989, 'Self-esteem in juvenile offenders', *Psychology issues*, iss. 1, pp. 45–55.
3. Gavrilov, S. T. & Borodkina, T. A. 2015, 'Factors influencing juvenile delinquency in Russia', *Territory of Science*, iss. 5, pp. 156–158.
4. Zautorova, Je. V. 2019, 'The attitude of female juvenile convicts to the behavior and methods of parenting', *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, vol. 24, iss. 3(78), pp. 300–305.
5. Klejberg, Ju. A. 2004, *Social psychology of deviant behavior*, Sphere, Moscow.
6. Lebedev, V. M. (ed.) 2018, *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*, in 4 vols, vol. 1, General Part, Yurayt, Moscow.
7. Korolev, Ju. A. 2000, 'Family as a subject of Law', *Journal of Russian Law*, iss. 10, pp. 61–66.
8. Lebedev, A. V. 1985, 'Assessment of the neuropsychic state of adolescents registered with the Juvenile Affairs Inspectorate', in S. A. Belicheva (ed.), *Psychology and Prevention of antisocial behavior of minors*, pp. 47–58, TGU, Tjumen.
9. Lifanova, M. V. 2018, 'Typology of juvenile delinquents', *Bulletin of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy*, iss. 1(93), pp. 57–65.
10. Mel'nik, E. V. & Mogilevskaja, Ju. V. 2020, 'Psychological content of dreams in adolescents and young men', in S. V. Bupalova (ed.), *Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Modernity: Proceedings of the V International Scientific Conference*, pp. 312–314, Doneck.
11. Morozov, A. V. 2017, 'Correctional and preventive aspects of delinquent and deviant behavior of minors', *Issues of mental health of children and adolescents*, iss. 4(17), pp. 4–11.
12. Morozov, A. V. 2006, 'Psychology of abnormal social manifestations in modern society as a defect of legal consciousness', *Legal Psychology*, iss. 1, pp. 10–14.
13. Ponomareva, E. V. & Batrachenko, N. A. 2015, 'Psychological characteristics of the personality of juvenile offenders', *Spiritual situation of the time, Russia XXI century*, iss. 1(4), pp. 78–80.
14. Prihozhan, A. M. 2007, *Diagnostics of personal development of adolescent children*, ANO «PEB», Moscow.
15. Rean, A. A. 2015, 'Risk factors of deviant behavior: Family context', *National Psychological Journal*, iss. 4(20), pp. 105–110.
16. Sobchik, L. N. 2000, *Standardized multifactorial method of personality research SMIL*, Speech, St. Petersburg.
17. 'Adaptation of the questionnaire of the time perspective of the personality of F. Zimbardo' 2008, *Psychological Journal*, vol. 29, iss. 3, pp. 101–109.
18. Fedonkina, A. A. 2019, *Personal immaturity of juvenile offenders within the framework of normal and abnormal personal development: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
19. Shajkova, M. V. 2013, 'Psychological technologies and strategies of work of a social psychologist at school', in *Pedagogical education of university type: cultural traditions, current*

state, a look into the future: materials of the International Scientific and Practical Conference, pp. 285–288, Rostov-on-Don.

20. 'Sensation Search scale (M. Cukerman)' 1995, in *Almanac of psychological tests*, pp. 187–189, Moscow.

21. Jablovkov, N. P. 2017, *Criminalistics*, Yurayt, Moscow.

22. Burt, C. H., Simons, R. L. & Gibbons, F. X. 2012, 'Racial discrimination, ethnic-racial socialization, and crime: a micro-sociological model of risk and resilience', *American Sociological Review*, vol. 77, iss. 4, pp. 648–677.

23. Cicerali, L. & Cicerali, E. 2018, 'Parental influences on youth delinquency', *Journal of Criminal Psychology*, vol. 8, iss. 2, pp. 138–149.

24. Finkelhor, D. 2007, 'Developmental victimology, the comprehensive study of child victimization', in R. C. Davis, A. J. Luirigio, S. Herman (eds), *Victims of Crime*, pp. 9–34, Sage Publications, Thousand Oaks, CA.

25. Gottfredson, M. R. & Hirschi, T. A 1990, *General Theory of Crime*, University Press, Stanford.

26. Hill, J. M., Blokland, A. A. J. & Van der Geest V. R. 2018, 'Risk factors for self-reported delinquency in emerging adulthood', *European journal of criminology*, Netherlands.

27. McGuire, J. 2004, *Understanding Psychology and Crime: Perspectives on Theory and Action*, Open University Press, Berkshire.

28. Thornberry, T. P., Lizotte, A. J., Krohn, M. D., Smith, C. A. & Porter, P. K. 2003, 'Causes and Consequences of Delinquency', in *Taking Stock of Delinquency, Longitudinal Research in the Social and Behavioral Sciences*, Springer, Boston.

Информация об авторах

Е. И. Ильянкova – старший преподаватель-методист методического отдела управления учебно-методической работы;

А. В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about the authors

E. I. Ilyankova – старший преподаватель-методист методического отдела управления учебно-методической работы;

A. V. Morozov – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 27.02.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья

УДК 343.8:159.923

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.647-655

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРОЙ ОСУЖДЕННЫХ, СКЛОННЫХ К СУИЦИДУ

Олег Михайлович Писарев¹

¹ Томский ИПКР ФСИН России, г. Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Аннотация. В статье рассматриваются возможные причины формирования суицидальных проявлений у лиц, находящихся в условиях социальной изоляции. Приведены статистические данные ФСИН России, указывающие на важность и своевременность решения пенитенциарных задач, относящихся к вопросам выявления суицидальных намерений у осужденных, а также актуальных факторов суицидального риска. Предлагается к обсуждению проблема влияния эмоциональной сферы личности на совершение суицидальных актов с учетом специфических обстоятельств отбывания уголовного наказания. Представлены результаты эмпирического исследования эмоциональной сферы осужденных с аутоагрессивным поведением с использованием валидного психодиагностического инструментария. Сформулирован вывод о том, что неустойчивость эмоциональных свойств личности влияет на повышение уровня суицидального риска. Подчеркивается важность проведения комплексной психологической работы с осужденными, склонными к суициду, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Ставится вопрос о необходимости совершенствования профессиональных компетенций персонала уголовно-исполнительной системы для снижения риска самоубийств и улучшения психического состояния осужденных.

Ключевые слова: осужденные, пенитенциарная среда, суицидальное поведение, эмоциональная сфера, психокоррекция, профилактика, исправительные учреждения

Для цитирования

Писарев О. М. Некоторые вопросы психологической работы с эмоциональной сферой осужденных, склонных к суициду // *Человек: преступление и наказание*. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 647–655. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.647-655.

Original article

SOME ISSUES OF PSYCHOLOGICAL WORK WITH THE EMOTIONAL SPHERE OF CONVICTS PRONE TO SUICIDE

Oleg Mihajlovich Pisarev¹

¹ Tomsk IPKR of the FPS of Russia, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Abstract. The article discusses the possible causes of the formation of suicidal manifestations in persons in conditions of social isolation. The statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia are presented, indicating the importance and timeliness of solving penitentiary tasks related to the identification of suicidal intentions in convicts, as well as actual factors of suicidal risk. It is proposed to discuss the problem of the influence of the emotional sphere of the individual on the commission of suicidal acts, taking into account the specific circumstances of serving a criminal sentence. The results of an empirical study of the emotional sphere of convicts with autoaggressive behavior using valid psychodiagnostic tools are presented. The conclusion is formulated that the instability of the emotional properties of the individual affects the increase in the level of suicidal risk. The importance of conducting comprehensive psychological work with suicidal convicts in institutions executing criminal penalties is emphasized. The question is raised about the need to improve the professional competencies of the staff of the penitentiary system to reduce the risk of suicide and improve the mental state of convicts

Keywords: convicts, penitentiary environment, suicidal behavior, emotional sphere, psychocorrection, prevention, correctional institutions

For citation

Pisarev, O. M. 2023, 'Some issues of psychological work with the emotional sphere of convicts prone to suicide', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 647–655, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.647-655.

Введение

Актуальность изучения суицидального поведения осужденных, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, обусловлена несколькими обстоятельствами: во-первых, необходимостью обеспечения конституционных прав осужденных на жизнь, достоинство личности, личную безопасность, охрану здоровья, а также предусмотренных в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации прав на медицинскую и психологическую помощь; во-вторых, поиском факторов (маркеров) суицидального риска у осужденных для предупреждения суицидального поведения в местах лишения свободы; в-третьих, созданием эффективной системы профилактики и коррекции суицидального поведения [1, с. 154].

Нахождение в местах лишения свободы представляет собой достаточно тяжелый отрезок в жизни любого человека, совершившего уголовно наказуемое деяние. Осужденные испытывают целый комплекс негативных эмоциональных переживаний, вызванных как внешними, так и внутренними причинами. Современные пенитенциарные исследования показывают, что дезадаптация человека в пенитенциарной среде сопровождается «аффективной нестабильностью, конфликтностью, приводящими к нарушениям режима отбывания наказания, что, в свою очередь, стимулирует аутоагрессивные (суицидальные) проявления» [2, с. 61], а «условия отбывания наказания, психологический стресс, вызванный изоляцией, криминальная среда в местах лишения свободы являются мощными суицидальными факторами» [3, с. 53].

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (УИС) создана и функционирует система профилактики суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Вместе с тем, согласно данным обзора ФСИН России о состоянии работы по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых, осужденных, в 2022 г. в УИС зарегистрировано 256 случаев суицидов среди лиц, находящихся в местах лишения свободы. В сравнении с аналогичным периодом прошлого года количество суицидов увеличилось на 1,6 %, при этом уровень в расчете на 1 тыс. подозреваемых, обвиняемых, осужденных возрос с 0,53 в 2021 г. до 0,59 в 2022 г. В 2022 г. в учреждениях Сибирского федерального округа (СФО) был совершен 31 (АППГ – 33) суицид среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Общий показатель суицидов по СФО среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных в расчете на 1 тыс. чел. составил 0,43 (АППГ – 0,43), хотя в 2020 г. этот показатель составил 0,40, что указывает на незначительное увеличение числа суицидов – на 0,03 за последние два года в расчете на 1 тыс. чел. В отдельных территориальных органах СФО (Алтайский и Красноярский края, Иркутская и Омская области, Республика Тыва) на протяжении последних лет наблюдается высокий уровень суицидов в сравнении с общим показателем по СФО и Российской Федерации. При этом наибольшее количество суицидов совершается в период первоначальной адаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных к условиям изоляции. Это свидетельствует об имеющихся пробелах в профилактической работе, направленной на снижение уровня совершения суицидов, прогнозирование и профилактику возможных фактов аутоагрессивных проявлений среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Проблематика

Профилактика суицидов является одной из важнейших задач, стоящих перед пенитенциарными учреждениями. Совершенный акт суицида может привести к негативным последствиям, таким как повышение уровня напряженности в среде осужденных, снижение доверия к системе исполнения наказаний, а также к возможным правовым последствиям для ФСИН России в целом. Имеющиеся данные подтверждают актуальность организации и проведения с лицами, склонными к суициду, отбывающими уголовные наказания в местах лишения свободы, соответствующих психодиагностических и психокоррекционных мероприятий, направленных на своевременное выявление и профилактику аутоагрессивных тенденций, в том числе связанных с динамическими процессами, происходящими в эмоциональной сфере.

На протяжении долгого времени достаточно большое количество отечественных ученых пенитенциарного профиля (В. Г. Деев, И. С. Ганишина, А. А. Жарких, Э. В. Заутова, М. С. Козловская, С. В. Маришин, И. В. Михалева, М. В. Овсянникова, В. Г. Рогач,

М. А. Черкасова и др.) в своих исследованиях так или иначе касались вопросов изучения эмоционального состояния осужденных, находящихся в местах лишения свободы. В научных работах ставится акцент на том, что «наиболее часто переживаемыми состояниями осужденных являются усталость, депрессия (90 %), упрямство (75 %), несдержанность (85 %), чувство бесперспективности (80 %), наблюдается слабое регулирование неблагоприятных эмоций (85 %), отмечается зависимость эмоций от группового влияния (87 %)» [4, с. 192]. В свою очередь, наблюдения практических пенитенциарных психологов показывают, что поведение осужденных, склонных к суициду, отличается более высокой враждебностью и раздражительностью, чем поведение несуицидальных осужденных и психически здоровых людей. При этом эмоциональная картина осужденных, демонстрирующих аутоагрессивные тенденции, характеризуется хронической эмоциональной дисрегуляцией (неспособностью, даже приложив значительные усилия, эффективно влиять на свои эмоциональные переживания, действия, словесные и невербальные реакции и управлять ими). Локальный конфликт в какой-либо жизненной сфере может повлечь за собой мысли о крушении жизненных планов, а чрезмерная тревожность не позволяет объективно оценить проблемные ситуации, что затрудняет их решение и усугубляет общее психоэмоциональное состояние личности [5, с. 832].

Таким образом, одним из важнейших факторов для снижения уровня суицидального риска является работа с эмоциональной сферой осужденных, направленная на предотвращение суицидального поведения, а первым шагом на этом пути должно стать всестороннее изучение лиц, склонных к аутоагрессивным проявлениям в условиях социальной изоляции.

Исследование и результаты

С учетом актуальности рассматриваемой проблемы на базе ФКУ ИК-3 УФСИН России по Томской области в период с января по май 2023 года было проведено эмпирическое исследование, цель которого заключалась в изучении эмоциональной сферы осужденных, склонных к суицидальному поведению, с последующим анализом полученных результатов, которые лягут в основу разработки и реализации соответствующей психокоррекционной программы.

Для изучения эмоциональной сферы была сформирована выборка из 30 осужденных мужчин ($n = 30$) со склонностью к суицидальному поведению (совершившие многократные попытки самоповреждений, состоящие на учете у сотрудников психологической лаборатории учреждения). Были выбраны следующие инструменты: опросник суицидального риска (ОСР, авторы адаптации – А. Г. Шмелев, И. Ю. Белякова, 1992); адаптированный характерологический опросник К. Леонгарда (1970); методика «Импulsивность» (ИМП, автор-разработчик – Е. В. Ильин, 2000); шкала сниженного настроения W. Zung (SDS, 1965, в адаптации Т. Н. Балашовой); шкала эмоциональной возбудимости В. А. Braithwaite (Scale of Emotional Arousability, SEA, авторы адаптации – А. А. Рукавишников, М. В. Соколова, 1996). Обратим внимание на тот факт, что «психологическая диагностика индивидуально-психологических особенностей личности, склонной к суицидальным проявлениям, представляет собой значимый для дальнейшей коррекционной и профилактической работы подготовительный этап, поскольку позволяет на первоначальном этапе нахождения в карантинном отделении учреждения оперативно выявить лиц, требующих особого внимания» [6, с. 52].

Результаты эмпирического исследования до разработки психокоррекционной программы позволили сделать следующие выводы. Обработка данных по шкале эмоцио-

нальной возбудимости (SEA) показала, что у 80 % респондентов ($n = 24$) по всем показателям («общая эмоциональность», «робость», «отсутствие контроля над эмоциями», «гнев») отмечается средний уровень эмоциональной возбудимости. Однако у 20 % исследуемых ($n = 6$) была отмечена тенденция к высокой эмоциональной возбудимости по таким компонентам, как «общая эмоциональность», «робость», «отсутствие контроля над эмоциями». Для этих осужденных оказались более выраженными эмоциональная реактивность, эмоциональная чувствительность к неблагоприятным факторам, predisposedness к дистрессу, сниженный самоконтроль, склонность к аффективному реагированию. У них были выявлены низкие показатели по компоненту «робость», что может указывать на отрицательные аспекты личности и поведения. У этих осужденных могут проявляться выраженные эгоистические черты, неспособность к эмпатии, отсутствие ориентации на чувства окружающих. Как правило, осужденные испытывают определенные трудности и проблемы в процессе отбывания уголовного наказания.

По результатам методики ИМП нами отмечено, что у 18 респондентов (60 %) уровень импульсивности ниже средних значений, в то же время у 3 респондентов (10 %) он является высоким. Это свидетельствует о том, что у них более выражена тенденция к принятию недостаточно обдуманных, взвешенных решений. Их также отличает невысокая рефлексивность, эмоциональная неустойчивость. В данном случае можно прогнозировать дезадаптивное поведение в стрессовых ситуациях. В свою очередь, низкий уровень импульсивности характеризуется способностью человека контролировать свои эмоции и действия, а также учитывать последствия своих решений. Эти осужденные могут быть более осторожными и предусмотрительными в своих поступках, что помогает им избежать проблем и ошибок в процессе отбывания уголовного наказания. Однако низкий уровень импульсивности также может приводить к некоторым негативным последствиям. Например, человек может становиться слишком осторожным и избегать риска, что препятствует достижению целей и развитию. Он также может быть склонен к прокрастинации, откладыванию решения каких-либо проблем на потом.

Рассмотрим результаты, полученные с помощью методики ОСР, которая предназначена не только для диагностики интегрального показателя склонности к риску, но и для измерения его профиля по 9 шкалам. Показатели по шкалам «демонстративность», «аффективность», «несостоятельность», «социальный пессимизм», «антисуицидальный фактор» демонстрируют, что у 8 респондентов (27 %) они выше среднего значения. Это говорит о том, что для них характерно желание привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, восприятие себя как некомпетентного, ненужного, а мира как враждебного, не принимающего. В большинстве случаев готов реагировать на психотравмирующую ситуацию непосредственно, эмоционально. Все это усиливает проявление неадаптивных форм поведения. Однако у 10 % опрошенных ($n = 3$) присутствует фактор, который снижает суицидальный риск. Возможно, это понимание осужденным чувства долга и ответственности за близких или боязнь боли, физических страданий. Наличие сильных социальных связей, психологическая поддержка, даже религиозные убеждения могут помочь снизить риск суицидальных попыток. В силу этого понимание указанных факторов способствует формированию установок, направленных на возможное улучшение своей жизни в дальнейшем, в том числе после освобождения из учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Исследование с помощью методики Леонгарда позволило выявить более высокие показатели у 5 респондентов (17 %) по таким акцентуациям, как «педантичность», «эмо-

тивность», «дистимность». Следует также обратить внимание на то, что данные шкалы преимущественно имеют значения выше среднего. Это свидетельствует о том, что респонденты старательно, добросовестно относятся к своим обязанностям, многократно перепроверяют результаты работы и им сложно принимать решения, склонны к переживаниям, чувствительны и застенчивы. У 40 % респондентов ($n = 12$) преобладает такое свойство личности, как тревожность. Они чаще испытывают чувство страха, неуверенности по сравнению с другими респондентами. Для них характерны также робость, нерешительность и зависимость от референтных групп. У трех исследуемых (10 %) в большей степени преобладает экзальтированный радикал. Они демонстрируют бурные эмоциональные реакции, колебания настроения чаще, чем у других респондентов. Они способны глубоко отдаваться какому-либо делу, испытывая при этом особо приподнятое настроение. Однако в случаях неудач проявляют крайнюю пессимистичность в отношении будущего.

По результатам обработки шкалы сниженного настроения у всех респондентов (100 %) диагностируется состояние без выраженной депрессии. При этом низкие показатели отмечены у 20 % осужденных ($n = 6$). Это может указывать на то, что человек не испытывает постоянной грусти, уныния, беспокойства или безнадежности. Тем не менее средний уровень депрессии, наблюдаемый у большинства исследуемой выборки, говорит о том, что любые симптомы должны быть внимательно проанализированы и обсуждены с психологом.

Таким образом, неустойчивые эмоциональные свойства личности оказывают существенное влияние на повышение уровня суицидального риска. Анализ полученных в ходе проведенного исследования эмпирических данных позволяет говорить о необходимости развивать эмоциональную сферу у осужденных, склонных к суицидальному поведению, что легло в основу разработанной психокоррекционной программы, состоящей из восьми групповых занятий, которые проводились один раз в неделю. После завершения цикла групповых коррекционных мероприятий было проведено повторное диагностическое исследование с целью оценки их эффективности.

Результаты по методике SEA показали, что у всех 30 респондентов исследуемой выборки (100 %) отмечаются средние значения по шкалам «эмоциональная возбудимость», «общая эмоциональность» и «робость». Реализованная психокоррекционная программа повлияла на рост эмоциональной зрелости, социальной уверенности, фиксацию эмоционально-волевой стабильности осужденных. У трех респондентов (10 %) по шкалам «гнев» и «отсутствие контроля над эмоциями» диагностированы показатели выше среднего значения, что указывает на по-прежнему имеющиеся выраженные эмоциональные реакции, сопровождающиеся сниженным самоконтролем. По методике ИМП также у всех респондентов отмечается средний уровень импульсивности, что говорит о формировании способности обдумывать и взвешенно принимать решения в ситуациях эмоционального напряжения.

По результатам применения методики ОСР отмечается, что у шести респондентов (20 %) выше среднего значения по таким шкалам, как «демонстративность» и «антисуицидальный фактор». Они стремятся обратить внимание на себя и на свои проблемы, показать, как им трудно справляться с жизненными ситуациями. При этом антисуицидальный фактор в определенной степени способствует снижению уровня глобального суицидального риска. Вполне вероятно, что осужденные исследуемой выборки пришли к осознанию своих ценностей и жизненных целей, способствующему выстраиванию благоприятной картины своего будущего. По шкалам «аффективность», «несостоятель-

ность», «социальный пессимизм» и «суицидальный риск» у всех респондентов (100 %) выявлены средние значения, что свидетельствует о сформированной способности рациональной оценки психотравмирующей ситуации. Они также стараются обращать внимание на свои возможности, перспективы и менять свое восприятие мира в более положительную сторону.

Повторное исследование с помощью методики Леонгарда позволило выявить у семи респондентов (23 %) более выраженные показатели по шкале «циклотимия». Это позволяет говорить о периодических колебаниях настроения, а также о существующей зависимости от каких-либо внешних обстоятельств в процессе отбывания уголовного наказания. Для этой группы лиц также характерна выраженная изменчивость настроения. Например, какие-либо позитивные события (хорошие новости от родных, успех в учебной или трудовой деятельности) вызывают жажду деятельности, повышенную общительность, что достаточно благоприятно сказывается на самооценке осужденного. Негативные события вызывают подавленность, замедленность реакций и мышления, в отдельных случаях – формирование суицидальных мыслей. У четырех респондентов (13 %) выявлены значения выше среднего по шкалам «педантичность» и «тревожность». Следовательно, осужденные стали более старательно, добросовестно относиться к своим обязанностям, многократно перепроверяют результаты работы, поскольку существует определенная сложность в принятии важных решений. Респонденты чаще испытывают чувство страха, неуверенность по сравнению с другими респондентами. Для них характерны также робость, нерешительность и зависимость от референтных групп. У трех респондентов (10 %) наблюдаются значения выше среднего по шкале «возбудимость». Для них характерны недостаточная управляемость, ослабленный контроль над влечениями и побуждениями. Отмечается низкая контактность в общении, замедленность вербальных и невербальных реакций. По результатам обработки шкалы сниженного настроения изменений зафиксировано не было, у всех респондентов (100 %) по-прежнему диагностировалось состояние без выраженной депрессии.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что эмоциональная сфера личности играет большую роль в профилактике суицидальных проявлений осужденных, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы. С целью проведения эффективной психологической работы с осужденными-суицидентами необходимо осуществлять комплекс мер психологического характера, направленных на предотвращение возникновения психологических проблем, так или иначе влияющих на формирование аутоагрессивного поведения. Особое внимание следует обратить на развитие таких свойств личности, как самообладание, эмоциональная устойчивость, рефлексивность, гибкость, психическая устойчивость, которые снижают уровень суицидального риска, что было подтверждено в рамках проведенной работы по итогам реализации психокоррекционной программы. Не менее важным представляется обеспечение осужденным доступа к психологической помощи, включающей в себя индивидуальное консультирование, отдельные психотерапевтические элементы, психопрофилактические и психогигиенические мероприятия. Следует отметить, что персонал исправительных учреждений играет важную роль в профилактике суицидов. Сотрудники должны быть обучены методам общения с осужденными и уметь распознавать признаки возможных психологических проблем. Кроме того, персонал УИС должен создавать необходимые условия для обеспечения безопасности осужденных в процессе отбывания ими уголовного наказания и предотвращения возможных попыток суицида.

Список источников

1. Филимонова М. А. Проблема суицида и профилактики суицидального поведения осужденных в исправительных колониях // Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, исследования : сб. материалов Междунар. студ. науч.-практ. конф. / под ред. Е. Л. Солдатовой, А. С. Мальцевой. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2018. С. 153–159.
2. Диденко А. В., Писарев О. М., Аксенов М. М., Перчаткина О. Э. Особенности суицидального (аутоагрессивного) поведения у осужденных с расстройствами личности в период отбывания наказания в местах лишения свободы // Суицидология. 2019. № 10(3). С. 59–73.
3. Рогов А. В. Личность осужденного, склонного к суициду: общая характеристика и психологическая коррекция // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 1(200). С. 52–58.
4. Зауторова Э. В. Развитие эмоциональной сферы осужденных в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. Т. 1. С. 190–194.
5. Галкин И. В., Савинова Т. В. Исследование особенностей личности осужденных, склонных к суициду // Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований. Нефтекамск : Мир науки, 2020. С. 282–832.
6. Сочивко О. И. О проведении профилактики суицида среди осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 11(210). С. 50–54.

References

1. Filimonova, M. A. 2018, 'The problem of suicide and prevention of suicidal behavior of convicts in correctional colonies', in E. L. Soldatova, A. S. Maltseva (eds), *Psychology in a changing world: problems, hypotheses, research: collection of Materials of the International Student Scientific and Practical Conference*, pp. 153–159, SUSU Publishing Center, Cheljabinsk.
2. Didenko, A. V., Pisarev, O. M., Aksenov, M. M. & Perchatkina, O. Je. 2019, 'Features of suicidal (autoaggressive) behavior in convicts with personality disorders during the period of serving a sentence in places of deprivation of liberty', *Suicidology*, iss. 10(3), pp. 59–73.
3. Rogov, A. V. 2019, 'The personality of a convicted person prone to suicide: general characteristics and psychological correction', *Vedomosti of the penal enforcement system*, iss. 1(200), pp. 52–58.
4. Zautorova, Je. V. 2016, 'Development of the emotional sphere of convicts in places of deprivation of liberty', in *Penal Enforcement policy and issues of execution of criminal penalties: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference (Ryazan, November 24–25, 2016)*, in 2 vols, vol. 1, pp. 190–194, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan'.
5. Galkin, I. V. & Savinova, T. V. 2020, 'Investigation of the personality traits of suicidal convicts', in *Science, Education, Innovation: Approbation of Research Results*, pp. 282–832, World of Science, Neftekamsk.
6. Sochivko, O. I. 2019, 'On the prevention of suicide among convicts', *Vedomosti of the penal system*, iss. 11(210), pp. 50–54.

Информация об авторе

О. М. Писарев – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы.

Information about the author

O. M. Pisarev – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Organization of Personnel, Social, psychological and educational work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 08.08.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 08.08.2023; accepted for publication 02.11.2023.

Научная статья

УДК 343.819:159.9

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.656-667

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ И ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ МУЖЧИН, ПОМЕЩЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР

Елена Михайловна Разумова¹

¹ Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия, elena-naukpsy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5767-0759>

Аннотация. Статья посвящена исследованию защитных механизмов психики и особенностей личности подозреваемых и обвиняемых мужчин, помещенных в следственный изолятор уголовно-исполнительной системы. Изучены особенности использования защитных механизмов психики данными лицами. Анализ литературных источников показал, что рассматриваемая проблема является малоработанной как в теоретическом, так и в экспериментальном плане. В результате проведенного исследования установлены особенности личности, защитные механизмы, а также их связи у мужчин, находящихся в условиях групповой изоляции и на свободе.

Ключевые слова: психологические защиты, особенности личности подозреваемых, следственный изолятор, уголовно-исполнительная система

Для цитирования

Разумова Е. М. Психологические защиты и особенности личности подозреваемых и обвиняемых мужчин, помещенных в следственный изолятор // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 656–667. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.656-667.

Original article

PSYCHOLOGICAL DEFENSES AND PERSONALITY CHARACTERISTICS OF SUSPECTS AND ACCUSED MEN PLACED IN A PRE-TRIAL DETENTION CENTER

Elena Mihajlovna Razumova¹

¹ Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, Magnitogorsk, Russia, elena-naukpsy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5767-0759>

Abstract. The article is devoted to the study of the protective mechanisms of the psyche and personality characteristics of suspects and accused men placed in a pre-trial detention center of the penal system. The features of the use of the protective mechanisms of the psyche by these persons are studied. The analysis of literary sources has shown that the problem under consideration is poorly developed both theoretically and experimentally. As a result of the conducted research, personality characteristics, protective mechanisms, as well as their connections in men who are in group isolation and at large have been established.

Keywords: psychological protection, personality characteristics of suspects, pre-trial detention center, penal enforcement system

For citation

Razumova, E. M. 2023, 'Psychological defenses and personality characteristics of suspects and accused men placed in a pre-trial detention center', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 656–667, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.656-667.

Введение

В процессе жизнедеятельности человек регулярно сталкивается с ситуациями, вызывающими у него сильные переживания. Без «защитного костюма» это сильно отражалось бы на его психике. Еще З. Фрейд и А. Фрейд выделяли, а их последователи характеризовали существующие механизмы психологической защиты, указывая на то, что не всегда психологические защиты могут быть осознаны самим человеком, равно как и не всегда наблюдатель, особенно неопытный, может распознать ту или иную психологическую защиту, которая в настоящий момент применяется. При использовании человеком защитных механизмов принято выделять как ее достоинства, так и недостатки. Психологическая защита является одним из самых противоречивых механизмов, который одновременно способствует стабилизации личности и ее дезорганизации. Изучение используемого человеком защитного механизма обязательно связано с поиском причин формирования индивидуальных предпочтений и ее последствий для личности в обществе.

Научными исследованиями установлены типичные защитные механизмы, используемые людьми в стрессовых (экстремальных) ситуациях. К экстремальной ситуации относится и помещение человека в условия следственного изолятора, исправительного учреждения. Проводимые следственные и судебные действия несомненно будут

вызывать некоторое психологическое напряжение у подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу. Следование и соответствие всех возможных действий принятому распорядку и режиму дня также способствует сохранению состояния повышенного напряжения. Возникающие напряженные отношения с сокамерниками, исключительность быта в камере, безусловно, понижают их волевую активность и усиливают эмоциональную подавленность [1, с. 255].

Как и любой процесс адаптации, именно первый период изоляции – помещение в следственный изолятор – влечет за собой повышение уровня эмоциональной впечатлительности. Исследователи выделяют соответствующие фазы состояний как реакцию на условия изоляции: фаза отчаяния, фаза болезненной впечатлительности, фаза апатии и смирения [2, с. 299–309]. Одним из самых популярных психических состояний, характерных для подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, является состояние фрустрации, переживание, связанное с объективно непреодолимыми препятствиями и трудностями [2, с. 299–309]. Далее можно выделить состояние неопределенности – это одно из самых распространенных переживаний подозреваемых и обвиняемых, поскольку они находятся в ситуации еще пока не решенных вопросов, связанных с принятием решения о виновности и назначении наказания за содеянное. В зависимости от личностных качеств и типа темперамента человека, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, появление этого состояния и его переживание будут переноситься по-разному.

Отметим, что состояние тревоги доминирует у всех подозреваемых и обвиняемых. Постоянное ожидание, сомнение и неопределенность своего будущего вызывают и физиологическое напряжение – прямую причину возникновения состояния тревоги и страха. Эти ощущения также являются причинами повышенной раздражительности, конфликтности, агрессивности (аутоагрессивности), бессонницы, депрессии, чувства безысходности.

Еще одно типичное состояние, возникающее у подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, – это тоска. Данное состояние обусловлено ограничением общения со своими близкими и родными, постоянным напряжением, недостатком информации и ограничениями в удовлетворении некоторых потребностей.

Следующие два состояния – скука и апатия – традиционные состояния, появляющиеся у подозреваемых и обвиняемых. Они порождают пассивность. При этом состояние апатии и пассивности возникает в ответ на все предыдущие тщетные попытки противостоять такому исходу событий в следственных и судебных действиях. Появляются общая слабость и вялость, неверие в реальность положительных изменений в судьбе [2, с. 299–309].

Рассмотренные типичные состояния подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, являются пусковым механизмом для начала использования защитных механизмов психики, без которых им не сохранить психику на уровне «здоровья».

По результатам теоретического анализа мы предполагаем, что у подозреваемых и обвиняемых мужчин, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, в отличие от мужчин, отбывающих на-

казание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, и от законопослушных мужчин, преобладает специфический набор психологических защит и личностные характеристики.

Методы. Для диагностики основных типов психологических защит была использована методика «Диагностика типологий психологической защиты» (Р. Плутчик, в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.).

Для изучения особенностей личности мужчин, находящихся в следственном изоляторе, в колонии и на свободе, мы использовали следующие психодиагностические методики: многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С), опросник Г. Айзенка для определения параметров структуры личности (экстраверсии, интроверсии и нейротизма).

Изучение особенностей личности и основных типов психологических защит у подозреваемых и обвиняемых мужчин, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, у мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, и у законопослушных мужчин построено на основе сравнения средних значений показателей психологических защит (проверены по *t*-критерию Стьюдента) и установления связей по корреляционному анализу.

Результаты. В исследовательские выборки вошли подозреваемые и обвиняемые мужчины, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор (ФКУ СИЗО-2 г. Магнитогорска, 64 чел., возраст – 30–40 лет), мужчины, отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении (ФКУ ИК-18 г. Магнитогорска, 67 чел., возраст – 30–40 лет), и законопослушные мужчины, работающие на разных предприятиях г. Магнитогорска (65 чел., возраст – 30–40 лет). Всего опрошено 196 чел. Исследование проводилось с ноября 2021 по май 2022 года. Исследование особенностей личности и психологических защит мужчин рассматриваемых выборок построено на основе сравнения средних значений показателей по диагностическим методикам.

В таблице 1 приведены средние значения показателей психологических защит в трех группах мужчин, на основании которых выявлены их достоверные различия по *t*-критерию Стьюдента.

По полученным показателям видно, что выраженность трех из восьми механизмов психологических защит статистически достоверно отличает подозреваемых и обвиняемых мужчин, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, от мужчин, отбывающих наказания в исправительной колонии. Наибольшие отличия отмечены в использовании вытеснения, компенсации и замещения: мужчины, находящиеся в следственном изоляторе, гораздо чаще прибегают к этим механизмам (различия достоверны при $p = 0,05$ и $p = 0,01$), в то время как мужчины, находящиеся в исправительной колонии, склонны прибегать к отрицанию и интеллектуализации. Скорее всего, это связано с тем, что у мужчин, находящихся в исправительной колонии, проявляются такие психологические защиты, цель которых не только не допустить информацию в сознание (отрицание, проекция), но и исказить ее суть (интеллектуализация, компенсация). Набор преобладающих психологических защит у мужчин, отбывающих наказание, способствует сохранению позитивных качеств личности.

Таблица 1

Сравнение средних значений показателей психологических защит по методике «Диагностика типологий психологической защиты» (Р. Плутчик) в трех группах респондентов с помощью t-критерия Стьюдента

Группа испытуемых	Психологическая защита							
	Отрицание	Вытеснение	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивное образование
1 – СИЗО	57,6	50,75	32,65	62,5	37,9	66,75	56,8	41,65
2 – колония	67,5	36	34,15	49,05	47,35	46,8	66,6	50,1
3 – граждане	72,05	36,05	39,2	56,95	24,4	58,25	54,1	49,2
t-критерий Стьюдента (1 и 2)	1,24	- 2,07*	0,38	- 2,39*	-1,05	- 2,70**	0,94	0,63
t-критерий Стьюдента (1 и 3)	- 2,05*	2,16*	-0,97	1,28	1,85	1,07	0,74	-0,72
t-критерий Стьюдента (2 и 3)	- 0,79	- 0,11	- 0,70	- 2,95**	3,53***	-1,41	1,90	0,22

* – различия, значимые при $p = 0,05$; ** – различия, значимые при $p = 0,01$; *** – различия, значимые при $p = 0,001$.

Можно отметить, что выраженность двух из восьми психологических защит статистически достоверно отличает подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, от законопослушных мужчин. Наибольшие отличия отмечены в использовании таких психологических защит, как отрицание и вытеснение (оба отличия достоверны при $p = 0,05$).

Что касается сравнения группы мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, и группы законопослушных мужчин, то наибольшие отличия отмечаются именно в использовании компенсации и проекции (различия достоверны при $p = 0,01$ и $p = 0,001$). Выраженность этих механизмов защиты статистически достоверно отличает данные группы. Это обусловлено, скорее всего, тем, что у законопослушных мужчин в сложившихся условиях жизнедеятельности набор преобладающих психологических защит (отрицание, компенсация, замещение) способствует сохранению позитивных качеств личности. Преобладание компенсации у группы мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, проявляется в стремлении приписывать свои отрицательные качества окружающим людям, что приводит к появлению подозрительности и враждебности.

Подсчитав среднюю оценку каждой из восьми защитных механизмов, определим уровень выраженности всех используемых психологических защит в выборках (авторы методики называют это степенью напряженности защиты) (рис. 1).

Следует отметить, что в группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, в отличие от мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ис-

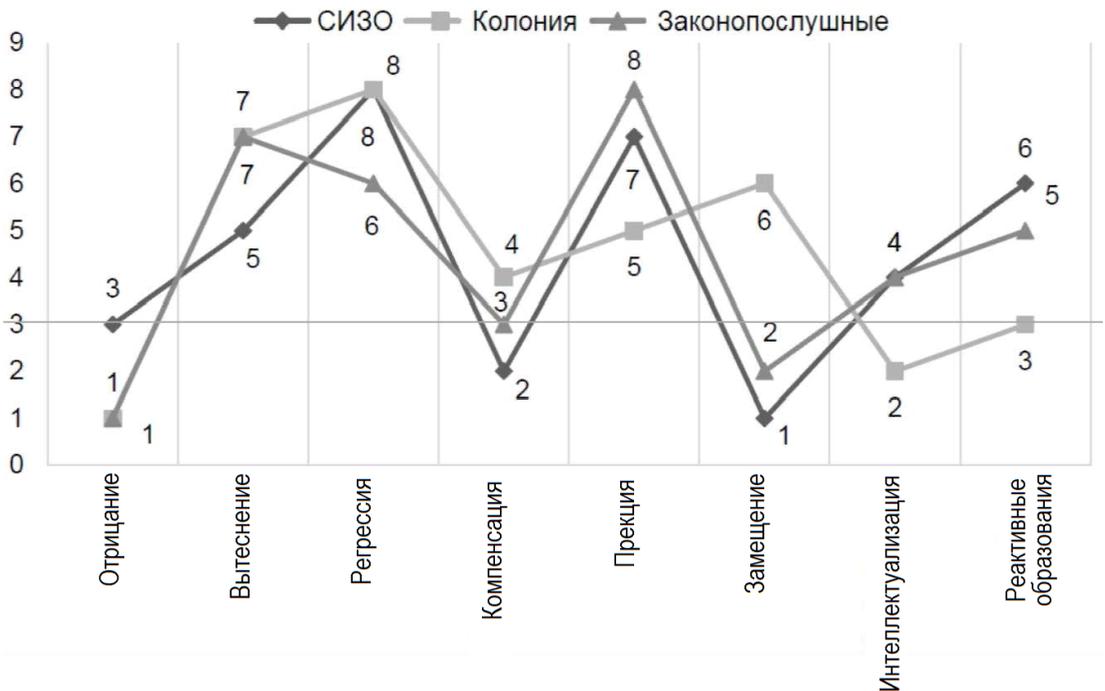

Рис. 1. График уровней выраженности психологических защит в трех группах респондентов

правительном учреждении, и законопослушных мужчин, есть различия в использовании механизмов психологической защиты:

– для подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, наиболее популярными психологическими защитами являются замещение, компенсация и отрицание, наименее популярными – реактивное образование, проекция и регрессия;

– для мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, наиболее популярными психологическими защитами являются отрицание, интеллектуализация и реактивное образование; наименее популярными – замещение, вытеснение и регрессия;

– для законопослушных мужчин наиболее популярными психологическими защитами являются отрицание, замещение и компенсация; наименее популярными – регрессия, вытеснение и проекция.

Представим результаты изучения личностных особенностей по 16-факторному личностному опроснику Р. Кеттелла (форма С). В результате проведенного исследования были проанализированы личностные особенности мужчин в трех группах, сравнение данных осуществлено по t-критерию Стьюдента (табл. 2).

Различия по факторам «практичность – мечтательность», «консерватизм – радикализм», «конформизм – нонконформизм» между группой подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, и группой мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, статистически достоверно отличаются (различия достоверны при $p = 0,001$, $p = 0,01$, $p = 0,05$).

Таблица 2

Сравнение средних значений факторов 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла в трех группах респондентов с помощью t-критерия Стьюдента

Группа испытуемых	Фактор																
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q ₁	Q ₂	Q ₃	Q ₄	MD
1 – СИЗО	5,8	2,7	5,6	6,4	5,6	4,9	5,6	4,6	6,25	4,7	5,55	4,95	5,55	6,05	4,8	4,1	5,8
2 – колония	6,6	3,25	5,7	6,05	5,7	5,25	6,3	5,7	7,25	3,65	5,5	4,15	3,65	4,55	4,7	4,35	5,8
3 – граждане	6,95	5,1	5,85	6,6	6,5	5,25	5,75	6,05	5,5	4,6	4,4	5,45	2,3	4,85	4,85	4,9	5,5
t-критерий Стьюдента (1 и 2)	1,41	1,58	0,16	-0,72	0,15	0,71	1,35	1,26	1,81	-2,19*	-0,09	-1,50	-2,63**	-3,08***	-0,18	0,45	0
t-критерий Стьюдента (1 и 3)	-1,98	-4,23***	-0,39	-0,34	-1,37	-0,64	-0,23	-1,61	1,09	0,16	1,92	-0,73	4,90***	2,21*	-0,09	-1,36	0,50
t-критерий Стьюдента (2 и 3)	-0,58	-3,19*	-0,58	-0,95	-1,20	0	0,84	-0,40	3,00**	-1,95	1,88	-2,00*	2,03*	-0,48	-0,30	-1,00	0,49

* – различия, значимые при $p = 0,05$; ** – различия, значимые при $p = 0,01$; *** – различия, значимые при $p = 0,001$.

A – общительность, B – интеллектуальность, C – эмоциональная устойчивость, E – доминантность, F – беспечность, G – моральная нормативность, H – смелость, I – эмоциональная чувствительность, L – подозрительность, M – мечтательность, N – дипломатичность, O – тревожность, Q₁ – восприимчивость к новому, Q₂ – самостоятельность, Q₃ – самодисциплина, Q₄ – напряженность, MD – стремление выглядеть в более благоприятном свете.

Для подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, характерны: консервативность и устойчивость по отношению к традициям, склонность к морализации и нравоучениям, узость интеллектуальных интересов, ориентация на конкретную реальную деятельность. Такие мужчины более склонны к нонконформизму, независимости, ориентируются на собственные решения, стремятся иметь собственное мнение. Присутствует также тенденция к противопоставлению себя социуму. Этой группе присущи: некоторая ригидность мышления, сниженная оперативность мышления, независимость, ориентация на собственные решения, самостоятельность, находчивость, стремление иметь собственное мнение (различия достоверны при $p = 0,001$ и $p = 0,05$).

Для мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, характерны: зависимость от мнения и требований группы, следование за общественным мнением, стремление работать и принимать решения вместе с другими людьми, ориентация на социальное одобрение. Это обусловлено тем, что у мужчин,

находящихся длительное время в местах лишения свободы, складывается определенная иерархия внутригрупповых ролей.

У законопослушных мужчин по сравнению с подозреваемыми и обвиняемыми мужчинами, находящимися в следственном изоляторе, присутствуют статистически достоверные различия по факторам: «интеллект», «консерватизм – радикализм», «конформизм – нонконформизм». Для законопослушных мужчин характерны: более развитое абстрактное мышление, консервативность, склонность к нравоучениям, ориентация на конкретную реальную деятельность, следование за общественным мнением, стремление работать и принимать решения вместе с другими людьми.

В результате проведенного исследования нами были определены направленность и структура личности в каждой группе испытуемых по Опроснику Г. Айзенка (табл. 3). Направленность личности и нейротизм в группах подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, и законопослушных мужчин статистически достоверно отличаются (различия достоверны при $p = 0,01$, $p = 0,001$ и $p = 0,05$).

Так, для группы подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, характерна такая направленность личности, как амбивертированность; для группы мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, – интроверсия; а для группы законопослушных мужчин – экстраверсия. По шкале нейротизма мужчины, отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, эмоционально устойчивы, а подозреваемым и обвиняемым мужчинам, помещенным в следственный изолятор, и законопослушным мужчинам присуща эмоциональная впечатлительность.

У некоторых испытуемых, которые плохо адаптируются к местам лишения свободы, наблюдаются сложности в установлении межличностных контактов, возможно появление депрессивных состояний, неуверенности в себе и своих силах. Для группы мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, характерны обращенность на себя, замкнутость. У них диагностируются недоверчивость, обособленность, отчужденность от социума.

Таблица 3

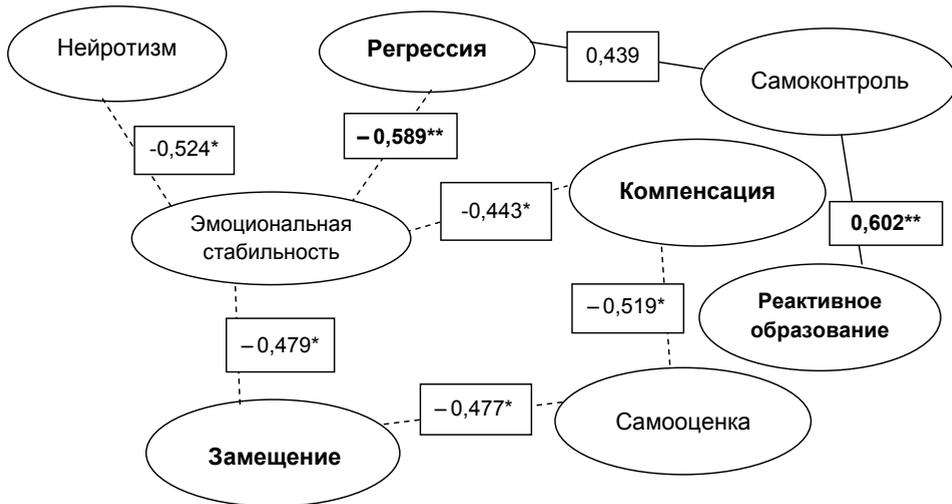
**Сравнение средних показателей опросника Г. Айзенка
в трех группах респондентов с помощью t-критерия Стьюдента**

Группа испытуемых	Шкала		
	Экстраверсия	Нейротизм	Ложь
1 – СИЗО	11,65	12,55	2,55
2 – колония	9,55	9,05	3,6
3 – граждане	15,4	12,05	2,1
t-критерий Стьюдента (1 и 2)	– 2,15*	– 3,53***	2,69**
t-критерий Стьюдента (1 и 3)	– 4,31***	0,41	1,63
t-критерий Стьюдента (2 и 3)	– 6,09**	– 3,18**	4,03***

* – различия, значимые при $p = 0,05$; ** – различия, значимые при $p = 0,01$; *** – различия, значимые при $p = 0,001$.

Для группы законопослушных мужчин характерны общительность, обращенность на внешний мир. Такие особенности связаны прежде всего с условиями их жизнедеятельности. Для подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, характерны: несдержанность, агрессивность, импульсивность, что подтверждается характерными для них психическими состояниями и используемыми психологическими защитами.

Обсуждение. Представим взаимосвязи используемых психологических защит и личностных особенностей мужчин по выборкам посредством корреляционного анализа (рис. 2–4).

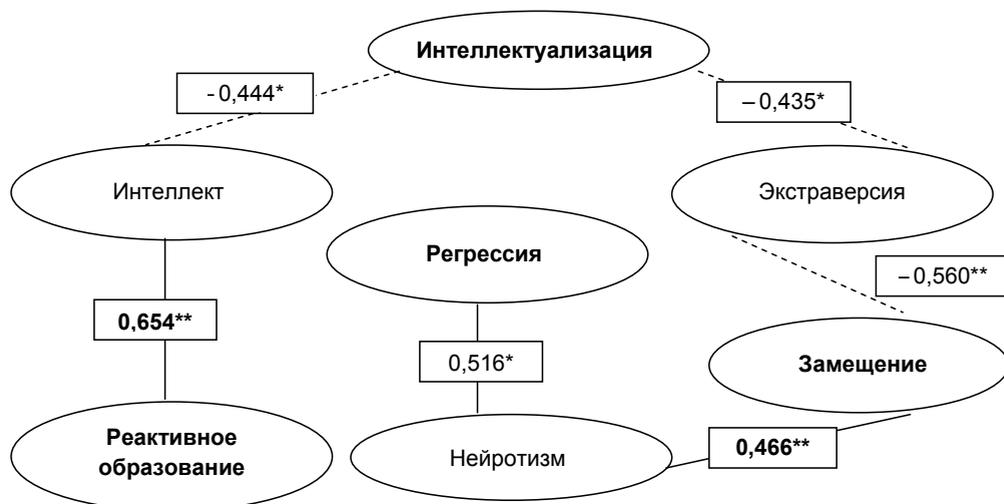
* – связи, значимые при $p = 0,05$; ** – связи, значимые при $p = 0,01$.

Рис. 2. Корреляционные плеяды значимых связей в группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, помещенных в следственный изолятор

* – связи, значимые при $p = 0,05$; ** – связи, значимые при $p = 0,01$.

Рис. 3. Корреляционные плеяды значимых связей в группе мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии

* – связи, значимые при $p = 0,05$; ** – связи, значимые при $p = 0,01$.

Рис. 4. Корреляционные плеяды значимых связей в группе законопослушных мужчин

Интересно отметить, что регрессия в группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, имеет обратную корреляционную связь с уровнем эмоциональной стабильности и прямую корреляционную связь с уровнем самоконтроля. То же самое в группе мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии: регрессия имеет обратную корреляционную связь с уровнем эмоциональной стабильности и прямую корреляционную связь с уровнем нейротизма. В группе законопослушных мужчин регрессия напрямую связана с уровнем нейротизма.

В группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, компенсация имеет обратную корреляционную связь с уровнем эмоциональной стабильности и самооценки. В группе мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, компенсация имеет обратную корреляционную связь с уровнем самоконтроля и эмоциональной стабильностью: характерны зависимость от мнения и требований группы, импульсивность, раздражительность. В группе законопослушных мужчин компенсация имеет прямую корреляционную связь с уровнем общительности и тревожности и обратную корреляционную связь с критерием «нормативность поведения».

В группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, психологическая защита «замещение» имеет обратную корреляционную связь с уровнем эмоциональной стабильности и самооценки. В группе законопослушных мужчин замещение имеет обратную корреляционную связь с уровнем экстраверсии и прямую корреляционную связь с уровнем нейротизма.

В группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, психологическая защита «реактивное образование» имеет прямую корреляционную связь с уровнем самоконтроля. В группе законопослушных мужчин эта защита имеет прямую корреляционную связь с уровнем интеллекта.

В группе мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, рационализация имеет прямую корреляционную связь с уровнем самоконтроля и обратную корреляционную связь с уровнем нейротизма и конформизма.

В группе законопослушных мужчин интеллектуализация имеет обратную корреляционную связь с уровнем интеллекта и экстраверсии.

Итак, в группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, повышение уровня самоконтроля предполагает наибольшее использование психологических защит регрессии и реактивного образования; снижение уровней эмоциональной стабильности и самооценки предполагает наименьшее использование замещения, компенсации и регрессии.

В группе мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, повышение уровня самоконтроля и нейротизма предполагает наибольшее использование рационализации и регрессии; снижение уровня нейротизма, эмоциональной стабильности, конформизма и самоконтроля предполагает наименьшее использование регрессии, компенсации, рационализации и отрицания.

В группе законопослушных мужчин повышение уровня интеллекта и нейротизма предполагает наибольшее использование реактивного образования и регрессии; снижение уровня экстраверсии и интеллекта предполагает наименьшее использование интеллектуализации и замещения.

У подозреваемых и обвиняемых мужчин, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу в следственный изолятор, происходит конфликт, вызванный несогласованностью между внутренней психологической структурой личности и требованиями внешней среды, что приводит к проявлению отклонений в их поведении. Мы выявили, что к условиям изоляции быстрее и лучше приспособлены мужчины, которые уже отбывают наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии. Им легче принимать данную среду, а также те правила и нормы, которые там установлены.

Деадаптивность более выражена в группе подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, ожидающих вынесения судебного решения. В данных условиях они используют специфические психологические защиты. Так, у многих подозреваемых и обвиняемых мужчин, находящихся в следственном изоляторе, наблюдается такая черта, как преподносить себя в более выгодном свете, показывать именно то, что они умеют лучше всего, скрывать свои негативные качества. Состояние стресса и повышенной тревожности у этой выборки провоцирует появление критичного отношения к себе и ко всему окружающему. У лиц, находящихся в следственном изоляторе, в большей степени преобладают деадаптивность, тревожность и эмоциональный дискомфорт.

Активная позиция мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, проявляется в наличии стремления занять лидерские позиции, давать указания другим, принимать участие в решении каких-либо задач.

Выявленные личностные особенности и особенности использования защитных механизмов психики дают возможность корректировать неэффективные способы защиты и прогнозировать поведенческие реакции особого контингента мужчин, ожидающих вынесения решения о наказании за совершенные ими антисоциальные деяния. В качестве перспектив дальнейшей работы мы видим выявление гендерных различий в использовании механизмов психологических защит подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, с целью оптимизации их состояний при производстве уголовных дел.

Список источников

1. Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф. Исправительно-трудовая психология : учебник. М. : Академия МВД СССР, 1974. 426 с.
2. Волков В. Н. Юридическая психология. М., 2015. 422 с.

References

1. Glotchkin, A. D. & Pirozhkov, V. F. 1974, *Correctional labor psychology: textbook*, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Moscow.
2. Volkov, V. N. 2015, *Legal Psychology*, Moscow.

Информация об авторе

Е. М. Разумова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института гуманитарного образования.

Information about the author

E. M. Razumova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Psychology Department of the Institute of Humanitarian Education.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья

УДК 378.6:343.83

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.668-678

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЫПОЛНЕНИЯ ПЛАНА ПО КОМПЛЕКТОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Елена Евгеньевна Гаврина¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, gawrina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8131-8122>

Аннотация. В статье представлены основные проблемы, возникающие при обеспечении выполнения плана по комплектованию федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Федеральной службы исполнения наказаний, по образовательным программам высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура, их негативные последствия и пути их преодоления. Кроме того, кратко обозначены мероприятия, направленные на повышение престижа службы в уголовно-исполнительной системе, от которого зависит в том числе комплектование указанных образовательных организаций.

Ключевые слова: образовательные организации ФСИН России, план по комплектованию образовательных организаций ФСИН России, комплектование образовательных организаций, обеспечение набора на обучение

Для цитирования

Гаврина Е. Е. Проблемы и пути их решения при обеспечении выполнения плана по комплектованию образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 668–678. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.668-678.

Original article

PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM WHEN ENSURING THE IMPLEMENTATION OF THE PLAN FOR THE RECRUITMENT OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

Elena Evgen'evna Gavrina¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, gavrina_elena@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8131-8122>

Abstract. The article presents the main problems that arise when ensuring the implementation of the plan for the recruitment of federal state organizations engaged in educational activities and under the jurisdiction of the Federal Penitentiary Service for educational programs of higher education: bachelor's degree, specialty, master's degree, consequences and ways to overcome them. In addition, the measures aimed at increasing the prestige of the service in the penal system, on which the recruitment of these educational organizations depends, are briefly outlined.

Keywords: educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, a plan for recruiting educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, recruiting educational organizations, providing recruitment for training

For citation

Gavrina, E. E. 2023, 'Problems and ways to solve them in ensuring the implementation of the plan for the recruitment of educational organizations of the Federal Penitentiary Service', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 668–678, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.668-678.

В последние годы образовательные организации высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) испытывают одинаковые трудности в процессе выполнения плана по комплектованию и при подготовке будущих специалистов (далее – план комплектования). Представители территориальные органов указывают, что они делают все возможное для обеспечения выполнения плана комплектования, однако ими не всегда проводится весь комплекс мероприятий, необходимых для обеспечения плана по комплектованию образовательных организаций высшего образования ФСИН России. При этом речь идет не о халатном отношении сотрудников соответствующих подразделений к данному вопросу. Мы обращаем внимание на тот факт, что не проводятся все необходимые мероприятия для обеспечения не только количественного показателя в наборе, но и качественного – по подбору одаренных, способных к обучению, стремящихся к самосовершенствованию абитуриентов. Безусловно, конкурс на обучение необходимо обеспечить, но и абитуриентов нужно подбирать с высокими показателями в учебе.

Хотелось бы обратить внимание на проблему в комплектовании, разрешение которой почти не связано с деятельностью уголовно-исполнительной системы (УИС), а именно на то, что мы в ведомственные образовательные организации можем набирать

только тех, кто готов служить государству и УИС, а не тех, кто выбирает профессию, позволяющую зарабатывать в будущем приличные денежные средства. Именно поэтому представляется затруднительным привлечь современную молодежь на обучение в ведомственные вузы.

Постараемся пояснить проблемные моменты, которые наблюдаются при выполнении плана по комплектованию образовательных организаций высшего образования ФСИН России, и их негативные последствия, а также предложим возможные пути решения этих проблем.

1. Не проводится на должном уровне информирование всех учащихся муниципальных общеобразовательных учреждений и их родителей в своих регионах сотрудниками Г(У)ФСИН России о возможности поступления на обучение в образовательные организации ФСИН России, обо всех имеющихся специальностях, социальных гарантиях, предоставляемых УИС. Чаще всего информирование будущих абитуриентов осуществляется исключительно через размещение информации на официальных сайтах Г(У)ФСИН России. В отдельных случаях сотрудники, отвечающие за комплектование, посещают две–три школы, причем чаще всего выбирают кадетские классы и лицеи, забывая про интернаты и неспециализированные общеобразовательные школы. Проводят агитационную работу по привлечению к обучению в ведомственных вузах в основном с учащимися 11-х классов, не уделяя внимания учащимся 9–10-х классов и их родителям. К чему это приводит? Ни учащиеся школ, ни их родители не знают о возможности обучения в образовательных организациях ФСИН России, о перспективах службы в уголовно-исполнительной системе и поэтому не то что не выбирают, но и не знают о наличии таких вузов или возможности поступления в них и в итоге не планируют обучаться в ведомственных учебных заведениях.

Возможные варианты решения этой проблемы. Обеспечить на регулярной основе проведение встреч с учащимися 9–11-х классов средних школ и их родителями с участием подготовленных сотрудников пенитенциарной системы, владеющих полным объемом информации о правилах поступления в образовательные организации ФСИН России, обо всех специальностях и направлениях подготовки, условиях обучения, о материально-технической базе вузов, профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава, о сроках и об особенностях прохождения ВВК, о допустимых результатах ЕГЭ для поступления, имеющихся социальных гарантиях для сотрудников УИС и членов их семей, способных донести до их сведения информацию о специфике будущей профессиональной деятельности, развеять мифы о пенитенциарной системе, показать преимущества и достоинства службы в УИС. Может возникнуть вопрос о том, где взять такого сотрудника? Мы порекомендовали бы обратиться за опытом подготовки специалиста, компетентного по многим вопросам, в сетевые магазины, где реализация товаров и услуг осуществляется независимыми дистрибьюторами, а продавцы, менеджеры и руководители секций ежегодно сдают тестирование по знанию продаваемых ими товаров. Мы ни в коем случае не предлагаем вводить дополнительное тестирование для этой категории сотрудников, просто руководителям управлений необходимо осуществлять контроль за уровнем информированности своих подчиненных по всем указанным выше моментам. Сделать это возможно, посетив совместно с сотрудником, обеспечивающим выполнение плана по комплектованию образовательных организаций высшего образования ФСИН России, встречи с абитуриентами и их родителями и оценив качество его разъяснительной работы с ними и развернутость ответов на задаваемые ему вопросы.

Предлагаем на встречи с учащимися и их родителями брать с собой видеоролики и фотографии об образовательных организациях ФСИН России. Необязательно их все просматривать – показывать только по запросу учащихся и их родителей, можно оставить классному руководителю для последующей передачи заинтересованным лицам либо дать ссылку на их расположение в Интернете.

Хотелось бы пояснить, зачем нужно информировать родителей о ведомственных вузах. Дело в том, что именно они играют не последнюю роль в выборе вуза детьми, то есть могут по достоинству оценить преимущества службы в УИС (возможность уйти на пенсию до 40 лет, рост заработной платы и количества дней отпуска в зависимости от стажа службы в УИС, сохранение заработной платы в период отпуска и больничных, возможность получения жилья, страховых выплат по травмам и т. д.).

Рекомендуем брать контактные данные у учащихся 9–11-х классов, проявивших интерес к образовательным организациям ФСИН России, с целью обеспечения в последующем более детального обсуждения с ними возможности их поступления в ведомственные вузы. Для повышения результативности этой деятельности целесообразно:

- подготовить памятку (или несколько ее видов), содержащую информацию об образовательных организациях ФСИН России, контактных данных УФСИН России по местному региону и преимуществах службы в УИС (информацию об образовательных организациях предоставят вузы; о преимуществах службы можно сделать единый макет для всех Г(У)ФСИН России). Кто-то скажет, что это очень дорого. Но ведь необязательно делать бумажный вариант, в век цифровизации можно сделать и электронный, разместив его на официальных сайтах школ. В Академии ФСИН России имеется положительный опыт по распространению агитационных материалов через обучающихся на высших академических курсах, факультете повышения квалификации и первоначальной подготовки, заочной форме обучения, курсантов очной формы обучения, убывающих в территориальные органы на практику;

- разместить при посредничестве директоров школ и классных руководителей в родительских чатах краткую информацию об образовательных организациях ФСИН России с контактными данными Г(У)ФСИН России по региону;

- подготовить информационные плакаты об образовательных организациях ФСИН России с контактными данными Г(У)ФСИН России по местному региону и по согласованию с директорами школ или Министерством образования региона расположить их в школах;

- по мере необходимости и возможности привлекать сотрудников образовательных организаций ФСИН России к встречам с учащимися школ и их родителями. Если нет возможности командировать сотрудника вуза, то можно обеспечить подключение его к встрече в дистанционном формате;

- рассмотреть возможность привлечения учащихся 9–11-х классов в виде волонтерской деятельности к работе по привлечению на обучение в ведомственные образовательные организации.

2. Сотрудники, отвечающие за выполнение плана по комплектованию образовательных организаций ФСИН России, осуществляют его через знакомых (большая часть абитуриентов имеет родственников или знакомых, которые служат в УИС). В таких случаях чаще всего подбирается по одному кандидату на место. К чему это приводит? Конкурс на обучение не обеспечен. Чаще всего это делается для того, чтобы подобранный кандидат на обучение обязательно поступил. В причины такого явления вдаваться не будем. Оставим это на совести тех, кто так поступает или такое допуска-

ет. Это не означает, что во всех случаях, где есть один кандидат, была использована описанная схема подбора кандидатов на обучение. Вполне возможно, что подобранные кандидаты на обучение получили низкие баллы по ЕГЭ, не прошли ВВК или приняли решение поступать в другой вуз, и поэтому от региона направляется только один кандидат на обучение.

Возможный вариант решения этой проблемы: информирование учащихся всех школ региона и их родителей о плане по комплектованию образовательных организаций ФСИИ России.

3. Сотрудники Г(У)ФСИИ России, отвечающие за план по комплектованию образовательных организаций ФСИИ России, начинают искать желающих обучаться в ведомственных вузах слишком поздно (декабрь–февраль). Причины могут быть объективными, например нехватка специалистов, большая загруженность не менее важными задачами по службе. К чему это чаще всего приводит? К подбору кандидатов на обучение с невысокими показателями по ЕГЭ, в основном лиц женского пола, отсутствию обеспечения не только конкурса, но и набора на обучение, подбору небольшого числа абитуриентов на обучение. В результате после неудачного прохождения ВВК и низких баллов, полученных по результатам ЕГЭ, кандидатов на обучение не остается.

Возможные варианты решения этой проблемы:

- исключить формальный подход к выполнению плана по комплектованию образовательных организаций высшего образования ФСИИ России;
- руководителям Г(У)ФСИИ России осуществлять контроль за составлением и выполнением плана по комплектованию образовательных организаций высшего образования ФСИИ России, а также учитывать, что встречи с учащимися 9–10-х классов можно планировать в течение всего учебного года, а с учащимися 11-х классов – не позднее сентября–октября.

4. Подбор кандидатов на обучение в ведомственные вузы осуществляется без учета достижений учащихся в процессе обучения в школах. К чему может привести игнорирование этой, как мы сказали, не проблемы, а одной из главных задач – привлечения на обучение абитуриентов, имеющих высокие показатели в учебе, стоящей перед сотрудниками, обеспечивающими комплектование образовательных организаций? План комплектования на обучение будет выполнен. Образовательные организации заполняют все имеющиеся места на поступление. Все будут довольны – и образовательные организации, и начальники управлений на начальном этапе. Однако скоро в образовательных организациях выяснят, что к ним поступили на обучение курсанты с низкой мотивацией к самосовершенствованию в будущей профессиональной деятельности. Напомним, что работа сотрудников УИС сопряжена с необходимостью быстро принимать решения в чрезвычайных обстоятельствах, что предполагает наличие у курсантов аналитических способностей при работе с информацией, которые у многих абитуриентов слабо выражены. Можно вспомнить о пословице «от осины не родятся апельсины». Именно на этот факт хотелось бы обратить особое внимание руководства всех Г(У)ФСИИ России. Безусловно, преподавательский состав образовательных организаций сделает все возможное, чтобы сформировать требуемые компетенции у этой категории обучающихся, но вот какой уровень сформированности компетенции они смогут достигнуть – остается вопросом открытым. И вот теперь наступает черед управлений разочаровываться в выпускниках образовательных организаций ФСИИ России, которые прибыли к ним на работу. Оценив профессиональные способности молодых специалистов, они

в основном перекалдывают вину за это на образовательные организации, ссылаясь на проведение слабой подготовки специалистов. Но вернемся к нашей пословице... Преподавательский состав не может из посредственных курсантов вырастить высококвалифицированных специалистов. Это невозможно. Этой фразой мы ни в коем случае не снимаем ответственность с образовательных организаций за подготовку выпускников, мы лишь обращаем внимание руководства управлений ФСИН России на важность обеспечения привлечения на обучение абитуриентов с высокими показателями в учебе.

Возможные варианты решения этой проблемы: проведение работы по подбору кандидатов на обучение, имеющих высокие показатели в учебе. Осуществляя отбор на обучение учащихся, нужно помнить, что скоро эти ребята придут работать в ваши территориальные органы. Нужны ли вам такие коллеги? Не будет ли у вас в будущем проблем с ними по службе?

Многие скажут, что учащиеся с высокими баллами по ЕГЭ предпочитают поступать в МГУ имени М. В. Ломоносова, МГТУ имени Н. Э. Баумана и другие престижные вузы и убедить их поступить учиться в образовательные организации ФСИН России не представляется возможным. Да, проблемы есть, но при правильно организованной работе и эту задачу можно решить. Так, в г. Рязани 8 образовательных организаций высшего образования. Всего в них работают 9 докторов психологических наук, из них 7 – в Академии ФСИН России: 3 – штатно и 4 – по совместительству. В 2017 г. в Академии ФСИН России работали 3 доктора психологических наук (2 – штатно – Д. В. Сочивко и А. И. Ушатиков – к нашему прискорбию, они ушли из жизни, А. Н. Сухов – по совместительству). Если работать, то все получится.

5. Предложения в план по комплектованию образовательных организаций ФСИН России формируются исключительно по потребностям территориальных органов ФСИН России, без учета прогноза вакантных должностей на ближайшие 4–5 лет и желания учащихся школ обучаться в ведомственных вузах УИС. К чему это может привести? К оттоку желающих учиться в образовательных организациях ФСИН России в связи с малой представленностью образовательных программ, например, есть желающие учиться по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность, но территориальным органом не предусмотрено выделение мест на обучение по этой специальности. Следовательно, и образовательная организация, и территориальный орган теряют обучающегося и будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Если же руководством территориальных органов неверно произведены расчеты по кадровой ситуации, а именно без учета прогноза оттока кадров через 5 лет, то придется заполнять вакансии не выпускниками вузов ФСИН России, а сторонними лицами, не имеющими представления о специфике работы в УИС.

Возможные варианты решения проблемы. При формировании плана комплектования образовательных организаций учитывать и потребности территориальных органов, и запросы на обучение от учащихся 11-х классов. Безусловно, сделать это возможно только при грамотном сопровождении учащихся школ в период, как минимум, с 10-го по 11-й класс, без появления проблем в будущем вследствие невозможности трудоустроить выпускника территориальным органам. Чаще всего Г(У)ФСИН России запрашивают меньше мест на обучение в ведомственных вузах, предупреждая возможные проблемы при комплектовании образовательных организаций и последующем трудоустройстве выпускника. Но в данном случае необходимо пересмотреть процедуру подбора кандидатов на места обучения и количество запрашиваемых мест на обучение.

Может быть, стоит предусмотреть практику направления на обучение от других Г(У)ФСИН России наиболее успешных в учебе учащихся, желающих учиться в ведомственных вузах и согласных проживать в другом регионе по окончании обучения в случае невозможности в последующем трудоустроить выпускника по месту его проживания. Для этого можно создать некий информационный банк с данными желающих обучаться в ведомственных вузах и имеющих высокие показатели в учебе, которые не могут быть направлены на обучение от Г(У)ФСИН России по месту проживания. Эта информация носит дискуссионный характер и требует всесторонней проработки. Следует более ответственно подходить к учету кадровой ситуации в территориальных органах, обязательно учитывать прогноз оттока кадров через 5 лет.

6. Привлечение в территориальных органах к работе по обеспечению комплектования образовательных организаций ФСИН России специалистов без опыта работы, некомпетентных в этом вопросе, не уделяющих должного внимания поиску достойных кандидатов на обучение, решающих в первую очередь иные, как им кажется, более приоритетные и важные задачи для УИС. К чему это может привести? К невыполнению плана комплектования образовательных организаций, обеспечению конкурса, подбору кандидатов на обучение с невысокими показателями по учебе, не пригодных по медицинским показателям к службе в УИС, некачественной подготовке материалов личных дел абитуриентов, подбору в основном лиц женского пола, неприбытию в образовательные организации кандидатов на обучение, размещению на официальном сайте территориального органа ФСИН России недостоверной информации о плане комплектования. В принципе все возможные последствия некомпетентности специалистов по комплектованию ведомственных образовательных организаций описаны в Обзоре об организации приема граждан на обучение в федеральные казенные образовательные организации высшего образования ФСИН России в 2023 году (исх-02-838991 от 16.10.2023), поэтому не будем в этой статье подробно останавливаться на них.

Возможные варианты решения проблемы. Необходимо привлекать к обеспечению выполнения плана комплектования в образовательные организации ФСИН России опытных специалистов, обладающих компетенциями по привлечению абитуриентов на обучение в ведомственные вузы, патриотически настроенных по отношению к пенитенциарной системе. В случаях, когда сотрудник, привлекаемый к этой работе, только назначен на должность, нужно обеспечить контроль его деятельности через наставника – сотрудника, компетентного в вопросах набора на обучение. Каждый сотрудник отдела должен подтвердить знание им всех нормативных документов по этому вопросу, а также перечень ведомственных учебных заведений и закрепленных за ними образовательных программ, социальных гарантиях для сотрудников УИС (более детально о них – при рассмотрении нами первой проблемы).

7. Не все аспекты в формировании положительного образа пенитенциарной профессии учитываются. К чему это может привести? При рассмотрении данной проблемы может возникнуть вопрос о том, как же связаны план комплектования образовательных организаций с формированием положительного образа пенитенциарной профессии. Все очень просто – непрестижная профессия не востребована людьми. Неизвестная или имеющая плохую репутацию, низкий рейтинг, осуществляющая подготовку выпускников по непрестижным специальностям в обществе образовательная организация не выбирается абитуриентами для поступления на обучение. Следовательно, описанные ранее

проблемы проявятся, то есть набор на обучение не обеспечен, конкурса на обучение нет, кандидаты на поступление с низкими показателями ЕГЭ. Другими словами, если образовательную организацию и выберут абитуриенты, то только те, что соответствуют пословице «на безрыбье и рак рыба». О последствиях принятия на обучение лиц с невысокими показателями по учебной деятельности мы ранее говорили.

Возможные варианты решения проблемы:

– работа с населением по формированию положительного восприятия обществом образа пенитенциарной профессии;

– работа с сотрудниками УИС и курсантами ведомственных образовательных организаций по формированию у них патриотического отношения к своей профессии, наделению их компетенциями в области формирования положительного образа УИС.

В современных условиях представляется затруднительным проведение мероприятий по формированию положительного образа пенитенциарной профессии, и связано это с рядом причин – от формирования негативного образа сотрудника НКВД и продолжая с 90-х годов прошлого столетия и до нашего времени, когда СМИ распространяли не всегда достоверную информацию об обращении сотрудников с осужденными, руководство УИС привлекалось к уголовной ответственности, издавались художественные книги и снимались фильмы, дискредитирующие пенитенциарную систему, содержащие вымышленную, на уровне фантазий негативную информацию о различных моментах, связанных с деятельностью персонала УИС, и т. д. Подробно указывать причины непрестижности пенитенциарной системы в данной статье не будем, так как это не входит в цель нашего исследования, а вот на мероприятиях, способствующих формированию положительного образа пенитенциарной системы с целью привлечения кандидатов на обучение в ведомственные образовательные организации и на службу в УИС, остановимся.

Руководством ФСИН России и, в частности Управления кадров ФСИН России и Управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, разработан целый комплекс мероприятий по формированию имиджа УИС, но основной акцент сделан на работе с населением России. Мы же хотели обратить внимание на работу с персоналом учреждений и органов УИС. Нередко проводимая руководством работа по формированию положительного образа пенитенциарной системы сводится к нулю вследствие недостаточно серьезного отношения к этому вопросу самих сотрудников, которые распространяют негативную информацию о службе в УИС, акцентируя внимание на негативных моментах, что делает в глазах граждан службу в УИС непривлекательной.

На память приходит случай из моей практической деятельности как руководителя. Мной была проведена колоссальная работа по подбору кандидата на должность доцента кафедры, имеющего ученую степень кандидата наук, педагогический стаж работы, мужского пола, прошедшего конкурс на должность. И вот в последний момент один из коллег в приватной беседе с этим кандидатом на службу рассказал о сложностях работы в академии, а именно о том, что график работы с 8.15 до 17.15, необходимо много готовить учебно-методической продукции, сдавать нормативы по физической и огневой подготовке, оказывать помощь пожилым преподавателям и др. По сути, этот сотрудник рассказал, как ему лично тяжело работать, но в красках. Итог – кандидат отказался от работы в академии и на данный момент работает в вузе, где объем учебной работы составляет 900 часов при необходимости осуществлять научную и учебно-методическую работу, искать эффективные контракты. Как мы видим, объем работы у нашего

претендента на должность доцента стал ничуть не меньше, чем был бы в академии, а иногда и больше.

Таких фактов можно привести массу, когда сотрудники в своем окружении заявляют, что их дети никогда не пойдут служить в УИС, так как пенитенциарный труд непрестижен и тяжел. Очень редкими бывают случаи, когда сотрудники рассказывают близким, друзьям, сторонним для них людям, что им нравится их работа, что она очень нужна людям, обществу, что они любят свою профессию. В настоящее время сотрудники УИС признают факт непрестижности выбранной ими профессии, важности для общества – да, но наряду с этим непрестижности. У большинства сотрудников сформировано мнение о том, что критиковать систему и выносить «сор из избы» можно и нужно.

Мы же убеждены, что работа по повышению престижности службы в пенитенциарной системе будет более эффективной, если сотрудники изменят свое отношение к профессии, службе в УИС. Сотрудник, который гордится службой, сможет сделать гораздо больше для формирования положительного образа пенитенциарной системы и тем самым привлечь больше людей на службу в УИС и на обучение в образовательные организации. Для этого нужно научить персонал не критиковать пенитенциарную систему, а находить положительные стороны в службе в УИС и о них рассказывать окружающим их людям. Так, в исправительных учреждениях не только приводят в исполнение наказание, но и оказывают бесплатную психологическую помощь осужденным и сотрудникам, членам их семьи, проводят социально-психологическую работу с осужденными, имеющими наркотическую и алкогольную зависимость, оформляют/восстанавливают утерянные документы, ограждают общество от лиц, которые могут принести им вред, сотрудники имеют социальные гарантии и т. д.

В статье считаем необходимым кратко обозначить мероприятия, направленные на повышение престижности пенитенциарной системы с целью выполнения плана комплектования образовательных организаций:

- рассмотреть возможность включения в образовательные программы обучающихся в образовательных организациях ФСИН России учебной дисциплины, направленной на развитие компетенции в области формирования положительного профессионального образа пенитенциарной системы. В частности, в Академии ФСИН России в рамках реализации образовательной программы по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности в 2023 г. была включена учебная дисциплина «Основы формирования образа профессии в пенитенциарной сфере»;

- увеличить блок тем в служебной подготовке сотрудников УИС, направленный на развитие у них компетенций в области формирования, поддержания и сохранения положительного образа пенитенциарной профессии;

- на базе образовательных организаций создать общественные объединения (либо предусмотреть в рамках действующих), реализующие мероприятия по формированию положительного образа образовательной организации и всей пенитенциарной системы с целью привлечения абитуриентов на обучение и высококвалифицированных преподавателей на работу. В состав таких объединений должны входить и сотрудники, и обучающиеся;

- довести до сведения личного состава и граждан России информацию о книгах и фильмах, содержащих вымышленную информацию, дискредитирующую УИС;

- создать подкасты в виде небольших видеороликов, тематически продолжающие заявленную тему, например «Мифы о пенитенциарной системе», «Что нового в УИС», «Профессия – пенитенциарный психолог», «Подвиг сотрудника УИС». Современное

общество привыкло к кратким сюжетам из TikTok, и поэтому серия небольших по продолжительности видеороликов о пенитенциарной системе будет лучше воспринята;

– регулярно в СМИ и на интернет-ресурсах выставлять положительный материал о деятельности сотрудников УИС. Статистика поисковых запросов в Яндексе показывает, что в основном пользователей интересуют негативные моменты в деятельности УИС. Примечателен обнаруженный нами факт по поисковому запросу «Пытки в зоне» в Яндексе – в октябре 2021 г. было осуществлено 1176 запросов, а в сентябре 2023 г. – 198. Другими словами, в настоящее время сместился акцент с уголовно-исполнительной системы, общество почти не уделяет внимания поиску черных пятен в пенитенциарной системе. Сейчас очень благоприятное время для предоставления информации населению России, формирующей новый положительный образ уголовно-исполнительной системы;

– необходимо привлечь на службу в уголовно-исполнительную систему IT-специалистов, которые обеспечили бы сопровождение формирования положительного образа пенитенциарной системы на интернет-просторах, а также предупреждали бы распространение негативной информации об УИС. Этот пункт можно выполнить, начав подготовку IT-специалистов в ведомственных образовательных организациях.

В заключение хотелось бы отметить, что мы ни в коем случае не критикуем ни одно из управлений ФСИН России, ни одну из образовательных организаций. Мы лишь посчитали необходимым донести до сведения всех участников, обеспечивающих выполнение плана комплектования образовательных организаций, информацию об имеющихся проблемах в этой области, показать их последствия и предложить свои варианты решения. Вполне возможно, что есть и другие проблемы в обеспечении набора на обучение в ведомственные вузы ФСИН России, и иные варианты решения обозначенных в статье проблем. Подводя итог, отметим – вопрос обеспечения выполнения плана по комплектованию федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Федеральной службы исполнения наказаний, остается одним из приоритетных для уголовно-исполнительной системы. Не будет абитуриента с высокими достижениями в учебе – не будет высококвалифицированного сотрудника УИС для территориального органа.

Список источников

1. Гаврина Е. Е. С чего начинается имидж уголовно-исполнительной системы? // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов IV Междунар. симпоз. психологов. Рязань, 2022. С. 127–132.

2. Гаврина Е. Е. Формирование положительного имиджа образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний. Рязань, 2022. С. 121–125.

References

1. Gavrina, E. E. 2022, 'Where does the image of the penal system begin?', in *Psychology of the XXI century: challenges, Searches, vectors of development: collection of materials of the IV International Symposium of Psychologists*, pp. 127–132, Ryazan.

2. Gavrina, E. E. 2022, 'Formation of a positive image of educational organizations of the Federal Penitentiary Service', in *The Penal Enforcement System at the present stage, taking into account the implementation of the Concept of Development of the Penal Enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030: a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference on the Problems of the Execution of Criminal Penalties*, pp. 121–125, Ryazan.

Информация об авторе

Е. Е. Гаврина – кандидат психологических наук, доцент, начальник факультета психологии и пробации.

Information about the author

Gavrina, E. E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Faculty of Psychology and Probation.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 08.08.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 08.08.2023; accepted for publication 02.11.2023.

Научная статья

УДК 343.83:159.923

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.679-686

ПСИХОЛОГИЯ ПОТЕРИ. СОЦИАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ОТ СОЦИОГЕННЫХ ПОТЕРЬ КУРСАНТОВ-ЮРИСТОВ, КУРСАНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ, КУРСАНТОВ-ПСИХОЛОГОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Владимир Иванович Серов¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, v.i.serov@mail.ru

Аннотация. В семидневных 1602 исследованиях во время академических учений приняли участие 267 курсантов-пятикурсников трех факультетов. Для выделения и изучения социогенных потерь при влиянии групповой социальной защиты на социально-психологическую защиту личности 159 курсантов-юристов, 63 курсантова-экономистов, 46 курсантов-психологов, взаимоотношений между ними были выбраны 36 моделей теста «Социально-психологический климат коллектива» (Б. Д. Парыгин, 2003). По результатам теста и роли сотрудника в каждом из 9 игровых коллективов проводилась беседа с применением Постдиагностического тренинга-коррекции лидера, членов и социально-психологического климата коллектива. В шестой день академических учений оценка эффективности до и после аутотренинга проводилась в 250/233 исследованиях 1-го и 2-го выборов цветов у 125 сотрудников по позициям синего-черного цветов восьмичетового теста Люшера в нашей модификация. Ухудшение от 10-й в начале до 19-й в конце учений модели социально-психологического климата, снижение оптимальности с 4 до 7 единиц и результаты эффективности сеанса аутогенной тренировки свидетельствуют о позитивном или негативном взаимоотношении внутри игрового коллектива между группами курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов, выполняющих различные функции, которые накладывают отпечаток на их взаимоотношения в социальной защите, вызывающей социально-психологическую защиту через социогенные потери, и прогнозируют развитие социогении. Аутотренинг компенсировал до 83 % социогенных потерь только в двух из девяти игровых коллективов.

Ключевые слова: социальная защита, социально-психологическая защита, социогенные потери, социогения

Для цитирования

Серов В. И. Психология потери. Социальная и социально-психологическая защита от социогенных потерь курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов при проведении академических учений // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 679–686. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.679-686.

© Серов В. И., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

PSYCHOLOGY OF LOSS. SOCIAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROTECTION FROM SOCIOGENIC LOSSES OF LAW STUDENTS, CADETS-ECONOMISTS, CADETS-PSYCHOLOGISTS DURING ACADEMIC EXERCISES

Vladimir Ivanovich Serov¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.i.serov@mail.ru

Abstract. 267 fifth-year cadets from three faculties took part in the seven-day 1602 studies during the academic exercises. To identify and study sociogenic losses under the influence of group social protection on the socio-psychological protection of the personality of 159 law cadets, 63 economics cadets, 46 psychology cadets, and the relationship between them, 36 models of the "Socio-psychological climate of the collective" test were selected (B. D. Parygin, 2003). According to the results of the test and the role of the employee in each of the 9 game teams, a conversation was conducted using Postdiagnostic training-correction of the leader, members and SEC of the team. On the sixth day of the academic exercises, the evaluation of the effectiveness before and after auto-training was carried out in 250/233 studies of the 1st and 2nd color choices of 125 employees in the positions of blue-black colors of the eight-color Lusher test in our modification. The deterioration of the socio-psychological climate model from the 10th at the beginning to the 19th at the end of the exercises, the decrease in optimality from 4 to 7 units and the results of the effectiveness of the autogenic training session indicate a positive or negative relationship within the playing team between groups of law cadets, economics cadets, psychology cadets performing various functions, which leave an imprint on their relationship in social protection, causing socio-psychological protection through sociogenic losses, and predict the development of sociogeny. Auto-training compensated up to 83% of sociogenic losses in only two of the nine gaming teams.

Keywords: social protection, socio-psychological protection, sociogenic losses, sociogeny

For citation

Serov, V. I. 2023, 'Psychology of loss. Social and socio-psychological protection from sociogenic losses of cadets-lawyers, cadets-economists, cadets-psychologists during academic exercises', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 679–686, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.679-686.

При формировании положительного облика сотрудника, укреплении социально-психологического климата (СПК) в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) обращается внимание на три характеристики

активности человека: творчество, личность, среда. Творчество – надситуационная активность личности сотрудника УИС, мера творческой самореализации, индивидуальной неповторимости в деятельности через функции выбора и обновления, которые являются двигателем прогресса личности, продвижения по службе. Личность через потенциалы признания и самовыражения с оптимальным психическим состоянием при положительной обратной связи с окружающей средой должна обладать лидерскими качествами для построения взаимоотношений с сотрудниками, между собой и с осужденными при взаимодействии в системе «человек – человек». Среда – внешние по отношению к личности факторы, вызывающие психическую напряженность и неопределенность в экстремальных условиях деятельности сотрудника УИС с постоянной угрозой чести, достоинству, жизни.

Изменение социально-экономической ситуации в обществе и правовых подходов к исполнению уголовного наказания повлекло за собой более высокие требования к личности сотрудника и социально-психологическому климату в исправительных учреждениях (ИУ). Психологический анализ негативных явлений в УИС (конфликты, нарушение законности, суициды и пр.) показал, что в основе их часто лежит неблагоприятный социально-психологический климат коллектива, который формирует групповая социальная защита и индивидуальная социально-психологическая защита личности. В связи с этим на современном этапе развития психологической службы УИС первоочередной задачей становится взаимодействие сотрудников для создания позитивного уровня социально-психологического климата путем проведения Постдиагностического тренинга-коррекции лидера, членов и СПК коллектива (Б. Д. Парыгин, 2003) для погашения социогенных потерь и исключения развития социогении.

Методика. В семидневном исследовании приняли участие 267 курсантов-пятикурсников трех факультетов. Для выделения и изучения влияния социальной защиты (СЗ) на социально-психологическую защиту (СПЗ) личности курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов, взаимоотношений между ними были выбраны 36 моделей теста СПК Б. Д. Парыгина (2003) у сотрудников 9 игровых коллективов (ИК). Во время семидневных академических учений в 1–4-й дни проводилась работа по вводным и выполнению задач по должности. В 5-й день осуществлялся выезд в исправительное учреждение, исследование СЗ и СПЗ не проводилось. В 6-й день после поездки в исправительное учреждение курсантами-психологами каждого ИК был разработан и проведен сеанс аутогенной тренировки для членов своего ИК. 7-й день был короткий – от 8 до 12 часов и сопровождался подведением итогов за предыдущую неделю в каждом из девяти ИК со сбором и анализом материалов и отвлечением по времени от прохождения курсантами теста СПК. Курсантами-психологами ежедневно проводился анализ СПК в каждом ИК, Постдиагностический тренинг-коррекция [2] в виде беседы с лидером и членами ИК и аутотренинга с оценкой по позициям синего и черного цветов в восьмицветовом варианте теста Люшера в нашей модификации [1, 3]. Статистический анализ результатов исследования осуществлялся с применением t-критерия Стьюдента.

Объект исследования – групповая социальная защита от социогенных потерь, обусловленная включением сотрудников в различные социальные группы игрового исправительного коллектива, которые налагают на них определенные социальные и должностные обязанности.

Предмет – индивидуальная социально-психологическая защита от социогенных потерь социальной защиты, проявляющаяся в закономерностях возникновения и функционирования психологических способов поведения и деятельности сотрудников в социальных группах курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов и в их психологических достижениях и затруднениях.

Цель – изучение влияния социогенных потерь на комплекс творчества сотрудников при взаимодействии курсантов-юристов с курсантами-экономистами, курсантами-психологами в социальной защите и ее влиянии на комплекс творчества комплексом личности и комплексом среды в социально-психологической защите во время профессиональной деятельности.

Задача – изучить социогенные потери при социальной и социально-психологической защитах в реальной и проективной моделях у курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов в профессиональной деятельности.

Гипотеза. Социальная защита влияет на социально-психологическую защиту через контрпозиции реальной и проективной моделей личности, вызывая социогенные потери. Социогенные потери максимальны при контрпозиции (ТЛС|СЛТ) в реальной (РМ) и проективной (ПМ) моделях личности или одноименных (СЛТ|СЛТ) позициях комплекса творчества (Т) внутри моделей при доминировании комплекса среды (С) и комплекса личности (Л) над комплексом творчества (Т) в профессиональной деятельности.

Результаты и обсуждение. В 1602 исследованиях приняли участие 267 человек, из них курсантов-юристов – 158, курсантов-экономистов – 63, курсантов-психологов – 46 (табл. 1).

Каждый коллектив включал в себя 35 курсантов, но приняло участие в исследовании СПК и аутотренинге меньшее количество участников, что связано с напряженной работой и дефицитом времени при выполнении своих профессиональных обязанностей (табл. 2).

Таблица 1

Общее количество исследований за 6 дней учений в 9 игровых коллективах

День1–7-й	ИК1	ИК2	ИК3	ИК4	ИК5	ИК6	ИК7	ИК8	ИК9	∑
О, n	174	168	180	204	204	192	120	180	180	1602
Ю, n	108	102	102	120	120	114	72	108	102	948
Э, n	36	36	42	48	48	42	30	48	48	378
П, n	30	30	36	36	36	36	18	24	30	276

Таблица 2

Количество курсантов, принявших участие в исследованиях за 6 дней учений в 9 игровых коллективах

День 1–7-й	ИК1	ИК2	ИК3	ИК4	ИК5	ИК6	ИК7	ИК8	ИК9	∑	M	m	δ
О, n	29	28	30	34	34	32	20	30	30	267	29,67	0,26	4,18
Ю, n	18	17	17	20	20	19	12	18	17	158	17,56	0,19	2,40
Э, n	6	6	7	8	8	7	5	8	8	63	7,00	0,14	1,12
П, n	5	5	6	6	6	6	3	4	5	46	5,11	0,16	1,05

В 36 моделях СПК (1 – лучшая, 36 – худшая) представлена социальная защита (общая – 1, у курсантов-юристов – 2, курсантов-экономистов – 3, курсантов-психологов – 4) и социально-психологическая защита от социогенных потерь в 1, 2, 3, 4, 5, 7-й день и за 1–7-й дни в 9 ИК с линейным ухудшением прогноза по оптимальности к концу академических учений (рис. 1, 2).

В начале академических учений (рис. 2) общей была 10-я модель социальной защиты, в конце – из-за социогенных потерь защита ухудшилась в 2 раза – до 19-й. Если в 10-й модели в реальной модели комплекс личности занимает первую позицию, комплекс творчества – вторую, среды – третью, в проективной модели – вторую позицию, на первой позиции остается комплекс творчества, на третьей – комплекс личности, то в 19-й модели в реальной и уже в проективной модели комплекс среды с потенциалами напряженности и неопределенности занимает первую позицию, комплекс личности – вторую, комплекс творчества – третью позицию.

Переход от 10-й модели в начале учений к 19-й модели к концу сопровождается ухудшением СПК по оптимальности от 4-й ступени 10-й до 7-й ступени 19-й. От наихудшей 31-й модели 19-я по оптимальности отстоит всего в 2 ступенях, где уже и в реальной, и в проективной моделях на первой позиции находится комплекс среды, на второй – личности, на третьей – творчества, которое угнетено комплексами среды и личности или заблокировано по сравнению с 1-й (рис. 1). У курсантов-юристов в 1–5-й и 7-й дни учений сформировались 10, 12, 18, 15, 16, 20-я модели СПК, курсантов-экономистов – 12, 13, 20, 17, 14, 18-я, курсантов-психологов – 16, 18, 19, 18, 17, 18-я.

Таким образом, каждая группа даже за короткий интенсивный период деятельности формировала социальную защиту, а она, в свою очередь, влияла на социально-психологическую защиту, которая, вызывая социогенные потери, приводила к падению уровня оптимальности с 4 до 7 единиц и ухудшению в обобщенном виде до 13, 15, 15, 16-й модели СПК в общей группе и в группах курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов (рис. 2).

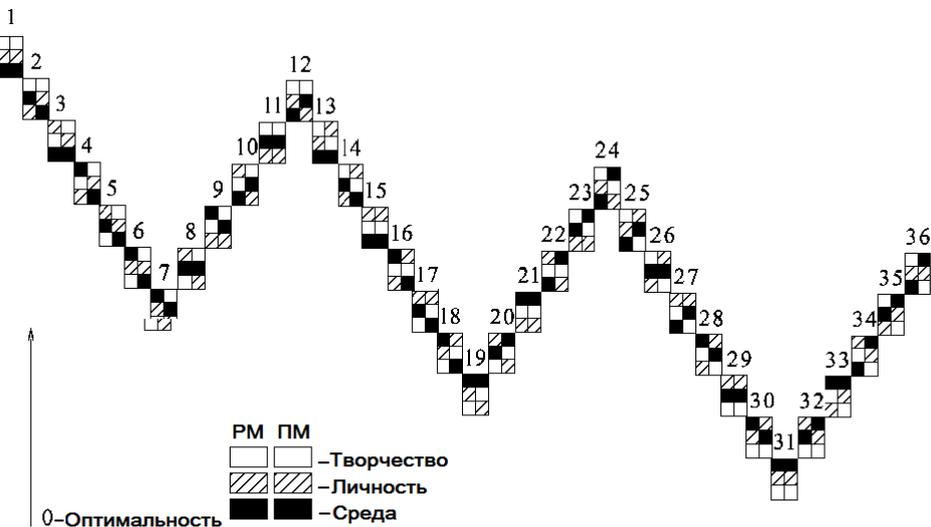
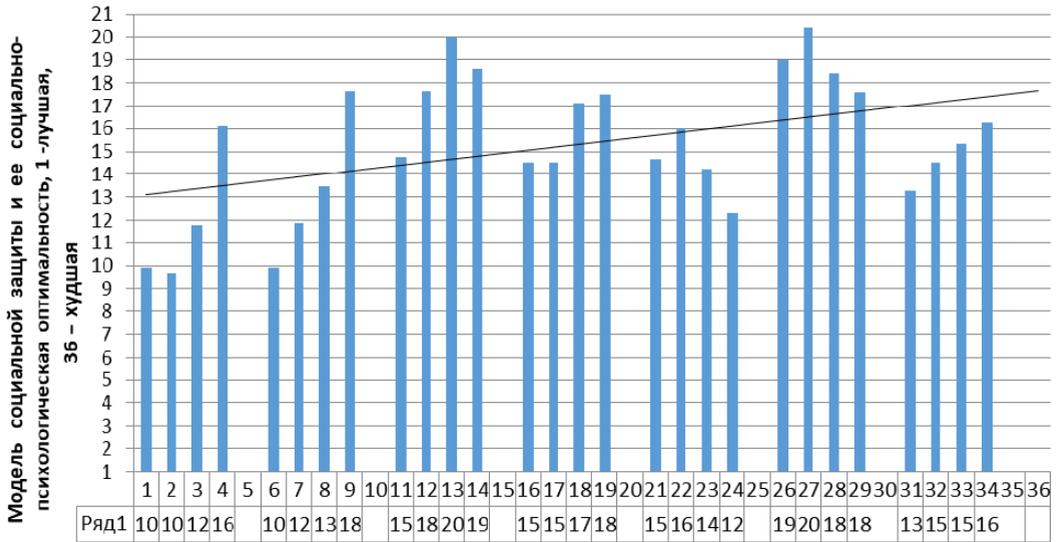
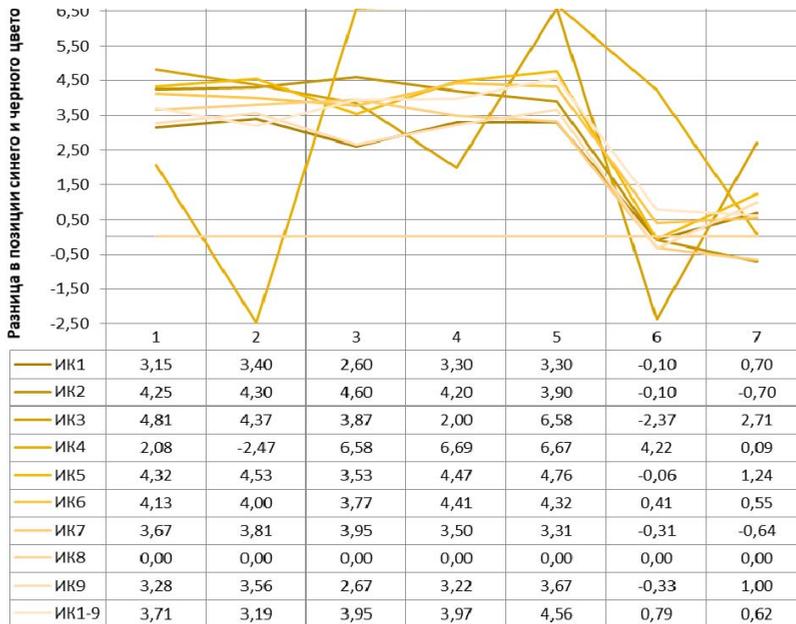

Рис. 1. Пространственное распределение влияния социально-психологического климата на уровень оптимальности реальной и проективной моделей (Б. Д. Парыгин, 2003)

Социальная защита (общая – 1, у курсантов-юристов – 2, курсантов-экономистов – 3, курсантов-психологов – 4) от социогенных потерь в 1, 2, 3, 4, 5, 7-й и за 1–7-й дни в 9 ИК с линейным ухудшением прогноза оптимальности к концу академических учений

Рис. 2. Обобщенная для курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов социальная и социально-психологическая защита от социогенных потерь

Средняя разница позиций синего и черного цветов: 1 – 1-й и 2-й выборы до и после АТ; 2 – 1-й выбор до; 3 – 2-й выбор до; 4 – 1-й выбор после; 5 – 2-й выбор после; 6 – разница между 3-м и 1-м выборами после и до АТ; 7 – разница между 4-м и 2-м выборами

Рис. 3. Эффективность аутотренинга по позициям синего и черного цветов

Таблица 3

Ранг по эффективности аутотренинга по позициям синего и черного цветов

Девять игровых коллективов	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ранг по средней позиции от синего до черного цвета	7	3	1	8	2	4	5	9	6
Ранг по 2 выборам синего, черного цветов до и после АТ	4	8	1	6	2	5	7	9	3

На 6-й день учений проведено 250/233 исследования 1-го и 2-го выборов цветов у 125 курсантов в роли сотрудников восьми ИК, прошедших сеанс аутогенной тренировки (АТ), который готовили психологи игровых коллективов. Проведено по 1-му и 2-му выборам по тесту Люшера в нашей модификации до и после коррекции в ИК1 20/20 исследований, ИК2 – 20/20, ИК3 – 34/23, ИК4 – 38/38, ИК5 – 34/34, ИК6 – 44/44, ИК7 – 0/0, ИК9 – 18/18 исследований. Часть курсантов не отмечали результаты теста Люшера после сеанса АТ, с чем связана разница количества 1-го и 2-го выборов.

В нормальном психическом состоянии синий цвет занимает первую позицию, черный – восьмую. Как видно на рисунке 3, ИК3 (6,58 – 82 %) и ИК4 (6,67 – 83 %) отличаются максимальной эффективностью АТ по позициям синего и черного цветов. Сеансы в остальных ИК были равны по эффективности во втором выборе после АТ в ИК1–9 – 57 %, ИК1 – 41, ИК2 – 49, ИК5 – 60, ИК6 – 54, ИК7 – 41, ИК8 – 0, ИК9 – 57 %, что предполагает в дальнейшем более тщательную подготовку структуры сеанса АТ психологами 1-го, 2-го, 5–9-го ИК. Данные рисунка 3 проанализированы и представлены в таблице 3.

Как видно из таблицы 3, ИК3 занял первое место среди восьми ИК по рангу средней дистанции от синего до черного цвета и по рангу обобщенных двух выборов по дистанции от синего до черного цвета до и после АТ. Вторую позицию занял ИК5, последнюю – ИК8. Психологи ИК8 в организации аутотренинга не приняли участия. ИК4 по усредненным значениям занял последнюю позицию. Остальные ИК заняли промежуточные по эффективности АТ позиции.

Вывод. Разные модели СПК и результаты эффективности АТ свидетельствуют о позитивном или негативном взаимоотношении внутри игровых коллективов между группами курсантов-юристов, курсантов-экономистов, курсантов-психологов, выполняющих различные функции, которые накладывают отпечаток на их взаимоотношения в социальной защите, вызывающей социально-психологическую защиту через социогенные потери, и прогнозируют развитие социогении.

Список источников

1. Парыгин Б. Д. Социальная психология : учеб. пособие. СПб. : СПбГУП, 2003. 616 с.
2. Серов В. И. Дистанция «синий-черный цвет» восьми цветовых выборов как индикатор коррекции потерь личности : сб. материалов XXII психологической школы. Рязань, 2011. 8 с.
3. Опыт изучения социально-психологической напряженности в исправительных учреждениях / Е. В. Берлейн [и др.] // Сборник материалов Деевских чтений (март 2009 г.) и XX психологической школы. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. С. 56–62.

References

1. Parygin, B. D. 2003, *Social Psychology: a textbook*, St. Petersburg.
2. Serov, V. I. 2011, *The “blue-black color” distance of eight color choices as an indicator of correction of personality losses: collection of materials of the XXII psychological school*, Ryazan.
3. Berlejn, E. V. 2009, ‘Experience of studying social and psychological tension in correctional institutions’, in *Collection of materials of the Deev readings (March 2009) and the XX Psychological School*, pp. 56–62, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Информация об авторе

В. И. Серов – кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии.

Information about the author

V. I. Serov – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 22.11.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 22.11.2023.

Научная статья

УДК 140.8:371.4-051

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.687-698

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА УШИНСКОГО

Валерий Николаевич Казанцев¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, v.cazantsev2010@yandex.ru

Аннотация. Формирование мировоззрения у обучающихся является важнейшим элементом в любой педагогической системе. В статье предпринимается попытка с позиций современности в философско-социологическом аспекте рассмотреть формирование мировоззрения у обучающихся в педагогической системе К. Д. Ушинского, найти те моменты в его концепции, которые актуальны и в начале XXI века и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике. Представлена эволюция взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, анализируется связь его педагогического учения с социально-экономическим развитием России середины XIX века, философскими и педагогическими учениями его предшественников и современников. Делаются выводы о том, что философские взгляды К. Д. Ушинского на протяжении его жизненного пути прошли эволюцию от объективного идеализма к дуализму и незавершенному материализму, близкому к диалектическому материализму.

Ключевые слова: мировоззрение, педагогическая система, К. Д. Ушинский, антропология, взаимосвязь, общество, современность

Для цитирования

Казанцев В. Н. Современный взгляд на формирование мировоззрения обучающихся в педагогическом наследии Константина Дмитриевича Ушинского // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 4. С. 687–698. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.687-698.

Original article

MODERN VIEW ON THE FORMATION OF STUDENTS' WORLDVIEW IN THE PEDAGOGICAL HERITAGE OF K. D. USHINSKY

Valerij Nikolaevich Kazancev¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, v.cazantsev2010@yandex.ru

Abstract. The formation of students' worldview is the most important element in any pedagogical system. The article attempts to consider the formation of the worldview of students in the pedagogical system of K. D. Ushinsky from the standpoint of modernity in the philosophical and sociological aspect, to find those moments in his concept that are relevant at the beginning of the XXI century and can be used as guiding ideas in modern Russian pedagogy. The evolution of K. D. 's views is presented. The author analyzes the connection of his pedagogical teaching with the socio-economic development of Russia in the middle of the XIX century, the philosophical and pedagogical teachings of his predecessors and contemporaries. Conclusions are drawn that K. D. Ushinsky's philosophical views have evolved from objective idealism to idealism and incomplete materialism, close to dialectical materialism, throughout his life.

Keywords: worldview, pedagogical system, K. D. Ushinsky, anthropology, interrelation, society, modernity

For citation

Kazancev, V. N. 2023, 'Modern view on the formation of the worldview of students in the pedagogical heritage of Konstantin Dmitrievich Ushinsky', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 687–698, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.687-698.

Введение

В феврале 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из крупнейших представителей русской научной педагогики XIX в. Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), чье педагогическое наследие оставило глубокий след не только в отечественной, но и в мировой педагогике. Целью статьи является рассмотрение и анализ такого аспекта педагогической системы К. Д. Ушинского, как формирование мировоззрения обучающихся, определяющее все остальные части его педагогической системы, и тех элементов в его концепции, которые остаются актуальными и в настоящее время и могут быть использованы в качестве направляющих идей в современной отечественной педагогике.

Рассматривается развитие взглядов К. Д. Ушинского на формирование мировоззрения обучающихся, анализируются его составные части, связь его педагогического учения с социально-экономическим развитием России середины XIX в., философскими и педагогическими учениями того времени. С целью всестороннего рассмотрения К. Д. Ушинским взглядов известных на тот период философов была

использована методика контент-анализа упоминаний имен этих философов в двухтомном издании его основной фундаментальной работы «Человек как предмет воспитания» [1].

Результаты и обсуждение

К. Д. Ушинский был всесторонне развитым человеком своего времени, владеющим в совершенстве немецким, английским и французским языками, знакомым со всеми существовавшими на начало XIX в. философскими учениями (Аристотель, Бэкон, Декарт, Спиноза, Локк, Юм, Кант и др.) и работами французских просветителей того времени (Руссо, Гольбах, Дидро, Ламетри и др.). Что касается его собственных философских взглядов и мировоззрения, то как современники К. Д. Ушинского, так и последующие поколения ученых относили их к разным философским школам и учениям. Так, еще в дореволюционных исследованиях его мировоззрение толковалось с диаметрально противоположных позиций. Одни (например, М. Рубинштейн) считали его последовательным идеалистом, сторонником учения философа Фихте. Другие (например, профессор М. Владиславлев) считали его материалистом.

Представители церковной мистики – Филонов, Радонежский – критиковали К. Д. Ушинского с позиций клерикализма, обзывая его «материалистом-нигилистом». Более того, они писали на него доносы как об атеисте, о неблагонадежном человеке, указывали на игнорирование им религиозных материалов в учебниках и требовали изъять из школ «Родное слово», которое, тем не менее, на протяжении многих десятилетий стало руководством для учителей по преподаванию родного языка и 146 раз переиздавалось до 1917 г. Некоторые (например, И. Скворцов и В. Гольцов) упрекали К. Д. Ушинского в дуализме его учения, и каждый из них был по-своему прав.

Такие различные трактовки философских взглядов К. Д. Ушинского, по нашему мнению, объясняются тем, что, действительно, они были довольно противоречивыми и своеобразными. Кроме того, они эволюционизировали на протяжении его жизни от идеалистических к материалистическим. С целью подтверждения этого вывода мы применили методику контент-анализа упоминаний наиболее известных философов древности и современности в основном двухтомном фундаментальном труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания». В качестве смысловых единиц анализа выступили фамилии философов, упоминаемых и рассматриваемых К. Д. Ушинским в восьмом и девятом томах его полного собрания сочинений; единицами счета были страницы, на которых упоминались эти фамилии. В таблице 1 приведены результаты частотного анализа таких упоминаний, из которого можно сделать вывод о многообразии философских школ и самих философов, рассматриваемых К. Д. Ушинским в его фундаментальном труде (взяты для анализа только те философы, которые упоминаются 5 и более раз).

Если проранжировать указанных в таблице философов в соответствии с частотой их упоминания, то в первую половину этого списка (с количеством упоминаний не менее 30) войдут Бенеке – немецкий психолог и философ, педагог, разработчик педагогики, основанной на данных эмпирической психологии (84 упоминания); Гербарт – также немецкий философ, психолог и педагог реакционного направления (83 упоминания); Аристотель – философ-энциклопедист древней Греции (78 упоминаний) и Спиноза – знаменитый европейский философ XVII века (63 упоминания).

Таблица 1

**Результаты частотного упоминания К. Д. Ушинским
имен философов в работе «Человек как предмет воспитания»**

№ п/п	Философы	Частота упоминаний		
		Том 8	Том 9	Всего
1	Аристотель	37	41	78
2	Бенеке	45	39	84
3	Броун Фома	–	28	28
4	Бэкон Фрэнсис	32	2	34
5	Вундт Вильгельм	27	6	33
6	Гегель	14	26	40
7	Гербарт Иоган	24	59	83
8	Декарт Рене	17	42	59
9	Кант Эммануил	24	37	61
10	Конт Огюст	5	2	7
11	Лейбниц Готфрид	9	3	12
12	Локк Джон	21	12	33
13	Лотце Герман	6	2	8
14	Льюис Дж.	12	–	12
15	Милль Дж.	26	18	44
16	Платон	8	–	8
17	Рид Томас	21	19	40
18	Руссо Жан -Жак	16	12	28
19	Спенсер Гербарт	14	3	17
20	Спиноза Барух	8	55	63
21	Фихте Эммануил	11	3	14
22	Фрис Яков	7	–	7
23	Шопенгауэр	4	20	24
24	Юм Давид	5	–	5

Из таблицы 2 видно, что К. Д. Ушинский обращался при разработке своей педагогической концепции к философам самого различного направления философской мысли (субъективный и объективный идеализм, материализм, дуализм и др.). В каждом из этих направлений он видел как сильные, так и слабые стороны, отмечая их односторонность: крайний идеализм – в стремлении вывести материальный мир из душевного, крайний материализм – в стремлении вывести душевный мир из материального. В конечном счете он, исходя из практической потребности педагогики, выбирает дуализм, согласно которому нельзя сказать что первично: материальное или духовное, а они сосуществуют друг с другом как бы параллельно, находясь в тесном взаимодействии. Такое признание дуализма вслед за Лотцем, на которого ссылается К. Д. Ушинский, требовало большой «независимости в мыслях и благородной смелости в характере», поскольку дуализм подвергался в тот период жесткой критике со стороны как материализма, так и идеализма. Анализируя учения Декарта и Бэкона, Ушинский приходит к заключению, что в них удивительным образом «соединялись скептицизм, идеализм и материализм». В связи

Таблица 2

**Ранжирование двенадцати наиболее упоминаемых философов в работе К. Д. Ушинского
«Человек как предмет воспитания»**

№ п/п	Философы	Частота упоминаний		
		Том 8	Том 9	Всего
1	Бенеке	45	39	84
2	Гербарт Иоган	24	59	83
3	Аристотель	37	41	78
4	Спиноза Барух	8	55	63
5	Кант Эммануил	24	37	61
6	Декарт Рене	17	42	59
7	Милль Дж.	26	18	44
8	Гегель	14	26	40
9	Рид Томас	21	19	40
10	Бэкон Фрэнсис	32	2	34
11	Вундт Вильг.-м	27	6	33
12	Локк Джон	21	12	33

с этим можно вспомнить высказывание Р. Роллана о французском писателе Ренане: «Унося образ моего стойка, являющегося одновременно и эпикурейцем, пессимиста-оптимиста, человека верующего и сомневающегося, истинного человека и человека истины, я думаю о дерзости тех, кто пытается запереть в формулу определенной партии или школы эту гармонию противоречий. В нем богатая музыка переходного времени, отягченного прошлым, чреватого будущим!» [2]. Эти слова Р. Роллана можно по праву отнести и к К. Д. Ушинскому, который жил в период борьбы двух противоположных укладов общественно-экономической жизни в России. На смену феодальной, крепостнической системе шла новая система капиталистических производственных отношений, требующая развития науки и соответствующего образования, воспитания. Несомненно, что влияние эпохи нашло свое отражение и в мировоззрении К. Д. Ушинского, который и сам прекрасно осознавал противоречивость своих философских взглядов. В силу этого, не боясь упреков в признании дуализма, вслед за Лотцем К. Д. Ушинский отвергает крайности идеализма, который выводит материальный мир из душевного, и крайности материализма, который выводит душевный мир из материального. В человеке сосуществуют, по его мнению и убеждению, два мира: душевный и материальный [1].

Саму педагогику К. Д. Ушинский рассматривал в двух аспектах: «педагогику в обширном смысле» как собрание наук, направленных на обучение и воспитание, и педагогику «в тесном смысле» как теорию искусства воспитания. Ссылаясь на Милля, он видел следующее соотношение между педагогией как наукой и педагогией как искусством; вторая – задает науке цели своей деятельности (воспитание совершенного человека, адаптированного к современному обществу, полезного этому обществу и находящегося в гармонии с самим собой, обществом и природой), а наука, получив эту цель как задачу, исследует, изучает реальные возможности достижения этой цели, а затем переда-

ет педагогике как искусству в виде «комбинации обстоятельств (условий)», с помощью которых эта цель может быть достигнута [1].

Одним из важных элементов педагогики как науки и как искусства, объединяющих их в единое целое, является мировоззрение. Как известно, под мировоззрением понимается совокупность логически связанных и непротиворечивых фундаментальных взглядов на природу, общество и человека, а также сформированные на их основе социальные ценности, установки, идеалы как отдельной личности, так и отдельных малых и больших социальных групп. Главной стержневой идеей К. Д. Ушинского, детерминирующей всю его систему воспитания, является неразрывная связь отечественного образования и воспитания с народной культурой и современными потребностями общества и государства.

Можно говорить о трех краеугольных камнях педагогического учения К. Д. Ушинского: народность, религиозность и научность. Под первым (народность) понимается, прежде всего, опора образования на народную культуру с ее языком, обычаями и традициями, адаптированную за тысячелетие своего развития к климатическим и историческим условиям своего существования. Религиозность (применительно к русской культуре это, прежде всего, православие) К. Д. Ушинский понимал как проявление культуры народа, глубоко религиозного в тот период. Православие как элемент не внешне навязанный русскому народу, а сформированный на основе русской народной культуры, аккумулировало, по мнению К. Д. Ушинского, лучшие социальные ценности, обычаи и традиции, позволяющие воспитывать подрастающее поколение в гармонии с природой, окружающими людьми и другими народами. Несомненно, роль религиозности в педагогическом учении К. Д. Ушинского претерпевала существенные изменения в процессе его жизни и научного творчества. Поздние его работы, и прежде всего его фундаментальный двухтомный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1868–1869) [1] позволяют говорить о том, что под влиянием третьего элемента его педагогической системы – научности – роль религии в обучении и воспитании постепенно уменьшалась и рассматривалась как элемент народности, как кладезь народной мудрости. Он утверждал, что «древне-православная религия, с ее всемирно-историческим значением, религия, превратившаяся в плоть и кровь народа, – вот что должно проявляться в народности русского воспитания». В этом же труде К. Д. Ушинский писал, объясняя происхождение религии с исторической точки зрения, что наука не может на нее смотреть иначе как на «историческое явление, возникшее из потребности свойства души человеческой».

Тридцатилетний опыт украинизации в плане навязывания всему населению Украины (особенно в восточных ее областях, в которых традиционно проживало русскоязычное население) украинского языка, отказ от канонического православия и замена его на раскольническую псевдоправославную религию – наглядный пример прозорливости К. Д. Ушинского. В принципе наши идеологические противники учитывали важность народности и религиозности в образовании и воспитании, поэтому так яростно начали искоренять на всей территории Украины русский язык, русскую культуру, каноническое православие, которые объединяли два братских народа. Следует сказать, что они в этом определенным образом преуспели. Протест русскоязычного населения в восточных областях Украины против такой искусственной, принудительной украинизации, начиная с 2014 г., также можно объяснить и понять. Первым делом на освобожденных в ходе специальной военной операции, начатой в феврале 2022 г., территориях в школах возобновили обучение на русском языке (для желающих был оставлен и украинский язык,

как и в Республике Крым – украинский и татарский языки), воспитание осуществляется на основе русской культуры, опоры на православные ценности.

Что касается научности, то под ней К. Д. Ушинский подразумевал опору не только на естественные науки (физику, химию, астрономию и др.), но и на психологию, биологию и другие антропологические дисциплины. Сущность педагогической антропологии заключается в том, что обучение и воспитание детей должно строиться и базироваться на антропологических закономерностях развития человеческого организма от его рождения до взрослого состояния. Естественно, что многие идеи педагогической антропологии К. Д. Ушинский заимствовал у французских просветителей, утверждавших, что «все общественные явления выходят из частных психических явлений». Но он их развил далее и связал с другими элементами своей педагогической системы, в том числе с религиозностью, рассматривая ее как «историческую форму функционирования человеческой психики», позволяющей ей быть источником человеческой мудрости, нравственности. Догматическое изложение правил учения религии, по мнению К. Д. Ушинского, следует предоставить специалистам по богословию, в то время как психология и педагогика рассматривают христианство (прежде всего православие) как явление, вытекающее из потребности человеческой души.

Таким образом, К. Д. Ушинский первым среди русских педагогов того времени принял попытку суммировать научные знания о человеке, показав взаимосвязь педагогики с антропологической наукой. В дидактическом плане это означало, что при обучении необходимо учитывать биологические и психологические особенности развития детей разного возраста. Нельзя ребенку, обладающему конкретным образным мышлением, преподавать предметы, требующие более абстрактного мышления. В своей работе «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинский, основываясь на подробном описании физиологии человека и его психологии, объяснял, в частности, почему дети не могут долго заниматься одним монотонным делом, почему обучение для них должно быть наглядным.

Эти взгляды К. Д. Ушинского в дальнейшем были блестяще подтверждены многими исследованиями зарубежных и отечественных ученых-психологов. Например, швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980) на основе многочисленных опытов и экспериментов показал, как изменяются умственные способности, умения и навыки детей в зависимости от их возраста и взаимодействия с окружающей средой, что позволило ему разработать свою теорию когнитивного развития, больше известную как теория четырех стадий интеллектуального развития [3]. Ж. Пиаже эмпирически доказал, что все дети проходят ряд последовательных стадий в своем интеллектуальном и психическом развитии, усваивая последовательно все новые навыки оперирования материалом, которые определяют пределы возможного для них познания.

В отечественной психологии в трудах академика И. П. Павлова также можно найти эмпирическое подтверждение идей К. Д. Ушинского о том, что «сон есть торможение центральных органов мозга», а «привычки и навыки являются условными рефлексами» [4, 5].

Россия середины XIX в. переживала переход от феодального строя и патриархального уклада жизни к капиталистическому пути развития, от кустарного производства к крупному капиталистическому производству. В силу этого в противовес сторонникам формального образования, стремящимся развивать умственные способности обучающихся на любом подходящем материале, включая мертвые языки, К. Д. Ушинский

считал, что детям надо давать такие знания в области, прежде всего, естественных наук, которые пригодятся им, когда они войдут во взрослую трудовую жизнь. Программа воспитания, по мнению К. Д. Ушинского, должна выводиться из общественного бытия, общественных потребностей, а педагогический успех возможен лишь тогда, когда воспитание основывается на правилах народной морали и нравственности, развиваясь вместе с ними. Именно такое воспитание и образование может способствовать выводу в жизнь новых поколений, вполне готовых к жизни в обществе.

Как сторонник реального образования он не только пропагандировал в своих работах возможность преподавания знаний по физике, химии и другим естественным наукам, но и пытался на практике реализовать свои идеи. Блестящим примером такой практики является введение в учебный план Смольного института благородных девиц, куда он был назначен на должность инспектора в 1859 г. (не без протекции императрицы Марии Федоровны, обратившей внимание на его статьи в «Журнале для воспитания»), новых предметов, главными из которых были русский язык, лучшие произведения русской литературы, естественные науки (основы физики, химии, биологии). При этом широко применялась наглядность в обучении, проводились опыты на уроках биологии и физики.

В качестве преподавателей Смольного института К. Д. Ушинским были приглашены такие видные педагоги, как В. И. Водовозов (литература), Д. Д. Семенов (география), М. И. Семевский (история) и др. Для того чтобы подготовить воспитанниц института к полезному общественному труду, сверх обязательных общеобразовательных семи классов им был предложен и введен двухлетний педагогический класс, позволяющий выпускницам, окончившим его, преподавать в начальной школе.

До этого в Смольном институте воспитанницам давали очень мало реальных знаний, больше заботясь о привитии им светских манер, подготовке к семейной жизни в роли жены и матери. Естественно, что часть реакционно настроенных педагогов этого учебного заведения, близкого к царскому двору, оказывало К. Д. Ушинскому мощное сопротивление. Как только подул ветер борьбы с инакомыслием, доносы на педагога-реформатора достигли своей цели: он был уволен, но в силу его известности как ученого-педагога руководством было принято решение отправить К. Д. Ушинского в длительную заграничную командировку для ознакомления с опытом педагогического женского образования в ряде европейских стран.

Следует сказать, что богатый материал, собранный К. Д. Ушинским в этой командировке, лишь укрепил его убеждение в том, что обучение и воспитание должны базироваться на особенностях национальной, народной культуры. Вместе с тем, особенно в области преподавания естественных наук, педагогических технологий, следует заимствовать и опыт, наработки зарубежных ученых.

К. Д. Ушинский считал, что «индустриальное направление века требует и науки индустриальной», что детей надо знакомить с науками о природе и человеке. Они должны знать родной язык и литературу, историю, географию, математику. Очень важны для человека естественные науки. Педагогика должна сделать их «столь же обыкновенными, как знание грамматики, арифметики или истории». К. Д. Ушинский выступил с резкой критикой классицизма в средней школе, который стал усиленно насаждаться при реакционном министре народного просвещения Д. А. Толстом. В одной из последних своих статей «Что нам делать со своими детьми» (1868) К. Д. Ушинский, полемизируя с защитниками классицизма в образовании, говорит о громадном образовательном и воспитательном значении естествознания и защищает реальное направление общего образования. Он

указывает, что естественные науки развивают умение наблюдать жизнь, интересуют детей несравненно больше, чем латинские и греческие склонения и спряжения, действуют развитию логического мышления и имеют большое практическое значение. В своей книге для чтения «Детский мир» К. Д. Ушинский дал большой учебный материал по естествознанию для первоначального обучения. Он настойчиво рекомендовал введение практических занятий для учащихся, особенно сельских школ, в огороде и поле. Такие занятия развивали навыки трудолюбия, приобретения начальных знаний для дальнейшего профессионального самоопределения, выбора профессий, в которых нуждается современное общество. Само обучение К. Д. Ушинский рассматривал как умственный труд, требующий волевых усилий со стороны обучающихся.

Весьма актуальными для нашего времени являются рассуждения К. Д. Ушинского о склонности к развлечениям. Во втором томе своего сочинения «Человек как предмет воспитания» в главе XLVI «Стремление к наслаждению и стремление к счастью: классическая теория эвдемонизма» он отмечал, ссылаясь на Сократа в интерпретации Платона, что «если сделать личное наслаждение человека верховным критерием его поступков, то вместе с тем и исчезнет не только понятие о нравственном и безнравственном, но даже и понятие об умном и глупом в отношении человеческих поступков о достойном и недостойном» [1]. После долгих рассуждений К. Д. Ушинский приходит к выводу о том, что наслаждения человека, его счастье не должны мешать счастью других людей, окружающих его в обществе, что истинное и долговременное наслаждение человеку дает общественно полезный труд, который основывается на способностях человека к разным видам деятельности.

Выводы и заключения

1. Философские взгляды К. Д. Ушинского на протяжении его жизненного пути прошли эволюцию от объективного идеализма к незавершенному материализму. Приверженность следовать эмпирическим научным данным склонила его на позиции дуализма. Занятие такой позиции характеризовало его «независимость в мыслях и благородную смелость в характере», поскольку дуализм подвергался в тот период жесткой критике со стороны как материализма, так и идеализма. Такая позиция была детерминирована неудовлетворенностью К. Д. Ушинского как господствующими в середине XIX в. идеалистическими учениями, оторванными от реальной действительности, так и распространенным в то время вульгарным материализмом. Анализ творческого пути К. Д. Ушинского позволяет сделать вывод о его движении к диалектическому материализму.

2. Эволюцию в педагогической системе К. Д. Ушинского претерпел и такой ее элемент, как религиозность образования и воспитания. Если первоначально К. Д. Ушинский считал, что религия (и прежде всего православие) должна быть в центре образования и воспитания, то в своих последних работах он рассматривал религию как прикладной воспитательный аспект, помогающий лучше осваивать народную культуру, без которой невозможно ни одно национальное воспитание.

3. Третий фундаментальный элемент педагогической системы К. Д. Ушинского – научность – также изменялся на протяжении его жизни. Можно выделить два важных аспекта в этом элементе: научность самой педагогики, опирающейся на знания антропологии и другие науки, и научность как формирование научной картины мира, приобретение знаний естественных и общественных наук, которые позволяют обучающимся осваивать профессии, отвечающие их интересам и потребностям общества на данный период. К. Д. Ушинский отстаивал на протяжении всей своей жизни тезис, что школа

должна готовить учеников к реальной жизни в обществе, к трудовой социально полезной деятельности.

4. Если расчленить сложное понятие «мировоззрение» на известные в философии три его составные части: мироощущение (как эмоционально-психологическую его сторону), мировосприятие (как образ мира в наглядных чувственных представлениях, полученных в результате чувственного восприятия окружающего мира) и миропонимание (как познавательную-интеллектуальную сторону мировоззрения), то можно сделать вывод о том, что три краеугольных элемента педагогической системы К. Д. Ушинского, о которых говорилось в данной статье, – народность, религиозность и научность – позволяют формировать все эти составные части мировоззрения. Так, религиозность позволяет формировать мироощущение, народность – мировосприятие, а научность формирует представление о мире, природе и обществе на основе их рационального объяснения.

5. Актуальность учения К. Д. Ушинского заключается также в том, что и в настоящее время, когда в нашем образовании и социальном воспитании начиная с 90-х годов XX в. был взят курс на глобализацию образования, определенного преклонения перед западными моделями образования, тема народности, опоры на православные духовные ценности становится чрезвычайно важной. Лишь в последние годы мы начали осознавать, что наша система образования и воспитания была несколько не хуже, а чем-то и лучше западной системы, и из-за обрушившихся на нашу страну всевозможных санкций коллективного Запада начали отказываться от Болонской системы высшего образования, модифицировать систему ЕГЭ и другие элементы западного образования, чуждого нашей культуре и менталитету.

6. Опираясь на такой аспект мировоззрения К. Д. Ушинского, как изменчивость и развитие природы и общества, предполагающий постоянную коррекцию обучения и воспитания в соответствии с этими изменениями, следует и в настоящее время отказываться от догм и раз и навсегда установленных стандартов образования и воспитания, адаптируя систему образования к новым реалиям общественного бытия. Говоря о возможности построения «полной и совершенной теории воспитания», К. Д. Ушинский прекрасно осознавал безуспешность этого замысла, поскольку науки, на которых должно основываться воспитание, далеки еще от совершенства. Теория воспитания вслед за развитием наук должна также изменяться и совершенствоваться.

7. Если посмотреть на нашу современную систему образования с позиций народности как главного элемента педагогической системы К. Д. Ушинского, то можно неприятно поразиться тем изменениям, которые произошли в ней за последние 30 лет копирования западных образцов и ценностей западной культуры. Следовательно, надо кардинально менять нашу систему образования и воспитания в сторону народности, российской идентичности. Эти изменения должны коснуться, на наш взгляд, деятельности не только средней и высшей школ, но и средств массовой информации и коммуникации, учреждений культуры. Следует, наконец, осознать, что мы как представители великой евразийской страны должны развивать свою самобытную культуру, которая больше подходит нашему обществу. Это не значит, что как в системе образования, так и в системе воспитания мы должны замыкаться и отгораживаться от всего прогрессивного, что наработано в других странах, в том числе и западных, особенно в области педагогических технологий. К. Д. Ушинский сам стоял на таких позициях, призывая к диалектическому вдумчивому заимствованию иностранного опыта, приспособляя его под наши российские условия жизни.

8. Во многих местах первого и второго томов своего труда «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинский заявлял о своем намерении в третьем томе изложить свод педагогических правил, основанных на научных данных физиологии человека, психологии, а также рассмотреть вопрос о соотношении политологии, социологии, социальной философии и логики с педагогикой как наукой и искусством. К огромному сожалению, ранняя смерть в возрасте 47 лет (самый расцвет для ученого, особенно гуманитария) не позволила осуществиться этим намерениям. В силу этого педагогам самим приходится делать выводы из его фундаментального труда и помнить при этом, что сам К. Д. Ушинский рассматривал педагогику одновременно как науку и как искусство, а это значит, что как искусство педагогика требует, по его словам, кроме знаний еще и педагогических способностей и склонностей. Но эти способности и склонности должны быть вооружены данными многих антропологических наук. Тогда задача педагога будет заключаться в том, чтобы грамотно и диалектично использовать данные этих наук, конкретные технологии, вырабатываемые на их основе, в благородной деятельности по воспитанию такого человека, который востребован современным ему обществом, который свои природные таланты и способности может применить на благо этого общества.

Список источников

1. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. / редкол.: А. М. Еголин, Е. Н. Медынский, В. Я. Струминский. М. ; Л. : Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952. Т. 8–9.
2. Роллан Р. Собрание сочинений : в 14 т. / под общ. ред. И. Анисимова. М. : Гослитиздат, 1954–1958. Т. 14.
3. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб. : Питер, 2004. 192 с.
4. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. 2-е изд., доп. М. : АН СССР, 1951–1954.
5. Фролов Ю. П. И. П. Павлов и его учение об условных рефлексах. М. : ЕЕ Медиа, 2016. 268 с.

References

1. Egorin, A. M., Medynskij, E. N. & Struminskij, V. Ja. (eds) 1948–1952, *Ushinsky K. D. Collected works*, in 11 vols, vols 8–9, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, Moscow, Leningrad.
2. Anisimov, I. (ed.) 1954–1958, *Rollan R. Collected works*, in 14 vols, vol. 14, Goslitizdat, Moscow.
3. Piaget, J. 2004, *Psychology of intelligence*, Piter, St. Petersburg.
4. Pavlov, I. P. 1951–1954, *Complete Works*, 2nd edn, Academy of Sciences of the USSR, Moscow.
5. Frolov, Ju. P. 2016, *I. P. Pavlov and his doctrine of conditioned reflexes*, EE Media, Moscow.

Информация об авторе

В. Н. Казанцев – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и probation.

Information about the author

V. N. Kazancev – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Social Work and Probation.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 01.11.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 01.11.2023.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редакторы *О. А. Кейзина, Т. Н. Русакова*
Перевод *О. Р. Белозерова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 19.12.2023. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 12,00. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 39 экз.

Заказ № 442.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИИ России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИИ России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

